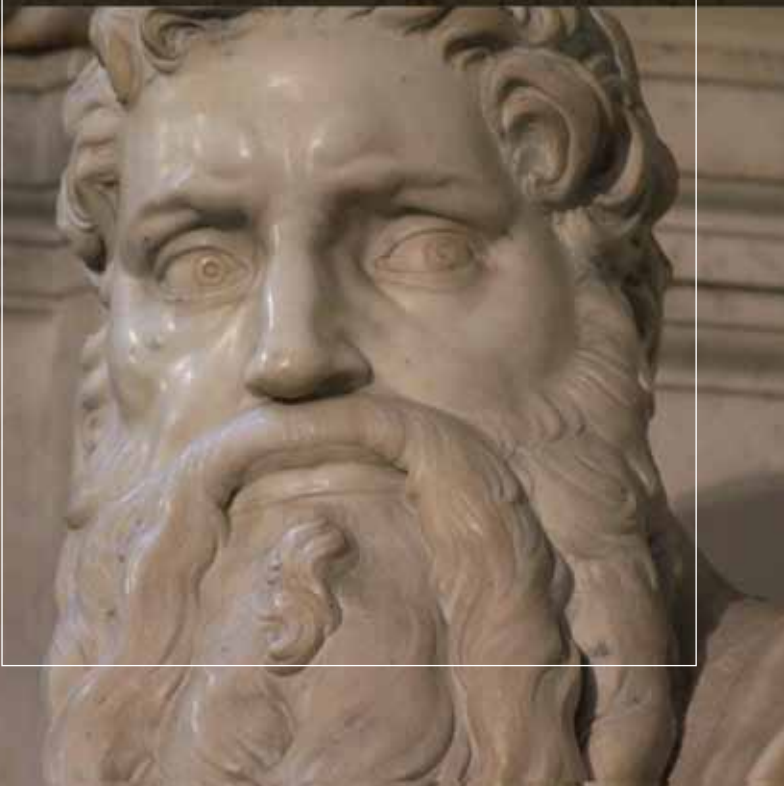

Петр Баренбойм, Абдусалам Гусейнов,
Аркадий Недель, Сергей Шиян

МОИСЕЙ

Первый философ права
Человек, который видел Бога

*Междисциплинарный Центр философии права
при Институте философии РАН*

Флорентийское общество

Петр Баренбойм, Абдусалам Гусейнов,
Аркадий Неделъ, Сергей Шиян

МОИСЕЙ

Первый философ права
Человек, который видел Бога

ЛУМ
Москва
2017

УДК 26-243.2+340:1(091)

ББК 87.3(0)31

М 74

**Петр Баренбойм, Абдусалам Гусейнов, Аркадий Недель,
Сергей Шиян**

М 74 Моисей. Первый философ права. Человек, который видел Бога / М.: ЛУМ, 2017. — 176 с.

ISBN 978-5-906072-28-3

Сборник статей посвящен образу Моисея в философии и искусстве. Фотографии Сергея Шияна.

**Petr Barenboim, Abdusalam Guseinov, Arkady Nedel,
Sergei Schyan**

Moses: The First Legal Philosopher. The Man Who Saw God / Moscow, LOOM, 2017. — 176 p.

Philosophy of Law, Biblical Studies, Art – statue of Moses. Photo by Sergei Schyan.

ISBN 978-5-906072-28-3

© Оформление, верстка: ЛУМ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. А. Гусейнов</i> Законодательство Моисея: единство морали и права	5
<i>Аркадий Недель</i> «И спрятал Моисей свое лицо» Генезис социального	48
<i>Петр Баренбойм</i> Моисей – первый философ права	85
<i>Петр Баренбойм, Сергей Шиян</i> Моисей Микеланджело: человек, который видел Бога	124

А. А. Гусейнов

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО МОИСЕЯ: ЕДИНСТВО МОРАЛИ И ПРАВА¹

1

Мораль и право – соседствующие, близкие, взаимодействующие феномены. Такова очевидность общественной жизни. Что касается более конкретного характера их соотношения и взаимодействия, то и в литературе и на уровне общественного сознания превалирующим является убеждение, согласно которому мораль выше права. Такой взгляд имеет длительную традицию. Аристотель считал этику, исследующую нравственные добродетели, основной политической (политической) наукой, рассматривал ее как введение к «Политике», исследующей право и законы. Он видел в этике как учении о высшем благе и добродетельном пути к нему основополагающую науку по отношению к законодательной основе общества. Справедливость, совпадающая с законосообразностью (общая справедливость по Аристотелю), и нравственная добродетель являются тождественными понятиями: справедливость есть та же добродетель, только взятая не сама по себе (не безотносительно), а по отношению

¹ Статья является расширенным и значительно дополненным вариантом очерка «Моисей: десять заповедей». //Гусейнов А.А. «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». М.: «Вече», 2009. Стр. 87-107.

к другим. При этом добро выше и корректирует право в той части, в какой в последнем имеются упущения из-за всеобщности формулировок². Другой выдающийся исследователь практического разума, по масштабу и влиянию на европейское сознание сопоставимый с великим Аристотелем, Кант, также признавал родовое единство морали и права: они имеют в своей основе один и тот же практический закон свободы, отличаясь между собой тем, что в качестве юридического (правового) он касается внешних поступков (включая и их максимы), а качестве морального он сам становится определяющим основанием поступков, выступает как чистое долженствование. Мораль и право отличаются между собой не обязанностями, но способом обязывания, при этом, если право связывает с законом только внешние обязанности, то мораль, опираясь единственно (исключительно) на внутренний мотив долга, имеет отношение также к внешним поступкам, охватывает все обязанности.³ По Канту юридическое законодательство также оказывается косвенно этическим. Этическое законодательство выше юридического, так как задает ему канон в виде морального закона. Кроме того, сфера этического шире юридического: оно имеет свои особые обязанности (обязанности по отношению к самому себе) и некую область внешних обязанностей, не попадающих под юридическое законодательство.

² «Право и добро тождественны, и при том, что то и другое тождественны, добро выше» (Аристотель. «Никомахова этика» - сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: «Мысль», 1984. Стр.168).

³ «Этическое законодательство делает и внутренние поступки обязанностями, не исключая при этом, однако, и внешние поступки: это законодательство касается вообще всего, что есть долг.» (Кант. Метафизика нравственности. – Сочинения в шести томах Том 4(2). М.: «Мысль», 1965. Стр.126-127.

Хотя и Аристотель и Кант, каждый, разумеется, в контексте своего этического учения, высказывают мысль, что мораль шире и выше права, тем не менее, они исходят из их основополагающего единства, внутренней взаимообусловленности. Идея единства права и морали составляет стержень всей философии права Гегеля, являющейся составной частью его энциклопедии наук. В ней формальное право (право в юридическом смысле) и моральность (мораль в традиционно этическом понимании) суть два абстрактных момента понятия, а вместе с тем и две ступени становления нравственности как личного мира свободы. Особо следует подчеркнуть: под правом как предметом философии права Гегель понимает царство осуществленной свободы и рассматривает его как родовое понятие по отношению к праву и морали⁴: «Говоря о праве, мы имеем в виду не только гражданское право, которое обычно под этим понимают, но также и моральность, и нравственность и всемирную историю».⁵ В отечественной философской литературе также широко представлен взгляд, рассматривающий право и мораль в одной паре. В.С.Соловьев: «Вот два термина (правда

⁴ Мы здесь оставляем в стороне вопрос о различии понятий морали и нравственности в системе Гегеля, хотя оно существенно для его позиции, да и сама целесообразность такого различения для адекватного обобщения моральной реальности до настоящего времени остается открытой. Для нас важно, что понятия моральности (*Die Moralität*), морального, моральной точки зрения у Гегеля соответствуют общепотребительному (в том числе в этической литературе) употреблению понятия морали, в частности, тому, как его употреблял Кант («Кант пользуется в своем словоупотреблении преимущественно выражением моральность» – Гегель. «Философия права». М.: «Мысль», 1990. Стр.94).

⁵ Гегель. «Философия права». М.: «Мысль», 1990. Стр.94.

и закон), в которых одинаково воплощается существенное единство юридического и этического начал. Ибо что такое право, как не выражение правды и как не содержание закона, а с другой стороны, к тому же понятию правды или справедливости, то есть к тому, что должно или правильно в смысле этическом и что предписывается нравственным законом, сводятся и все добродетели. Тут дело не в случайной одинаковости терминов, а в существенной однородности самих понятий»⁶. Нравственность и право по Соловьеву образуют иерархию, в которой право является минимумом нравственности. В традиции советского марксизма мораль и право рассматривались как формы общественного сознания и в рамках самих этих форм выделялись и еще более тесно сближались между собой (по крайней мере, рядом авторов) как способы социальной регуляции поведения людей. Право при этом рассматривалось как исторически преходящее явление.

* * *

При всех отличиях в кратко обозначенных выше позициях, можно говорить о некоем едином классическом подходе к вопросу о соотношении морали и права, исходящем из убеждения, согласно которому мораль и право связаны между собой таким образом, что мораль выше права в иерархии ценностей и шире его по охвату (объему) действий, подлежащих регулированию. Такой подход исторически обусловлен; он находит, если не исчерпывающее объяснение, то, по крайней мере, одно из существенных оснований в конкретных реалиях общественной жизни, состоянии самих морали и права, степени их развитости. Здесь можно указать на два момента.

⁶ В.С.Соловьев. «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» // В.С.Соловьев. Собрание сочинений. Т.8. СПб.: Книжное товарищество «Просвещение», 1897. Стр. 540.

Во-первых, жизнь человека и общества рассматривалась в некоей идеальной перспективе; сама эта перспектива, ее вектор, степень выраженности и реальности, характер обоснования и наглядные образы понимались по-разному, но в любом случае она мыслилась идеальной, противостоящей наличному положению вещей, свободной от несправедливости и злодеяний. Поэтому право, законодательная принудительность, мыслились в качестве вынужденного, но отнюдь не желательного состояния, в наиболее радикальных утопиях они рассматривались как исторически преходящее явление.

Во-вторых, степень охвата человеческих действий правовым регулированием постоянно расширялась, но, тем не менее, вплоть до настоящего времени не была всеохватывающей; всегда оставались заметные фрагменты, которые поддерживались традицией и обычаем и относительно которых предполагалось, что они в принципе не нуждаются в правовой санкции. Кант, например, такой сферой считал благотворительность, Соловьев – область личных отношений.

В современных условиях ситуация в обоих этих аспектах качественно изменилась. Социальная мысль и, что важнее, общественное сознание, если иметь в виду, разумеется, преобладающий в них ход мысли, отказались от вдохновляющих утопий, от представлений об идеальном будущем без преступлений и социальной несправедливости. Отказались не в силу удовлетворенности достигнутым состоянием общества, а в силу трезвости мысли – по причине того, что согласно господствующим научным верованиям это считается невозможным. Соответственно этому меняется взгляд на право и оно начинает осмысливаться уже не как исторически преходящая ступень общественной жизни, а как ее неизменный атрибут; более того, оно мыслится в качестве адекватной формы общественного жизнеустройства, реализующей свободу как фундаментальную человеческую ценность.

Как выразился академик Нерсисянц, право есть математика свободы. Именно с правом сегодня люди все больше связывают наиболее желательное будущее в социальном плане, что, например, находит отражение в концепциях правового государства, верховенства права. Вопрос не в том, насколько обоснованы такие представления и теории, вопрос, который нас интересует в этом рассуждении, иной: люди сегодня начинают верить в право, по крайней мере, хотят верить в него.

Что касается объема правового регулирования, то оно, если исходить из господствующих теоретических представлений и практических установок, также не знает никаких ограничений. Сегодня мы не можем назвать таких сфер жизни и таких классов действий, которые принципиально не поддавались бы законодательному регулированию и на которые оно еще не распространяется. И если есть такие закрытые области, как, например, тайна переписки, то они признаются таковыми только в той мере, в какой законодательно признаются, оформляются и поддерживаются в этом качестве. Подобно тому, как человек считается родившимся и умершим со всеми вытекающими отсюда общественными следствиями только тогда, когда эти природные факты приобретают юридический статус, благодаря чему они и становятся фактами общественного бытия, точно также все, что человек делает в течение самой жизни, включается в ткань общественной жизни не иначе, как получив юридическую санкцию. Раз это так, то мораль и право не могут быть разведены по горизонтали, когда, например, одна совокупность действий подлежит моральному регулированию, а другая – правовому.

Эти изменения места и значения права в человеческой жизнедеятельности являются одними из самых глубоких, которые произошли в целом в современном мире и которые пришли в Россию вместе с ее возвращением в русло капиталистической формации. Излишне говорить,

что речь идет о действительно историческом вызове, предполагающем и требующем овладения качественно новыми интеллектуальными решениями и социально-психологическими механизмами.

* * *

В рамках интересующей нас темы встает вопрос о новой модели взаимодействия морали и права и, даже более того, вопрос о том, остаются ли еще почва и необходимость для их взаимодействия. В самом деле, если ответственно и всерьез относиться к тому, что все существующее в человеческом мире получает свою легитимность в качестве фактов общественного бытия только после того, как приобретает предварительно легальную (юридическую) форму, и не ставить при этом под сомнение бытийную основательность морали, то становится ясно, что право и мораль не могут быть выстроены ни в последовательный исторический ряд, ни по горизонтали в качестве дополняющих (продолжающих) друг друга звеньев общественных отношений. В историческом аспекте право не менее перспективно, чем мораль, оно гарантировало свое будущее даже более надежно, чем мораль, взяв его в значительной степени под свой контроль, законодательно гарантируя, например, права еще не родившихся поколений, сохранение климата. Да и его прошлое более основательно, чем считалось: вопреки представлениям, будто были некогда золотые времена, когда уже была мораль, но еще не было права. В действительности в ту все еще туманную для нас первоначальную эпоху не было и морали, а практиковалось нечто синкретичное, из чего впоследствии выросли и право и мораль, подобно тому, как из одной косточки образуются разные ветви дерева. Что касается горизонтали общественных отношений, то здесь вопрос о взаимно дополняющем соотношении морали и права отпадает по той уже упомянутой выше причине, что на ней нет

звеньев (участков), которые не поддаются правовому регулированию.

Словом, вопрос о соотношении и взаимодействии морали и права, в целом, остался, если можно так выразиться, без теоретического обеспечения; во всяком случае, текущая литература, насколько я могу судить, не связывает с прямым ответом на него ни понимание морали, ни понимание права. В самом общем виде, конечно, признается факт их взаимодействия, но без выявления его необходимости и оснований. Вместе с тем автономное по отношению друг к другу рассмотрение этих феноменов порождает специфические трудности, которые можно сравнить с чем-то подобным фантомной боли отсутствующей ноги. Понятие морали (и исторически, и по существу) возникает как абстракция разнообразных эмпирических нравов, призванная выразить их общую основу, некий лежащий в их основе закон. Оно при этом, впадая в противоречие с самим собой, выступает в качестве императива, некой самостоятельной обязывающей нормы, претендующей на бытие в качестве живого реального нрава. Надо, говорил Монтень, судить по разуму, а жить по нравам. Мораль же претендует на то, чтобы также и жить по разуму, что невозможно, так как жизнь всегда полна страстей и индивидуальна в своей непосредственной выраженности. Одно дело, например, обязывающий меня всеобщий закон любви и другое дело мои конкретные действия в конкретной ситуации по отношению к конкретным лицам. Второе мыслится как следствие первого, хотя никак и не выводится из него.

Аналогичную несоразмерность, т.е. такую же, которая характерна для морали и нравов (всеобщего морального закона и конкретных поступков), мы наблюдаем и в случае соотношения права и законов. Что право и закон – не одно и то же, что право выше закона, что оно есть истина закона, с этим, по крайней мере, в общей постановке, согласны все. Но остаются открытыми вопросы о

том, как право реализует свою роль критической инстанции, позволяющей страховать общество от неправовых законов, а правовые законы, если таковые возможны, от их деформирования правоприменительной практикой; как удерживать напряжение между правом и законом в разумных пределах и добиваться того, чтобы апелляция к праву не оборачивалась беззаконием, а приверженность «диктатуре» закона не становилась циничной формой бесправия. Право – это мера свободы человека, воплощаемая во всей сложной юридической практике общества. Оно в этом смысле является величиной исторической и абсолютной одновременно: оно исторично, ибо отражает реально достигнутую, возможную степень свободы; оно абсолютно, ибо исходит из признания безусловной ценности свободы личности и необходимости ее постоянного расширения. Смысл права состоит в том, чтобы юридическая практика была выражением общей воли, стояла на страже человеческого достоинства всех лиц, образующих общество, а не была узурпирована какой-либо частью последнего. Богиня правосудия предстает перед нами с закрытыми глазами. Она вершит суд, невзирая на лица. Ей безразлично, о каком конкретно лице идет речь, но ей это только потому безразлично, что все лица ей равно, одинаково дороги. Она безразлична к лицу, но не к человеку. Совершенно ложным является представление о праве как бездушном механизме общественной жизни. В действительности оно представляет собой одно из одухотворенных и одухотворяющих начал совместного человеческого существования.

Словом, мораль и право суть такие феномены, которые не могут существовать вне соотнесенности друг с другом, вне систематически заданной связанности между собой. В то же время превалировавшая в теории и общественном сознании форма такой связи, исходящая из того, что мораль выше и лучше права, уже не соответствует современной моральной и правовой реальности.

Речь идет о необходимости нового осмысления данного вопроса. Одним из моментов такого осмысления может стать обращение к первому великому синтезу морали и права в кодексе Моисея.

2

Моисей – законодатель и учитель еврейского народа, его вождь в период исхода из Египетского рабства, основатель религии иудаизма, пророк, который, как утверждает Библия, не только воспринимал слова Бога, но и непосредственно видел его. Единственным источником сведений о жизни и учении Моисея является Пятикнижие, именуемое в иудейской традиции Торой (torah, что означает и «учение», и «закон») и составляющее основу Ветхого Завета: сюда входят первые пять книг Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. И он же считается автором этих книг. Все, что мы знаем о Моисее, мы знаем от него самого. Существует много вопросов и сомнений относительно жизни Моисея, вплоть до того, существовал ли он вообще как реальное лицо, и считается почти доказанным, что он не мог быть автором Пятикнижия; как доказал еще Спиноза, анализ самого текста Пятикнижия показывает, что он мог быть автором только его частей, вкрапленных в книги Исхода и Второзакония и излагающих непосредственно сам заповеданный Богом закон. Однако, все это можно оставить в стороне, когда речь идет об учении Моисея и его выдающейся роли в духовном развитии еврейского и многих других народов. Когда мы говорим о Моисее, следует иметь в виду, что, говоря словами Ахада Гаама, наряду с археологической правдой есть еще историческая правда, и даже если бы оказалось, что в реальности Моисея не существовало или он вообще не имел отношения к приписываемому ему тексту, это не отменяет той реальной выдающейся и во многих отношениях ис-

ключительной роли, которую его образ и учение имели и имеют в истории⁷.

Основное содержание Торы – это исход евреев из египетского рабства, осмысленный, с одной стороны, как звено божественного замысла, начало которому было положено сотворением мира, а с другой стороны, как драматического исторического опыта, в ходе которого формулируется основа национально-государственного бытия народа, в том числе развернутая система религиозных, нравственных, юридических, повседневнo-жизнейских норм. С точки зрения содержательной, все эти нормы и предписания предваряются особо выделенной (наподобие того, как в современных правовых системах из всего состава законов выделяется конституция в качестве основного закона) вводной частью из десяти заповедей (Десять речений, Десятисловие, Декалог). Десять заповедей в Библии повторяются дважды, в книгах Исход (20: 1-17) и Второзаконие (5: 6-21), между ними есть несколько разночтений⁸. Есть и третья версия Десяти заповедей, которая не совпадает с названными двумя буквально, хотя так же является компактной, в книге Левит (19: 3-19). Десятисловие представляет собой развернутый канон справедливости, является одним из первых памятников этической и философско-правовой мысли.

Моисей сформулировал и развернул в цельную духовно-практическую систему две фундаментальные идеи, раскрывающие своеобразие нравственного бытия человека. Во-первых, над человеком есть Бог, воле кото-

⁷ См.: Ахад Гаам (Ашер Гирш Гинцберг). «Моисей». //Избранные сочинения. Библиотека Алия, 1991.

⁸ Моисей «первым договором обязал только присутствующих современников, а вторым и всех потомков их» (Б.Спиноза. «Богсловско-политический трактат» // Избранные произведения в двух томах. Т.2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С.132).

рого он должен безусловно повиноваться. Это означало, что только в этой внутренней связанности с высшим и вселенским началом человек обретает свою свободу и право быть господином самому себе. Во-вторых, человеческий индивид обретает свободу не сам по себе и не в рамках естественного (кланового, племенного) существования, а в составе более широкой исторической общности – народа, объединенного единством государственной жизни и цементирующих эту жизнь законов. И связь с Богом, и принадлежность к организованному в государство народу, образуют нравственно-правовое поле справедливости, которое является пространством собственно человеческого существования.

Основная жизненная миссия Моисея, в рамках которой разворачивается его религиозная и нравственно-законодательная деятельность – вывести евреев из египетского рабства. Этот контекст – освобождение от рабства – вовсе не является случайным историческим обстоятельством, от которого можно отвлечься. Вернее, будучи таковым в качестве эпизода истории еврейского народа, данное обстоятельство в то же время прямо связано с самим существом дела. Нравственное законодательство, уходящее истоками в метафизические (в данном случае – религиозные) глубины и получающее продолжение в юридической практике, является существенным и неперенным условием обретения свободы и способом бытия в свободе.

Неимоверные страдания и стенания евреев, оказавшихся в египетском рабстве, доходят до Бога, и Он, как повествует библейская легенда, решил вывести их в благодатную страну, которую Он обещал еще Аврааму. Для выполнения этой задачи Бог и призывает Моисея. Моисей пас овец своего тестя и однажды увидел куст терновника, охваченный огнем, но не сгорающий (в традиции

русской словесности – «неопалимая купина»). Привлеченный этим дивом, Моисей пошел к кусту и услышал обращенный к нему голос, который первоначально приказал ему снять сандалии, ибо место, где он стоит, – священная земля. Затем голос представился как Бог его предков и объявил о Своем решении спасти Свой народ от рук египтян и о том, что сделать это Его Именем должен Моисей: «Иди, и Я пошлю тебя к фараону, и выведи Мой народ, Сынов Израиля, из Египта» (Исход, 3: 10)⁹. На сомнения Моисея в своей способности сделать это Бог отвечает, что Он будет с ним. На его вопрос, каким именем он должен назвать Бога перед соплеменниками, последовал ответ: «Я Есмь Тот, Кто Я Есмь!». И Он сказал: «Так скажи Сынам Израиля: «Я-Есмь послал меня к вам»». И сказал еще Бог Моисею: «Так скажи Сынам Израиля: Яхве, Бог ваших отцов, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам; это имя Мое навечно, и это память обо Мне из поколения в поколение» (Исход, 3: 14-15). Бог впервые появляется перед Моисеем под собственным и окончательным именем Яхве, что означает «Сущий»; это, видимо, должно было подчеркнуть, что Его участие в судьбе Своего народа достигло высшего пункта. Вместе с тем Яхве – тот же Бог, который покровительствовал предкам евреев и являлся перед ними под именем «Шаддай», что означает «Могучий». Израильтяне должны поверить Моисею. Что же касается фараона, то, как обещает Бог, Он карами принудит его выполнить Свою волю. Моисей продолжает сомневаться. «А если израильтяне не поверят, что мне являлся Яхве-Бог?» – спрашивает он. Бог научает Моисея трем чудесам, которые должны стать знамением того, что он избран Богом. По приказу Бога Моисей превращает свой посох в змея,

⁹ Здесь и далее Пятикнижие мы будем цитировать в переводе доктора исторических наук И.Ш. Шифмана по изданию: Шифман И.Ш. «Учение. Пятикнижие Моисеево». М., 1993.

воду – в кровь, его рука поражается проказой и вновь выздоравливает. Тогда Моисей находит новые аргументы для сомнения. Он сетует, что лишен красноречия и заикается. Бог отвечает, что Он научит Моисея нужным речам, а до народа эти речи будет доносить его старший брат Аарон, обладающий ораторскими способностями. Моисей вместе с братом Аароном объявляют израильскому народу волю Яхве; народ принял их. Потом они идут к фараону и передают ему просьбу израильтян отпустить их в пустыню на расстояние трех дней ходьбы, чтобы принести жертвы своему Богу. Фараон отклонил эту просьбу и, чтобы евреи не предавались праздным мыслям, велел усилить гнет (оставив ту же норму изготовления кирпичей из сырой глины, он приказал евреям самим собирать для себя солому, которая раньше им выдавалась). Чтобы добиться Своего, Яхве подвергает египтян страшным наказаниям: отравляет воду Нила; наводняет лягушками всю страну; земной прах превращает в комаров; насыляет оводов («песых мух»); устраивает тяжелый мор скоту; заражает людей и скот оспенной язвой; проливает дождь с сильным градом, убивающим все под открытым небом; приводит саранчу, пожирающую все подряд; наводит тьму густую и плотную, в которой даже факелы не могут развеять темноту; и, наконец, умерщвляет всех первенцев египтян, независимо от того, идет ли речь о людях или о скоте. Это – так называемые десять казней египетских. Им подвергаются именно египтяне с целью принудить фараона отпустить евреев. Фараон дает слово, потом отказывается; предлагает евреям устроить свое празднество в честь Бога здесь, в Египте; соглашается отпустить их, но без скота. Бог, однако, непреклонен. Интересно отметить: упорное нежелание фараона принять предложение Моисея и Аарона предвидено Богом и санкционировано Им. «Я ожесточил его сердце» (Исход, 10: 1), – говорит Яхве. Бог думает не только о том, чтобы осуществить Свою волю, но и о том, чтобы она осуществлялась по человеческим канонам.

Воля Бога оказывается одновременно обоснованной логикой обстоятельств и законами человеческой психологии. С этой точки зрения вполне понятно долгое упорство фараона (он не желал лишаться даровой рабочей силы и в то же время боялся того, что отпущенные на волю евреи соединятся с его врагами). Понятно также и то, что, в конце концов, когда начался великий стон в Египте, ибо в каждом доме были мертвецы, он должен был сдаться. Путь к спасению был открыт. Готовясь к нему, евреи с санкции Яхве «обобрали египтян» (Исход, 12: 36), выпросив каждый у кого мог одежды, серебряную и золотую утварь. Моисей тем временем нашел и взял с собой останки Иосифа, который в свое время завещал соплеменникам забрать с собой его кости. Так поднялся и пошел еврейский народ, впереди него шел Яхве, указывая путь днем облачным, а ночью огненным столбом.

Бог повел евреев по пустынной дороге, чтобы у них не появилось искушение вернуться. Тем временем фараон догадался, что евреи ушли не для одноразового свершения обряда, как говорили Моисей и Аарон, а навсегда, и снарядил погоню. Шестьсот отборных египетских колесниц во главе с самим фараоном настигли израильтян у берега Тростникового (Красного) моря. Гибель последних казалась неминуемой. Тогда Моисей по указанию Яхве своим волшебным посохом разделяет воды, превращает море в сушу. «И пошли Сыны Израиля посреди моря посуху, и воды были для них стеной справа и слева» (Исход, 14: 22). Когда наутро по тому же пути пустились египтяне, Моисей тем же способом вернул море на свое ложе, и оно поглотило преследователей. Так был найден чудесный выход из безвыходного положения, подтверждающий всемогущество Бога и необходимость веры в Него. Это не единственный случай такого рода в тяжелом и длительном исходе евреев из Египта.

Через три месяца после ухода из Египта израильтяне достигли подножия священной горы в пустыне Синай.

Моисей поднялся на гору, и там Бог возвестил ему, что сыны Израиля, если они будут Его слушать и соблюдать союз с Ним, станут для Него святым народом, более близким, чем остальные, и что через три дня Он спустится на гору в облаке, чтобы израильтяне навеки поверили Моисею. Так и случилось. Гора Синай курилась и сотрясалась, Бог Яхве сошел на нее в огне под сильный трубный звук и возвестил народу те самые десять заповедей, которые составили основу всего Моисеева законодательства. Важно подчеркнуть, что способ предъявления этих заповедей был особым: это сделал Сам Яхве. Народу запрещается восходить на табуированную гору, да и сам он в страхе не желает делать этого, доверив дальнейшее общение с Богом Моисею. Моисей вторично поднимается на гору, где Бог к возвещенным Им перед всем Израилем десяти основным заповедям добавляет множество предписаний юридического, нравственного и религиозно-ритуального характера. Моисей передал народу полученное им учение Яхве, все Его слова и приговоры. «И отвечал народ одним голосом, и они сказали: «Все слова, которые говорил Яхве, исполним!»» (Исход, 24: 3). Так был заключен договор между Яхве и израильским народом, скрепленный тем, что были принесены тельцы в жертву воздаяния Яхве, а Моисей окропил народ жертвенной кровью. После этого Яхве снова призвал к Себе Моисея, чтобы передать ему каменные таблицы с записанными на них повелениями. Моисей снова взшел на гору и оставался там сорок дней и сорок ночей, которые были для него временем строгого поста и интенсивного общения с Богом.

Оставшийся внизу народ пришел в волнение из-за долгого отсутствия Моисея. Израильтяне решили сделать себе других богов, чтобы вообще не остаться без них. Они собрали все золотые серьги, и Аарон переработал их в литого тельца, который заменил им Яхве. Они сказали, что этот золотой телец вывел их из Египта. Яхве возмутился такой мерзостью и сказал, что он унич-

тожит это необузданное племя и заново создаст великий народ из потомков Моисея. Моисей заступился за евреев, приводя два аргумента, которые, ничуть не смягчая самого преступления, ставили под сомнение справедливость столь суровой кары: если такая кара свершится, то египтяне могут сказать, что Яхве вывел израильтян из Египта во зло, чтобы истребить их в пустыне; кроме того, получится, что Бог не сдержал собственного данного Аврааму, Исааку и Израилю обещания умножить их потомство и поселить их навечно в обетованной земле. Бог отказался от Своих угроз. Моисей с двумя плитами, на которых Божьим перстом были выведены законы, спустился вниз. Он увидел разнузданную картину плясок вокруг тельца и был настолько разгневан, что отшвырнул в сторону плиты, которые разбились, взял изображение тельца, сжег его, истолок в мельчайшие кусочки, посыпал ими воду и заставил всех испить ее.

Моисей позвал к себе сторонников Яхве. На зов откликнулись представители его колена, сыны Леви. Пророк приказал им мечом привести народ к покорности, что и было сделано; они истребили за день около трех тысяч человек. На следующее утро Моисей объявил израильтянам, что они «согрешили великим грехом» (Исход, 32: 30), но он попытается очистить их грех перед Богом. Яхве после раздумий подтверждает Свою волю поселить навечно израильтян на земле их отцов, прогнав обитающие там племена ханаанеев, амореев, хеттов и других, предостерегает Свой народ от соблазна терпимого отношения к этим племенам, их богам и святыням. «Не заключай союза с жителями Страны» (Исход, 34: 15), – говорит Он. Яхве предостерегает израильтян также от их собственной необузданности. Моисей по Его указанию изготовил две новые каменные плиты, подобные прежним. «И сказал Яхве Моисею: «Напиши для себя эти речения, ибо согласно этим речениям Я заключаю с тобой договор и с Израилем. « И он был там с Яхве сорок

дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил, и написал на плитах речения союза, десять речений. И было, когда сходил Моисей с горы Синай, и две плиты закона были в руках Моисея, когда он сходил с Горы. И Моисей не знал, что еще испускало лучи его лицо, ибо Он говорил с ним» (Исход, 34: 27-29).

Отношения Яхве и Израиля (и народа, и Моисея) основаны на договоре. Это принципиально важно для понимания как правового статуса, так и нравственной укорененности нормативной системы Торы, которая в такой же мере является свободным выбором самих израильтян, в какой и даром Бога.

Дальше начинается высокая и трудная жизнь народа по этому договору, в соответствии с принятыми на себя обязательствами. Моисей по указанию Яхве посылает небольшую группу – по одному человеку от каждого племени в предуготовленную им страну Кенаан (Ханаан), чтобы они могли разведать, какова она – обильна или нет, и что за народ – слабый или сильный – там живет. Сорок дней они осматривали землю и вернулись, пораженные ее благоустройством и плодородием, в доказательство чего они принесли черенок с кистью винограда и другие плоды. Вместе с тем они нашли, что живет там народ очень сильный, рослый, которого евреям не одолеть. Только двое из побывавших в Кенаане – Иисус сын Нуна (Навина) и Калев сын Иефунны не разделяли общего капитулянтского настроения. Израильтян охватила паника, они стали сомневаться во всей затее исхода из Египта и думать о том, чтобы вернуться назад. Яхве вновь разгневался на своевольный народ, который никак не может уверовать в Него, несмотря на все знамения. Он уже собирался поразить его моровой язвой и вернуться к Своему замыслу основать вместо рода Израилева новый Моисеев род. Моисей опять заступает за неразумных соплеменников. Яхве проявляет милосердие и справедливость одновременно: Он прощает евреев по просьбе Моисея, но

обрекает их на блуждания по пустыне в течение сорока лет – по году на день пребывания представителей племен в стране Кенаанской. И Он говорит, что никто из тех, кого Моисей посылал осмотреть страну, кроме Иисуса и Калева, не достигнут этой страны, точно так же умрут в пустыне все, кому двадцать лет и старше. В течение этих долгих странствий по пустыне Моисей предводительствует свой народ, наставляя и защищая его, подавляя его гнев и ропот, творя справедливость, укрепляя в нем сознание богоизбранности, приучая его к нравственной, юридической и ритуальной дисциплине. Однако и самому Моисею не суждено ступить на обетованную землю. Это наказание ему за грехи израильтян и за собственное колебание, проявленное однажды перед лицом роптавшего из-за жажды народа. Справедливо наказывая Моисея, Бог сохраняет к нему особое расположение. Он дает возможность Моисею бросить предсмертный взгляд на Обетованную землю с горы, расположенной напротив Иерихона. Там Моисей и умер. Могила его неизвестна. «А Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; не ослабел его глаз и не исчезла его сила... И не появлялся еще пророк в Израиле, подобный Моисею, которого знал Яхве лицом к лицу» (Второзаконие, 34: 7,10).

* * *

Десятисловие, являющееся основным предметом нашего рассмотрения, именуется законом Моисея. Следует задуматься, в каком смысле это – закон Моисея: в том ли смысле, в каком мы говорим, например, о законах Ньютона, обозначая так некоторые открытые этим английским ученым законы природы, или в том смысле, в каком иногда юридический акт обозначают именем стоящего за ним законодателя, как, например, поправка Джексона – Вэника или закон Яровой. Для этого надо ответить на вопросы, кто есть Моисей и почему именно он стал Моисеем?

Особый статус Моисея, выделяющий его среди его соплеменников, как свидетельствует Пятикнижие, определяется тем, что он является посредником между израильтянами и их Богом. «Я же стоял между Яхве и вами» (Второзаконие,5:5), – говорит Моисей. Народ, испуганный мощью Бога и не готовый прямо иметь с ним дело, избирает Моисея своим представителем перед Богом («Приближайся ты и слушай все, что скажет Яхве, наш Бог, и ты говори нам все, что станет говорить Яхве, наш Бог, тебе, и мы услышим и сделаем». – Второзаконие, 5:27). И Бог выделяет его, чтобы транслировать свою волю народу («Я стану говорить тебе все веления, и законы, и приговоры, которым пусть ты научишь их, и пусть они делают (так) в Стране, которую Я даю им, чтобы владеть ею» – Второзаконие, 5:31). Моисей, реализуя свою миссию, очень похожую на изобретенную в наши дни челночную дипломатию, находится в движении между Богом и народом. Перед Богом он заступает за народ, просит простить слабости и измены народа, с народом он говорит именем Бога, требуя беспрекословного выполнения предписаний Бога. Моисей и слуга, и господин: он – слуга по отношению к Богу, и господин по отношению к народу. Он является слугой в качестве господина, ибо Бог имеет дело с ним не как с частным лицом, а исключительно как с вождем, руководителем народа, говорит с ним не о его личной судьбе, а о судьбе народа. И он является господином в качестве слуги, израильтяне согласились иметь его над собой в качестве вождя только потому, что он ведет их путями, которые предначертаны Богом. Будучи посредником между Богом и народом, Моисей не только соединяет обе стороны, ему одновременно и достается с обеих сторон: он терпит наказания и от Бога, лишившего его возможности вступить на обетованную землю, и от народа, многократно демонстрировавшего свое неповиновение. Быть посредником между субъектами не означает быть посередине, равно отстоять от каждого из них

или считать их равнозначными, точно также не означает возвышаться над ними. Это лишь означает соединять их, проложить путь, стать мостом между ними, испытывая давление со всех сторон, поддерживая их реальные различия, равновесность и вытекающую из этой равновесности архитектонику.

Словом, Моисей, конечно, и пророк, ставший устами Бога, и вождь народа, борющегося за свое освобождение, и государственный строитель, и законодатель, и моралист, и богослов, но основное его определение, соединяющее воедино эти различные ипостаси, состоит в том, что он является посредником между землей и небом, людьми и Богом. Почему именно Моисей, что есть в нем, в его судьбе и натуре, такого, благодаря чему он мог стать таким посредником? Прежде всего, почему Бог избрал его в качестве своего пророка? Гегель замечает, что личность Моисея (как и Магомета, но в отличие от Иисуса) «есть нечто историческое, совершенно безразличное для абсолютного содержания, взятого самим по себе, так как личность не есть само содержание учения»¹⁰. Конечно, содержание истины не зависит от того, кто ее возвещает или в какой форме она запечатлена. Но ее восприятие зависит. Ведь сам Гегель где-то заметил, что одно и то же утверждение: «жизнь прожить – не поле перейти» звучит по-разному в устах юноши, только начинающего жить, и в устах старца, умудренного жизненным опытом.

Моисей не выделяется выдающимися интеллектуальными и физическими качествами, какой-то необычайной сообразительностью, магическими способностями и т.п. Его особость и преимущество – морального свойства. Три события определяют его жизненный рисунок первые 80 лет жизни. Прежде всего – это необычные обстоятель-

¹⁰ Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука, 1993. Стр. 125

ства его детства, в силу которых ему улыбнулось счастье и вместо того, чтобы быть умерщвленным в качестве сына еврейки, он оказался во дворце фараона. Однако, достигнув зрелого возраста, когда человек делает выбор, он поставил на карту дарованное судьбой внешнее благополучие своей жизни и, следуя зову души, встал на сторону угнетенных соплеменников¹¹. Второй эпизод состоял в том, что он, заступаясь за избиваемого еврея, убил египтянина и вынужден был бежать из страны. Третий эпизод также свидетельствует о его обостренном чувстве справедливости: на этот раз он заступился за оскорбляемых пастухами сестер, в результате чего он женился на одной из них и поселился в доме тестя.

Пророческая деятельность, говорит Спиноза, исследовавший ее природу, главным образом основывалась на том, что пророки «обладали духом, склонным только к справедливому и благому» (Спиноза, Указ.соч., стр.34). Это относится и к Моисею. В этом отношении показательна первая реакция Моисея на призыв Бога – недоумение, проистекающее из сознания того, что он не готов и не достоин предлагаемой ему миссии. Он не бросается с радостью на зов Бога; он отказывается, приводя разные аргументы, так что Бог предпринимает усилия, чтобы он поверил в свои силы. Именно это сознание своего несовершенства более, чем что-либо другое, свидетельствует о высоких моральных качествах Моисея, его внутренней готовности к правильным отношениям с Богом. Чело-

¹¹ «Моисей собственным примером учит нас встать на сторону добродетели, как на сторону соотечественника» - пишет Григорий Нисский, комментируя это событие в жизни Моисея. (Святитель Григорий Нисский. «О жизни Моисея Законодателя или о совершенстве добродетели». Храм свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 1999. Стр.33).

век, берущий на себя роль вождя и учителя народа, как бы признает себя достойным этой роли. Тем самым он оказывается в нравственно двусмысленном положении. Бог отводит шаг за шагом сомнения Моисея вплоть до того, что берет на себя ответственность за его высокую миссию. Как свидетельство этого, он научает Моисея некоторым вещам, которые превышают человеческие возможности и должны для окружающих стать знаменами его избранности. Именно добродетельность, выразившаяся в заступничестве первоначально за униженного брата и оскорбляемых женщин, в последующем за весь угнетенный народ, в почтительном отношении и безусловном следовании воле Бога, дают ответ на вопрос, почему именно Моисей. Те же самые качества, в силу которых Бог избирает Моисея своим пророком, являются основанием того, что народ признает его своим вождем. Народу важно, чтобы тот, кто представляет его волю, был самоотвержен (думал не о своем благе, а о благе народа) и справедлив (судил, как велит данный Богом закон). Моисей, таким образом, является гарантией договора, заключенного между Богом и народом. Совершенство Моисея, его добродетельность делает его посредником между Богом и народом. Как пишет Григорий Нисский, «Сам Бог называет его другом Своим (Исход,33:11), А когда он предпочел погибнуть со всеми остальными, если Божество по Своему долготерпению не простит им их прегрешения (Исход,32:33), то прекратился гнев Божий на израильтян, ибо Бог изменил Свой приговор, чтобы не огорчать друга. Все это служит свидетельством и доказательством того, что Моисей в своей жизни достиг высочайшей степени совершенства»¹².

О законах Моисея мы можем говорить в смысле, близком к тому, в котором мы говорим о законах Ньютона.

¹² Святитель Григорий Нисский. Указ. соч., стр.104.

Как последние суть законы природы, существовали и существуют независимо от Ньютона, но стали известны нам и приобрели статус истины только благодаря ученым достижениям Ньютона, так и законы Моисея не им придуманы, они объективны (по библейской легенде исходят от Бога), но мы знаем о них через посредство Моисея и благодаря его жизненной мудрости. Следует иметь в виду, что в Моисеевом Пятикнижии, которое начинается с книги Бытия, с создания Богом мира и человека, и которое воспроизводит всю последующую историю вплоть до событий, связанных с исходом евреев из египетского плена, законодательство Моисея является продолжением космосозидательной деятельности Бога, оно вписано в мировой процесс. На эту связь обратил внимание еще Филон Александрийский, подчеркнув, что Моисей «предпослал [изложению] законов всепрекрасное и наидостойнейшее начало ... Начало же, как я сказал, в высшей степени удивительно, поскольку содержит [описание] сотворения мира, при этом, поскольку мир созвучен закону и закон миру, [получается так, что] муж законопослушный, будучи гражданином этого мира, исполняет в своих деяниях повеление природы, которая и лежит в основании устроения всего мира»¹³.

* * *

Драматическая история взаимоотношений израильтян, возглавляемых Моисеем, с Богом в процессе их выхода из рабства является в высшей степени поучительной. Она показывает, что свобода должна быть выстрадана, для этого мало уйти от поработителей, надо еще вытра-

¹³ Филон Александрийский. «О сотворении мира согласно Моисею» (2,3) - <http://kharzarzar.skeptik.net/books/philofopificio.htm>.

вить рабство из себя, из своей психологии, мыслей, привычек, что жизнь по законам нравственности и права предполагает изменение способа существования, принципиально другой тип общественной дисциплины, чем до них и без них. Для того, чтобы племена переплавились в народ, из дикого этно-природного состояния перешли в историческое, они должны осознать себя в качестве духовной общности. Связь по рождению и по обстоятельствам жизни должна перерасти в связь, опосредованную общей верой, идеалами праведности и справедливости. Чтобы индивиды стали личностями, они должны подняться на уровень персонально ответственного поведения. В жизни людей должно появиться что-то более значимое, чем кровь или чем египетские котлы с мясом и хлеб досыта, которые в одну из трудных минут скитаний по пустыне вновь вспомнили израильтяне, укоряя ими Моисея с Аароном. Моисей привносит идею Единого Бога, общих нравственно-правовых принципов, задавая тем самым духовное пространство, в рамках которого различные, хотя и родственные, племена конституируются в единый народ, поднимаются до осознания своего особого назначения в мире, а индивиды могут действовать, опираясь на свои представления о справедливом и несправедливом, должном и недолжном.

Деятельность Моисея предоставляет нам редкую возможность на конкретном примере наблюдать, как племена трансформируются в народ (нацию), входят в историю и культуру, как в ходе этого процесса индивиды вырабатывают уверенность в себе, научаются действовать в соответствии с принятыми ими самими нормами. Замечательно, что при этом с наивной простотой показана противоречивость этого процесса, в ходе которого консолидация одного народа (в рассматриваемом случае еврейского) происходит за счет его противостояния другим народам, доходящим в отдельных случаях до во-

йны и истребления¹⁴. В этническом смысле евреи – дети Израиля. Но их духовным отцом, отцом нации, является Моисей. Он заложил религиозные, нравственные и законодательные основы их исторического существования. Провозглашенная им религиозность покоится на единобожии, нравственность – на безусловных запретах, задающих единое пространство совместной жизни народа, законодательство – на принципе равного возмездия. Бог, народ, справедливость – так кратко можно было бы обозначить суть учения Моисея. При этом все три понятия образуют единый нерасчленимый комплекс.

За пределами еврейско-иудаистской культуры имя Моисея прежде всего сопрягается с Десятью заповедями. Когда говорят «кодекс Моисея», то обычно имеют в виду именно Десять заповедей, хотя на самом деле нормотворческая деятельность Моисея ими не исчерпывается. Десять заповедей являются общей основой, своего рода введением к детализированному своду законов, охватывающему все общественно значимые аспекты поведения человека и включающему более шестисот разнообразных норм от форм благочестия до правил гигиены. Это – общие религиозно-нравственно-юридические принципы, своего рода философия Моисеева законотворчества. Как уже отмечалось, особое место Десяти заповедей в законодательной части Пятикнижия выделено тем, что

¹⁴ «Хотя те пять книг, кроме религиозных обрядов, содержат в себе много моральных предписаний, однако последние не излагаются в Пятикнижии как моральные правила, общие для всех людей, но как заповеди, весьма приуроченные к пониманию и характеру только еврейской нации, поэтому они имеют в виду пользу одного государства» – Спиноза. «Богословско-политический трактат» // Избранные произведения в двух томах. Т.2.М.: Гос изд. политической литературы, 1957. Стр.75-76.

Яхве возвестил их израильтянам Сам, в отличие от других законов, которые Он предписал через Моисея. Осмысление Десяти заповедей Моисея показывает, что в историческом процессе, в ходе которого на смену природе приходит культура, а естественно сложившиеся родственные племена сливаются в единый народ и организуют свою жизнь в форме государства, словом, когда говоря более обобщенно, происходит переход от первобытности к цивилизации, исключительно важная, в известном смысле первостепенная, роль принадлежит нравственности. Весь этот космический по масштабу и последствиям переход от природы к истории произошёл в рамках новых, гуманистически ориентированных нравственно-правовых запретов, осознанных в качестве исходного и безусловно базиса человеческого общежития.

Обычно принято подразделять заповеди Десятисловия на две группы: первые четыре, относящиеся к сфере сакрального права, и последующие шесть, относящиеся к сфере мирского права. Соответственно, первые считаются религиозными предписаниями, последующие – моральными. Такое членение очевидно. Но оно недостаточно и может создать ложное впечатление, будто Десятисловие является механическим соединением разнородных норм. В действительности это – внутренне цельная система, в которой нормы взаимоотношений между людьми прямо вытекают и зависят от норм взаимоотношений людей с Богом. Чтобы раскрыть нормативное единство Десятисловия, структурируем его заповеди следующим образом: а) первые три, б) четвертая, в) пятая, г) последние пять.

Первые три заповеди предписывают почитать одного лишь Бога Яхве, запрещают создавать других богов, предостерегают от необязательного отношения к указаниям Бога («не произноси имени Яхве, твоего Бога, напрасно» – Исход, 20: 7). Почему Единый Бог? Почему Яхве?

Прежде всего, потому, что, будучи Единым Богом, и в качестве Единого Бога, Он является также Богом справедливым и ревнивым. Он воплощает в себе правду и силу одновременно. Он задает единые для всех требования и обладает мощью, чтобы заставить людей следовать им. Там, где молятся многим богам, там нет единой правды. Иное дело Яхве, Он – один, Он помнит всех. «Он Бог богов и Господь господ, Бог великий, могучий и страшный, который не взирает на лицо и не берет взятку, творящий правосудие сироте и вдове и любящий жилища, чтобы дать ему хлеб и одежду» (Второзаконие, 10: 17-18). Предостерегая от практикуемого другими народами многобожия, Моисей подчеркивает, что они приносят в жертву богам своих сыновей и дочерей, наносят себе порезы, едят всякую мерзость, что они колдуют, ворожат, вызывают духов, вопрошают мертвых. Именно против этого варварства восстает Яхве, как бы визитной карточкой которого является Исход евреев из египетского рабства. Высвобождение из дома рабства – свидетельство и справедливости Бога и Его силы. Оба этих качества Бога теснейшим образом связаны между собой. Могущество Яхве, Его гнев и беспощадность – гарантия его справедливости, залог того, что Он устоит против любых соблазнов, способен судить, невзирая на лица, никого не боясь, и что Он покарает любое отступление и отступление любого человека от предписанной нормы. Без справедливости кара становится слепой силой. А без кары справедливость деградирует в корысть. Только в соотносительности друг с другом они становятся тем, что они есть, – справедливость справедливостью, а кара карой.

Что же является содержанием и критерием справедливости, отступление от которой карается железной и безжалостной рукой Яхве? Воля самого Яхве, Его предписания. Суммируя перед смертью законы для заключения второго договора Израиля с Яхве, Моисей говорит: «Смотри, я даю вам нынче благословение и проклятие,

благословение за то, что вы послушаете веления Яхве, вашего Бога, которые я повелеваю вам нынче, и проклятие, если не послушаете веления Яхве» (Второзаконие, 11: 26-28). И далее: «Храни и слушай все эти речения, которые я повелеваю тебе... ибо ты сделаешь доброе и праведное в глазах Яхве, твоего Бога» (Второзаконие, 12: 28). Еще более резко эта мысль выражена в тридцатой главе Второзакония: «Смотри, я кладу перед тобой сегодня жизнь и добро, и смерть и зло» (Второзаконие, 30: 15). Жизнь и добро в том случае, если слушать речения Яхве, идти Его путями, смерть и зло в том случае, если поклоняться другим богам.

Рассуждения Моисея о Яхве на первый взгляд выглядят как простая тавтология: необходимость следования Божественным заветам обосновывается их справедливостью, а сама справедливость усматривается в следовании Божественным заветам. Но эта тавтология приобретает вполне конкретный содержательный смысл, если учесть, что Яхве – Бог Израиля, определенного народа. И обращается Он не к отдельным индивидам, а ко всему народу, как если бы сам народ был одним человеком. Он имеет дело с народом как с целым, заботится о его благе. Говоря по-другому, Израиль становится Израилем, единым народом, через Единого Бога, и этим, наличием Единого Бога, он отличается от других народов. Тем самым требования справедливости и требования послушания Богу приобретают вполне конкретный смысл, который состоит во благе Израиля, возвышении святого народа. Единство народа, братство всех индивидов в его пределах, а также мысль о том, что единство народа обеспечивается едиными законами – вот что составляет содержание ветхозаветной справедливости, которую так ревниво оберегает Яхве. Словом, один Бог, одна справедливость, один народ.

Четвертая заповедь: «Помни день отдохновения» (Исход, 20: 8) является исключительно важной как раз

с точки зрения связи Бога и народа. В ней отношение к Богу и отношение к ближним оказывается одним и тем же отношением. Суббота – время духовного сосредоточения, размышлений о Боге, очень важных для того, чтобы за повседневной суетой, за всякими частными делами не потерять из виду общих целей. Это день, который отдается Богу. И в то же время это день, в который перед лицом Бога уравниваются все в пределах Израиля, независимо от их социального статуса. Отдохновение (подчеркнем еще раз: отдохновение ради Яхве) предписано и рабам, и чужеплеменникам, находящимся в доме, и даже домашнему скоту. В субботнем отдохновении духовное единство Израиля перед Богом находит свое предметное воплощение. С этой точки зрения многозначительный характер приобретает различие в формулировке, если быть еще более точным, в обосновании этой заповеди, которое мы находим в Исходе и Второзаконии. В Исходе святость субботнего отдыха аргументируется тем, что Бог шесть дней создавал мир, а в седьмой отдыхал; в более позднем Второзаконии основание заповеди иное – прямое повеление Яхве в знак освобождения из египетского рабства. Если в первом случае Бог выступает в его всеобщем качестве Создателя Мира, то во втором – в особом качестве Покровителя Израиля. Во Второзаконии сильнее подчеркнут тот момент, что суббота, будучи символом связи с Богом и свободой, является в то же время символом национального сплочения.

Пятая заповедь предписывает почитание отца и матери. Ее необходимость объясняется не только фактами преступного попрания детьми воли родителей (так, в Пятикнижии мы находим норму, предусматривающую смертную казнь детям, побившим или проклявшим отца и мать). В контексте Десятисловия эта заповедь приобретает особый смысл – она призвана подчеркнуть, что новый религиозно-национальный горизонт общественного поведения не отменяет вековечный закон почита-

ния родителей. Отказ от кровнородственной формы организации общественной жизни не означал ценностной дискредитации самого типа кровнородственных связей. Они сузились до границ семейных связей и в этом качестве сохранили исключительно высокий нравственный статус. Обязанности, налагаемые кровным родством и вытекающие из ценности семьи, были и остаются вплоть до настоящего времени сильнейшими побудительными силами и мотивами общественного поведения. Требование чтить родителей выражает преемственную связь цивилизации (истории) с древним обществом и является составной частью её нравственно-правового базиса.

Последующие заповеди (с шестой по десятую) можно охарактеризовать как нормы отношения человека к ближним, понимая под ближними всех представителей своего народа и только их. «Не мсти и не злобствуй на сына своего народа, и люби своего ближнего, как себя» (Левит, 19: 18), – говорит Моисей. Без этого отождествления ближнего с сыном своего народа нельзя понять своеобразие этики Моисея. Мы уже подчеркивали, что единство народа и его сплочение вокруг Единого Бога, помимо прямого поклонения Богу в установленных и для всех обязательных формах, обеспечивается едиными законами. Справедливость – таков основной предмет, по поводу которого разворачиваются противоречивые отношения народа и Бога. Отсюда и основные их характеристики. Народ предстает в Пятикнижии Моисея необузданным: «народ с твердым затылком» (Второзаконие, 9: 13), – не единожды характеризует его Яхве. Но и Богу свойственны гнев и жестокость. Их отношения упорядочиваются на основе законов, призванных сдерживать необузданные страсти и гарантированных беспощадным всемогуществом Бога.

Пять заповедей, образующих вторую часть Декалога – не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; не пожелай ничего, что принадлежит твоему

ближнему, – как раз задают основную меру справедливости. Именно их признание в качестве основы общественной жизни является главным признаком богоугодности народа, а их соблюдение – критерием нравственно достойного поведения. «И кто <тот> великий народ, у которого законы и приговоры праведны так, как все это Учение, которое я даю вам нынче?» (Второзаконие, 4: 8), – говорит Моисей. Именно Учение, праведные законы возвышают народ, делают его великим. Следует отметить, что богоизбранность еврейского народа обосновывается не его добродетельностью, а отрицательными качествами враждебных ему народов, не поднявшихся до правды единобожия: «Не за твою праведность и не за добродетельность твоего сердца ты войдешь овладеть их Страной, но за злодейство этих народов Яхве, твой Бог, прогоняет их от тебя, и чтобы исполнить слово, которым поклялся Яхве твоим отцам, Аврааму, Исааку и Иакову» (Второзаконие, 9: 5). Хотя израильтяне считаются избранным, святым народом, тем не менее, в Пятикнижии они предстают не в самом лучшем виде. Их история – это скорее история неразумных действий и страданий. Самоизображение народа, которое дают Моисей и другие возможные авторы Торы, больше напоминает саморазоблачение, самокритику. Во всяком случае, оно очень далеко от самолюбования. И Моисей вполне последователен, когда, оставляя Израилью перед смертью свою «Книгу Учения» (или, иными словами, «Книгу Закона»), предлагает поставить ее сбоку от Ковчега Договора (Завета) с Яхве и добавляет: «Пусть она будет там против тебя свидетельством» (Второзаконие, 31: 26). Его любовь к народу – предполагает и недовольство тем, что народ не соответствует идеалу справедливости. При таком понимании (оно, разумеется, не единственное) избранность народа скорее напоминает нравственный императив, чем эгоизм круговой поруки.

В содержательном плане справедливость, задаваемая принципами Десятисловия, предполагает равное

возмездие. Речь идет об уходящем корнями в родоплеменные отношения принципе талиона, или воздаяния равным за равное. Это хорошо видно на примере принципа «не убивай». Заметим, что по духу и букве Пятикнижия, сфера действия требования «не убивай» ограничена Израилем. Во взаимоотношениях с другими народами законы Моисея предписывают или их подчинение, или, когда речь идет о народах, населяющих обетованную землю, полное уничтожение: «...только из городов этих народов, которых Яхве, твой Бог, дает тебе в наследие, не оставляй в живых ни души» (Второзаконие, 20: 16). Что касается наказаний за отступление от требования «не убивай», то они заключаются в том, чтобы отвечать убийством на убийство (если нет очевидных доказательств того, что оно было совершено непредумышленно), увечьем на увечье по принципу: жизнь за жизнь, око за око. Такой же принцип кары действует и в других случаях. По отношению к лжесвидетелю, например, Моисей предписывает: «Сделайте ему так, как он злоумышлял сделать своему брату. И истреби зло из своей среды. И остальные услышат и испугаются, и не станут больше делать подобное этому злодейству среди тебя. И пусть не пощадит твой глаз: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, ногу за ногу» (Второзаконие, 19: 19-21).

* * *

Существует прочная традиция рассматривать Десять заповедей Моисея как первый по времени и один их важнейших по сути нравственных кодексов. Можно назвать, по крайней мере, три признака, в силу которых заповеди Десятисловия можно интерпретировать в качестве нравственных требований.

Во-первых, их безусловность, изначальность. Они вводятся как прямые указания Бога и, как считается, продиктованы им. Моральные требования претендуют на абсолютность. Сама логика морального сознания пред-

полагает изначально заданную абсолютность ее установок; так, совесть представляет собой такую автономную инстанцию оценки, любое отступление от которой, под каким бы предлогом и в каких бы условиях оно не осуществлялось, считается моральным злом. Это до такой степени специфично для морали, что сама эта претензия на абсолютность становится ее специфическим признаком. Мораль мыслит саму себя вне причинно-следственных связей, как выражение присущей человеку и конституирующей его человеческий статус свободной воли. Именно данная особенность, которая была и остается камнем преткновения для этической теории и многократно отрицалась ее в качестве иллюзии, но, тем не менее, постоянно воспроизводится и остается цементирующей основой морального бытия, именно она на языке ветхозаветного человека получила простое выражение, состоящее в том, что она (мораль) от Бога. С этой точки зрения вполне понятно и вытекает из самого существа дела, что символ веры и нравственные принципы соединены в одном кодексе: абсолютность моральных принципов объясняется тем, что они – от Бога, почитание Бога удостоверяется верностью его заповедям.

Во-вторых, их категоричность. Они подлежат исполнению без каких-либо оговорок и ограничений. Моисей, конечно, связывает выполнение заповедей с благодеяниями. Однако не благодеяния придают им истинность, а, напротив, из их истинности вытекают благодеяния. Благодеяния – не условие, а следствие, Моисей не говорит: если вы хотите жить, соблюдайте заповеди. Его мысль иная: только соблюдая заповеди, вы сможете жить. В противном случае вы «погибнете; как народы, которых Яхве истребляет от вас, так вы погибнете, потому что не послушали голоса Яхве, вашего Бога» (Второзаконие, 8: 19-20). Конечно, знание того, что за соблюдением или несоблюдением заповедей следуют соответственно блага или страдания, награды или наказания, могло бы считаться и

действительно быть неким условием, снижающим их категоричность, безусловность. Этого не происходит, так как сама связь «послушание – награда, благодеяние» или «непослушание – наказание, страдание» является жесткой. По ветхозаветной логике, отступление от заповедей не остается без наказания. Это не релятивирует заповеди; напротив, подчеркивает, что заповеди, категоричные в силу Божественного происхождения и статуса, являются столь же категоричными и по человеческим меркам.

В-третьих, их всеобщность, понимаемая в то же время как общезначимость. Этот признак к Декалогу применим условно и ограниченно. Нельзя рассматривать в качестве универсальных, предназначенных для каждого человека первую и четвертую заповеди, в которых Яхве выступает как национально ориентированный Бог. Да и остальные могут считаться таковыми, только если вырвать их из контекста Декалога, а сам Декалог – из контекста всей программы Пятикнижия, относительно которой Спиноза говорил: «Законы, открытые Моисею Богом, были не чем иным, как законодательством отдельного еврейского государства»¹⁵. Тем не менее, так оно и случилось. Декалог вошел в христианско-европейскую, а в последующем и в мусульманскую культуру как самостоятельный и самоценный нормативный кодекс. Его установления – прежде всего «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не лжесвидетельствуй» воспринимались как всеобщие требования, без первоначальных, исторически обусловленных национально-государственных ограничений. Они стали рассматриваться в общечеловеческой перспективе. Такое переистолкование содержания и смысла Декалога было тем легче сделать, что сам Декалог своим особым местом в Пятикнижии и абстрактной формулировкой заповедей давал для этого хорошую возможность.

¹⁵ Спиноза. Указ. соч., стр.13.

Десятисловие, как видим, вполне может считаться нравственным кодексом по ряду признаков. Но не по всем. Некоторые особенности Декалога ставят такой вывод под сомнение. Какие это особенности?

а) Декалог концентрирует внимание на внешних действиях человека, оставаясь равнодушным к тому, что можно обозначить как моральный образ мыслей; его принципы выступают как принудительные законы, у законодателя нет стремления закрепить их в совести человека (здесь исключением является только последняя, десятая, заповедь, в которой повторяются заповеди «не прелюбодействуй» и «не кради» с акцентом на внутреннее установление – «не пожелай жены ближнего твоего, ни скота его...»).

б) В нем награды и наказания оторваны от личных деяний и распространяются на далекое потомство, что противоречит идее индивидуальной ответственности.

в) Наконец, Десятисловие не знает идеи загробного воздаяния или иной перспективы, призванной установить соответствие между добродетельностью человека и его счастьем. Эти особенности получают разумное объяснение, если предположить, что Десятисловие является также юридическим документом. Они сами, в свою очередь, свидетельствуют об этом.

Яхве и Моисей обращаются не к отдельным индивидам, они ведут диалог с Израилем как целым. Их задача – воспитание, наставление, возвышение народа. Конкретизируя эту мысль, следует добавить: центром всех усилий Яхве (через Моисея) является государственное устройство Израиля, создание политического пространства для становления и развития народа. Моисей учил не как философ, а как законодатель. Он делал ставку не на свободу духа, а на принудительную силу закона. Поэтому он мало интересовался состоянием души и распространял ответственность за деяния на потомков, что уязвимо по моральным критериям, но с государственно-

политической точки зрения благоразумно и эффективно. Он оставался равнодушным к посмертной судьбе человека. Только в свете основной задачи, которую решал Моисей (переход из естественного состояния в государственно-правовое, от разрозненных племен к единому народу, идентифицирующему себя в качестве народа через собственного Бога и установленные им законы), можно понять своеобразие Десятиисловия.

* * *

Выше уже подчеркивалось: способность жить по божественным законам справедливости – таков решающий признак богоизбранности израильского народа. Такое понимание в значительной мере деэтнизирует понятие избранного народа, позволяет саму избранность истолковать в качестве синонима цивилизованности. Но здесь есть еще другая сторона, налагающая ограничение на законы справедливости, которые, как оказывается, предназначены для внутреннего употребления, обязательны только в отношении между «своими», ближними. Духовно-нравственное преодоление этнической замкнутости оборачивается этническим ограничением духовно-нравственного горизонта. Законы Моисея – законы Израиля. Отношения к другим народам далеки от канонов Десятиисловия. Они остаются враждебными. В одном случае, как это уже подчеркивалось, эта враждебность является беспредельной, а именно тогда, когда речь идет о семи народах, населяющих Палестину. Как оценить двойной стандарт поведения ветхозаветного человека и можно ли считать моральным столь избирательный кодекс поведения?

Разделение людей ни «своих» и «чужих» не было изобретением Моисея. Оно существовало задолго до него. Каннибальская «этика» была элементом наличной социальной реальности, подобно тому, как змеи или «песьи мухи» были элементом наличной физической реально-

сти, и в этом качестве она получила отражение в Пятикнижии. Моисей просто считается с реальностью, с изначальной враждой племен. Его собственные же усилия направлены на то, чтобы ограничить, умерить эту вражду. В этих целях он крайне суживает число народов, которые находятся вне какого-либо запрета, не подлежат никакой пощаде. Что касается всех других народов, то враждебное отношение к ним подчиняется уже определенным правилам (если враждебный город сдавался добровольно, то он не подлежал разграблению, если он брался штурмом, то месть не распространялась на женщин и детей и т. д.). Моисей не только локализует беспощадную жестокость, считая, что она оправдана только по отношению к семи непосредственным конкурентам Израиля в его праве на Палестину. Он одновременно подводит под эту жестокость другую (неэтническую) аргументацию, оправдывая ее тем, что речь идет о народах, практикующих человеческие жертвоприношения и другие варварские обычаи. Важно отметить, что такая беспощадная жестокость предписывается Моисеем и по отношению к израильским общинам, ставшим на путь вероотступничества: все живое в них – и люди, и скот, и даже имущество, словом, все подлежит полному уничтожению. В таком же конкретно-историческом контексте следует понимать санкционируемый Торой принцип талиона: «око за око, зуб за зуб». Не Моисей его придумал и учредил, он практиковался до него. Его вклад заключается в том, что он опосредует и тем самым ограничивает применение этого принципа государственно-правовым регулированием. Эти уточнения не отменяют, разумеется, факта ограниченности этики Моисея, но они позволяют понять, что речь идет об ограниченности исторической, которую можно интерпретировать как один из этапов на пути всечеловеческого расширения морального горизонта. Ветхозаветная мораль выглядит ограниченной

с высоты новозаветной морали, что само по себе неудивительно. Удивление вызывает другое: ветхозаветная мораль допускает переход к новозаветной морали. «Религия и нравственность Ветхого Завета постоянно открыты и устремлены к дальнейшему совершенствованию, предел которого находится вне самого Ветхого Завета»¹⁶.

Смысловым центром этики Моисея является идея справедливости. В ней есть также идея милосердия, но она выражена крайне слабо. Говоря точнее, милосердие в ветхозаветной этике не обрело самоценного значения, оно существует в связи со справедливостью, выступает как особая ее форма. Известно, что Яхве характеризуется в Пятикнижии как грозный, карающий Бог. Вместе с тем Он именуется также Богом милостивым (Второзаконие, 4: 31). В чем же состоит Его милость, милосердие? Вспомним, как Яхве, разгневавшись на слабодушие своего народа, решает извести его. Но затем проявляет милость к израильтянам и... обрекает их на сорокалетнее блуждание по пустыне. Другой пример такого же рода: Яхве карает взрослых израильтян тем, что они умрут, не дойдя до цели. Эту же участь по справедливости должен разделить с ними и Моисей. Однако Бог благоволит Своему пророку, и это выражается в том, что Он позволяет Моисею перед смертью бросить взгляд на Ханаан. Милосердие Яхве – милосердие судьи, который склоняется к минимальному сроку осуждения в рамках того, что предусмотрено соответствующей статьей уголовного кодекса. Милосердное начало в ветхозаветной этике обнаруживается в особом отношении к вдовам и сиротам. Бог предостерегает от соблазна воспользоваться их слабостью. Но как при этом Он гарантирует и обосновывает Свое милосердие? «Всякую вдову и сироту не угнетай. Если ты бу-

¹⁶ Гальбиати Э., Пьяцца А. «Трудные страницы Библии (Ветхий Завет)». Милан, Москва, 1992. С. 15.

дешь угнетать его, то, если возопит он ко Мне, услышу Я его вопль, ибо милостив и милосерден Я, – говорит Яхве. И возгорится Мой гнев, и Я убью вас мечом, и будут ваши жены вдовами, а ваши сыновья сиротами» (Исход, 22: 21-23). Здесь милосердие разрешается в гневе (поскольку Я милостив, Я поражу вас) и прямо совпадает со справедливостью по формуле: око за око (ваши жены станут такими же вдовами, а сыновья такими же сиротами, как те, которых вы угнетаете). Моисей оценивается в Библии как «самый кроткий человек из всех людей, которые на земле» (Числа, 12: 3), и это нисколько не противоречит тому, что он жестоко карал бунтовщиков. Его кротость выражалась не в жалости и прощении, а в характере наказания, в том, что его гнев и беспощадность знают границы, задаваемые нормами справедливости.

Тора и Десятисловие как ее смысловой центр составляют основу Ветхого Завета. Они и в самом деле суть нечто очень древнее (по-славянски: «ветхое»¹⁷). Этические и философско-правовые теории и практики нашего времени, в том числе и даже, прежде всего, теории и практики справедливости, ушли далеко вперед. Качественные отличия и даже прогресс здесь несомненны; достаточно лишь сослаться на идеи прав человека и толерантности. Но это – одна сторона дела. Не менее важна другая сторона, связанная с преемственностью. Дело не только в том, что без законодательства Моисея были бы невозможны последующие опыты справедливости. Оно рядом идей входит в наши современные этико-правовые представления, составляет их своеобразный базис. Новый Завет, как известно, не отменил Ветхий Завет, он его восполнил,

¹⁷ Обращает на себя внимание этимологическое сродство славянского «ветхий» с латинским «vetus».

исполнил¹⁸. Десятисловие не только кладет начало последующей этико-правовой мысли, но и постоянно питает ее.

Можно указать, по крайней мере, на три момента в понимании справедливости, которые идут от Моисея и в полной мере сохраняют свою первостепенную значимость.

Во-первых, интерпретация справедливости как законности. Это можно и нужно понимать так, что законность должна быть справедливой. Здесь уже заложена (по крайней мере, потенциально) необходимость разграничения юридического закона и права. Закон – не просто техническое средство, упорядочивающее совместную жизнь в государстве, он соответствует своему назначению только тогда, когда является справедливым, выражает нравственные основания жизни народа и, что особенно важно, его волю. Моисееву идею Божественного происхождения законов и благоговейного отношения к ним можно истолковать так, что они сами по себе недостаточны, что их необходимо рассматривать в более широкой онтологической и ценностной перспективе.

Во-вторых, нормы справедливости имеют нравственно-правовую природу. Это те же самые нравственные нормы, но только переведенные на внешний язык поступков и институционального регулирования.

В-третьих, нравственно-правовое поле справедливости предметно и совершенно конкретно очерчивается и наполняется духовным смыслом через ряд ясно сформулированных, несомненных в своем содержании и безусловных для исполнения запретов. Именно запретов. Десятисловие сформулировало их. Сформулировало на века. А что касается двух из них – запрета на убийство и на ложь, то навечно.

¹⁸ «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». (Матфей, 5: 17).

Возвращаясь к вопросу о характере связи морали и права, следует заметить, что кодекс Моисея дает совершенно определенное и, на мой взгляд, правильное направление для его понимания. Он рассматривает их в неразрывном и взаимодополняющем единстве. Не в первоначальном синкретичном единстве, а единстве, которое признает их различие и основывается на нем. Десять заповедей (в отличие от других моисеевых предписаний) возвещены Богом перед всем израильским народом, они являются формой прямой индивидуальной связи каждого израильянина с ним. За следование им каждый человек отвечает непосредственно перед Богом, или, что одно и то же, перед самим собой. Четыре из них, образующие нормативный этический центр, имеют форму запретов, т.е., такую форму, которая перепоручает следование или не следование им доброй воле каждого человека. Они в полной мере находятся во власти действующего индивида и, самое главное, несут в себе свое благо и зло, что особо подчеркивается Моисеем. Сам способ предъявления и характер десяти заповедей, в особенности четырех фундаментальных запретов, говорит о том, что это – нравственные требования. Их субъектом является каждый нравственный индивид, который в том, что касается этих требований, не может спрятаться за народ, затеряться в нем.

Заповеди Десятисловия являются одновременно введением и основанием последующего юридического законодательства и в этом качестве приобретают правовой статус. Все предписания Торы за пределами Декалога даны также Богом, но не прямо, а через посредство Моисея. Их непосредственным, ближайшим источником является конкретный законодатель. Это первое существенное отличие, свидетельствующее об их правовом характере. Другое отличие касается того, что они задают не просто запреты, определяющие нравственное достоинство человека, а содержат конкретные формы челове-

ческих взаимоотношений, необходимых для поддержания совместной жизни в рамках государства. Далее, они имеют внешне заданный характер и требуют определенных процедур для своей идентификации. Их можно считать продолжением и конкретизацией принципов Декалога применительно ко внешнему упорядочению жизни народа. Как говорится в лебединой песне Моисея, «все Его пути – правосудный обычай» (Второзаконие, 32:4).

Нравственность и право в законодательстве Моисея связаны между собой таким образом, что нравственная связь человека с Богом, удостоверенная его прямым участием в договоре с Ним, приобретает статус правовых принципов, получающих продолжение в детализированной системе норм, гарантированной внешней организацией государственно-упорядоченной жизни. Правда, отдельный человек оказывается в прямом контакте с Богом и в ответственном отношении с Ним не сам по себе, не в силу того, что он есть отдельный человек, самостоятельная личность, а в силу того, что он принадлежит Израилю, является частью избранного народа. В этом смысле нравственное начало в учении Моисея подчинено правовому, но, тем не менее, является его необходимым элементом, без которого оно, это учение, теряет цельность.

Аркадий Недель

«И СПРЯТАЛ МОИСЕЙ СВОЕ ЛИЦО» Генезис социального

Люди не ангелы, за свои грехи они расплачиваются смертью, – напоминает Блаженный Августин в начале XIII книги *De Civitate Dei*. Смертным человек стал потому, что согрешил; согрешил, нарушив божественный запрет; запрет нарушил из-за соблазна узнать о добре и зле. Узнав об этом, человек увидел себя нагим, устыдился, спрятался и тем самым выдал себя. Бог прогнал человека из райского Сада, чтобы предотвратить его бессмертие, так человек оказался на земле.

Начнем с начала. В конце второй главы Бытия говорится: «человек и его жена оба были нагими и не стыдились»¹, стыд к ним пришел, когда глаза их открылись, – как пообещал змей в начале третьей главы², – и они увидели себя голыми. Откуда возникло это стыдливое чувство, если первая пара увидела свою наготу в первый раз? Ответа на этот вопрос в тексте нет. Спросим иначе: каково предназначение этого стыда? Показать вину человека, которую он ощутил сразу же после совершения греха. Итак, стыд – это способ визуализировать грех, онтологическую ошибку, совершенную первыми людьми своим непослушанием. Скрывая наготу, Адам обнаружил себя

¹ В оригинале: ויהיו שניהם ערומים האדם ואשתו ולא יתבשו (Быт. 2: 25).

² Быт. 3: 4.

неизвестно откуда и как возникшим социальным жестом. Не является ли тогда его причиной именно грех? Если бы это было так, мы бы читали Пятикнижие как комментарий к католической догме о *peccatum originale*. Помогали бы нам апостол Павел, который идентифицировал в Адаме все человечество целиком и поменял саму онтологию греха – не одно действие, а состояние «быть человеком» греховно; Ориген, считавший причиной падения свободу воли и разделявший идею Павла о передаче греха сексуальным путем; Августин, защищавший апостола в споре с Пелагием³, признававшим за человеком достаточно сил, чтобы вести нравственную жизнь без непосредственной божественной помощи; Томас Гоббс, наконец, вслед за Августином писал о Граде божьем не как о метафоре, а как о реальности и усматривал исток позитивных законов в трансцендентном. В этом Гоббс был верен не только Писанию, но и Платону, считая, однако, законы не результатом случайных происшествий и конфликтов, в которых замешаны и боги, а следствием договора, скорее конкретного договора между Богом и Авраамом.

Рассмотрим этот эпизод подробнее. Из 17 главы Бытия мы узнаем о первом вечном контракте: «И Я поставлю

³ Интересные наблюдения над такого рода дебатами находим в *De Judiciis Episcoporum* ломбардского епископа Аттона из Верчелли (885-961). Пассаж о Пелагии испорчен: «<...> Papa Pelagius quamvis non solum invidie, verum & suspiciose»; cf. *Veterum Scriptorum Spicilegium*, t. 8, Paris, LXVIII, p. 51; так же: *Defense des SS. Peres accusez de Platonisme*, Paris, M.DCC. XI. Подробнее об Аттоне см.: S.F. Wemple, *The Canonical Resources of Atto of Vercelli* (926-960), *Traditio* 26 (1970), pp. 335-350; J. Bauer (ed.), *Die Schrift De pressuris ecclesiasticis des Bischofs Atto von Vercelli*. Untersuchung und Edition, Diss. Masch., Tübingen, 1974; G.A. Willhauck, *The Letters of Atto, Bishop of Vercelli: Text, Translation, and Commentary*, Ph.D. Dissertation, Tufts University, 1984.

Мой договор между Мною и тобою и твоим потомством на их поколения вечным договором».⁴ Далее Господь обещает дать Аврааму страну для жизни, а взамен требует послушания и соблюдения контракта. Не забудем, что данный разговор произошел после необъяснимого события в жизни Авраама: у него случилось видение Яхве, которым открывается 15 глава текста. Интересно соображение Гоббса. Во-первых, говорит он, Бог является именно Аврааму, а не кому-то другому из его клана (намек не столько на прерогативу старшего, сколько на просьбы Авраама и исполненные им жертвоприношения); во-вторых, как следствие, теперь Авраам на законных основаниях может наказать любого, кто будет претендовать на подобное визионерство в будущем (с момента, когда началась история, события подобного рода могут происходить один раз); в-третьих, Авраам является единственным толкователем божественных посланий.⁵

Социальным животным, используя термин Аристотеля, можно назвать Авраама, получившего по контракту в качестве первой законодательной власти власть интерпретации. В онтологическом плане Авраам и его потомство получили проект, ограниченный в пространстве (страна Кенаан), но бесконечный во времени. Однако, все это лишь следствие настоящей причины, в результате которой такой контракт и такой проект стали вообще возможными. Заключается она в том, что Яхве договорился с Авраамом только после того, как вернул ему первичную адамову слепоту, неспособность видеть то, чего видеть нельзя. Авраам не видел того, с кем говорил; он встретился с ним в своем воображении, встретился не с образом, а с голосом.

⁴ Быт. 17: 7. והקמתי את-בריתי ביני ובינך ובין זרעך אחריו לדרתם
לברית עולם להיות לך לאלהים ולזרעך אחריו

⁵ Th. Hobbes, *Ibid.*, pp. 312-131.

Социальное происходит из фундаментального запрета видеть того, кто является его подлинной сущностью, высшим субъектом, иницирующим любой социальный порядок в границах единственной историей, заданной текстом Ветхого Завета и продолжающейся по сей день. Западный человек слеп больше, чем греховен, поскольку надежда на спасение ему была предоставлена, возможность увидеть – нет. Параллелей этому библейскому запрету, насколько мне известно, в других культурах не существует. В качестве гипотезы, предположим: *запрет, наложенный на человека видеть исток человеческого, определяет одновременно социальную и онтологическую специфику европейской мысли.*

Если доктрину первородного греха можно рассмотреть как попытку социализировать человека еще до его рождения – Кант бы назвал это «априорной социализацией», – то запрет видеть лицо Бога как – выставление границ социальному. Мечта Ницше о сверхчеловеке была, разумеется, глубоко чужда авторам ветхозаветных книг, не поэтому ли она остается только мечтой, утопическим будущим или прошлым? Человек социализируется до того момента, пока, при помощи свободы воли, он не выстроит трансцендентную модель на территории *civitas terrena*. Каждый раз этот труд оплачивается революцией. Революция, нацеливая человека на построение идеального общества, своего рода *civitas dei* – иначе она бессмысленна – оставляет человека у руин социального порядка. Проект, как его не начинай, оказывается невыполнимым. Но как раз в этой невыполнимости выражено значение истории: держать человека в напряжении, не давать угаснуть только одному желанию – увидеть то, что запрещено.

При таких условиях неизбежной становится социализация самой истории, которую в современную эпоху, проникшись духом гегелевского оптимизма, пытался осуществить Маркс, доведя телеологический принцип до его логического завершения. Наверное, после Августина

Маркс был самым по-христиански ортодоксальным мыслителем истории, ибо он знал ее начало и, казалось, точно предвидел ее конец в виде бродивших по Европе химер. Социализировать историю можно, придумав ей законы, сложнее заставить ее подчиняться этим законам; другими словами, вести себя так, будто эти законы применимы во всех случаях, как законы природы. В какой-то момент человек захочет их поменять, чтобы убедиться в обратном, в их непригодности, снова предлагая план идеального мироустройства, снова попадаясь в ловушку истории, не находя из нее выхода. Укладывая историю в закон,⁶ человек

⁶ Многие критики иудаизма считают закон, которому подчинены человек и история, исключительной чертой еврейской религии. Ветхозаветный закон дан коллективу, который становится его онтологическим носителем, передавая закон по наследству. Савитри Дэви (Savitri Devi), боготворившая Гитлера и молившаяся индуистским богам, однажды заметила, что гений апостола Павла заключается в том, что он снабдил древний профетизм новым смыслом. Создавая христианство, Павел ввел закон в темпоральное измерение.

Будучи данным, закон организует коллективное бытие: люди получают закон, закон – людей. Такому коллективу обычно противопоставляют арийскую индивидуальность. Дюнбар Хит отмечал, что арийский дух не признает закон, а защищает права сознания. К тому же, источник христианства автор находит в арийской традиции, а не в иудаизме, присвоившем себе роль инициатора основных идей цивилизации. Dunbar I. Heath, *On the Great Race-Elements in Christianity*, Journal of the Anthropological Society of London, V, 1867, pp. XIX-XXVIII. Похожее мнение у Адольфа Пиктэ, учителя Соссюра, друга Листа и Жорж Санд: арии превосходят евреев по своим деловым и моральным качествам, поэтому они сумели создать великую цивилизацию. Арийцы – привилегированная раса, лучшая среди остальных; евреи – худшая. Обе расы с древнейших времен враждуют между

пытается ограничить ее воздействие, умерить ее хаос, стараясь заполучить для себя метасоциальный статус, то есть стать внешним истории. На этом он и попадает, потому что человек пытается выйти из истории при помощи конструирования ее социальных моделей, продолжая свою работу по контракту.

Есть движение в противоположном, антитеологическом направлении: от Гегеля к Руссо, минуя Ранке, Фихте и Гоббса. Идеалом для Руссо служит примитив, живущий в согласии с природой, не ставящий цели построить социальную историю. Цель Руссо – справедливое общество. Чтобы ее достичь, необходимо сделать прыжок назад, к природному состоянию, из которого люди однажды

собой, но победа, понятно, будет за арийцами, ибо именно их Бог сделал своим главным орудием для исполнения человеческой судьбы. А. Pictet, *Les origines indo-européennes ou les Aryas primitives. Essai de paléontologie linguistique*, Paris, Cherbuliez, t. I, 1859. О лингвистических взглядах Пиктэ и его книге см.: S. Tchougounnikov, *Les paléontologues du langage avant et après Marr*, Cahiers de l'ILSL, 20, 2005, p. 295-310. В этой связи упомянем еще два имени: Герман Вирт и Онорэ Шавэ. Как и Марр, Вирт интересовался происхождением языка, выводя его, в отличие от последнего, из геометрических символов. Из них моделируется первый графический язык. Символ – более строгий источник информации, чем миф, потому что, проходя через века, он остается неизменным. В 1928 году Вирт публикует свой magnum opus *Der Aufgang der Menschheit*, где исследует происхождение рас и их утерянное (интимное) отношение с божественным, в особенности у нордической *Urrasse*. Несмотря на то, что Вирт одно время пребывал в фаворе у немецких коллег и даже заслужил расположение Гиммлера, в его эзотерической конструкции не много политики. Шавэ был гораздо более эксплицитен. Он утверждал, что ментальные структуры ариев и семитов сильно отличаются друг от друга. H. Chavée, *Les langues et les races*, Paris, Chamerot, 1862, p. 60 et passim.

вышли путем социальных институций, часто несправедливых. Человек родился свободным, ему это следует осознать в полной мере. Природа его наделила индивидуальной волей, которая совсем не обязательно должна совпадать с волей остальных. Справедливому обществу следует взять за основание «общую волю», состоящую из волеизъявлений всех индивидов, тогда некое множество, называемое «люди», превратиться в общество *per se*.

В «Социальном договоре» (1762) Руссо пишет: «Общая воля, будь она на самом деле таковой, должна быть общей и по своему предмету и по своей сути. Она должна исходить ото всех, чтобы быть ко всем применима».⁷ Сдвиг в сторону от библейской парадигмы примечателен. Общая воля не только отрицает одну волю Авраама как единственно легальную, на которой строится договор в Пятикнижии, но и объявляется рекурсивной, то есть в одинаковой степени применимой к индивиду и обществу. Эта рекурсивность общей воли, несомненно, ее главное отличие, поскольку именно из нее проистекает не проговоренное эксплицитно в тексте трактата требование визуализации социального тела. То, что в терминологии Руссо и есть справедливость. Впрочем, определенный намек автор дает в шестой главе «О законе»: «Всякая справедливость от Бога, – говорит Руссо, – он один является ее источником. Если бы мы только знали, как ее получить напрямую от этого высшего источника, нам бы не пона-

⁷ J.-J. Rousseau, *Oeuvres complètes*, t. III, Paris, Gallimard, 1964, p. 373. В первой редакции своего трактата Руссо говорит: «... только общая воля способна руководить силой государства, пока из него не получится всеобщего добра». Там же, p. 195. Выше он отмечает, что «законы являются актами общей воли и никто, включая властителя, не может находиться над законами». Там же, p. 328 (эта фраза войдет в основной текст без изменений).

добилось ни управление, ни законы. Вне сомнений, он есть универсальная справедливость, исходящая только из разума» (*émanée de la raison seule*)».⁸ Итак, закон – это не справедливость, он то, что замещает ее на земле и для людей, неспособных коммуницировать с Богом напрямую. Но как собрать свободных и независимых индивидов в социум таким образом, чтобы их свободу и независимость сохранить? На эту апорию Руссо указал Алэн де Бенуа, предложивший перечитать Руссо как философа, большую часть жизни медитировавшего над проблемой человеческой аутентичности.⁹ Вкратце: как примирить человеческое животное с политическим сознанием, неминуемо возникающим и утверждающим свою власть, когда люди собираются в общество? Позитивного решения этой проблемы Руссо не нашел.

Когда говорят о Руссо, часто забывают об одном его значительном современнике – Этьенне-Габриэле Морелли (1717-1782), чья книга «Кодекс природы, или Подлинный дух её законов» вышла в 1755 году. В начале своей книги Морелли отмечает, что природа наделила человека всем необходимым, чтобы он устроил свою жизнь по ее законам и тем самым уберег себя от всевозможного зла. Природа мудро согласовала наши потребности с нашими возможностями, дав нам силы для удовлетворения первых и разумного использования вторых. Однако вульгарная мораль похоронила мудрость природы, и теперь необходимо восстановить справедливость. В этом основная мысль книги. Люди строят социум по принципам, называя их моральными, на самом же деле они избыточны и не могут привести ни к чему, кроме деградации. Далее Морелли предлагает: «Институционные законы должны быть установлены не иначе, как в укоренении первично-

⁸ Там же, р. 378.

⁹ A. de Benoist, *La ligne de mire: II. 1988-1995*, Paris, Le Labyrinthe, 1996, р. 33.

го естественного закона коммуникации (*sociabilité*); все их частности должны выводиться из этого основного закона <...> они должны служить его действиям». ¹⁰ От политики Морелли требует такой свободы, при которой члены социума смогли бы беспрепятственно насыщать свой естественный аппетит, то есть, опять же, использовать заложенные природой возможности, но делать это легитимно. Другими словами, политика должна обеспечивать законность в том, как человек реализует свой потенциал. Ее задача – охранять природную данность, а не мешать ей своими лживыми абстракциями. Чем ближе человек к своему естественному состоянию, тем он менее порочен. ¹¹ Христианство Морелли недолюбливает, считая его инструментом, посредством которого естественные законы, идущие прямо от Бога, были заменены гражданскими. ¹²

¹⁰ E.-G. Morelly, *Code de la nature*, Paris, Paul Masgana, 1841, p. 85. В своем более раннем *Essai sur le cœur humain* (1745) Морелли писал о двух главных характеристиках человека: желании знать и любви к порядку. Вслед за Эмпедоклом автор считает любовь основой всякой страсти, а ненависть – отраженной любовью (*amour réfléchi*). Диалектическая пара, где ненависть отнесена в область разума.

¹¹ *Ibid*, p. 102 et passim.

¹² «Победившее христианство повергло [языческих] идолов, но защитило своих, как и свою мораль», *Ibid.*, p. 93. Согласится с этим Ницше, а оспорит Фредерик Ле Пле (Frédéric Le Play), считавший христианскую религию лучшей оправой для передовых, с его точки зрения, движений. «Как это показал пример Соединенных Штатов, христианство замечательным образом соответствует современной цивилизации, а что касается католицизма, то он только должен выиграть от социальной эволюции <...>». F. Le Play, *La réforme sociale en France*, t. I, Paris, E. Dentu, 1867, p. 169. Инженер Горного института, социолог и контрреволюционер, Ле Пле сделал карьеру в эпоху Второй Империи, получив должность статс-

Изначально социальный мир был построен по тем же принципам, что и мир физический, когда все вещи подчинены единому общему плану, на удивление простому, поражающему своими результатами и слаженностью.

Примиришь природу и человека попробовал Прудон путем «улучшения идеи Бога». Идея эта выросла до «космического размера», перестав служить социальному порядку, ради которого она была изобретена. Бог возникает у социума тогда, когда последний начинает себя воспринимать в качестве такового, то есть когда человек осознает, что он – другой. Другим он становится с возникновением мысли о смерти. Бесконечному не нужен Бог, конечному нужен бесконечный. Исток бытия в человеке, который, столкнувшись с фактом своей конечности, стал придумывать пути ее преодоления. Религия для Прудона – прием: «мне нужна гипотеза о существовании Бога, чтобы показать, как связана цивилизация с природой».¹³ Самым удивительным является то, что кусок природы – человек, одновременно обладатель разума. Благодаря такому дару он зависает между двумя

секретаря при Наполеоне III. Испытав влияние Жозефа де Местра и Бональда, он защищал Старый Режим; считал себя продолжателем дела Конта, при этом его собственная социология была направлена на реформы. В начале XX века Ле Пле превратился в культовую фигуру в среде ультраправых: Шарль Моррас (Ch. Maurras), Луи Димье (L. Dimier), Фредерик Амуретти (F. Amouretti) – бойцы *l'Action française*. Они видели в нем отца контрреволюции, предвосхитившего социальный католицизм (Albert de Mun) и создавшего теорию корпоративности. Смысл ее в том, чтобы классовой борьбе противопоставить классовую кооперацию, управляемую элитами; было бы любопытно сравнить эти идеи с концепцией Вильфредо Парето, учитывая их влияние на таких авторов, как Адольф Фосийон (Adolphe Focillon), Эмиль Шесон (Emile Cheysson), Анри де Турвиль (Henri de Tourville).

¹³ P.J. Proudhon, *Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère*, t. I, Paris, Guillaumin et Cie, 1846, p. XXIX.

мирами, играя роль посредника помимо своей воли. А раз так, никаких принципиальных отличий в законах природы и разума нет и быть не может. Устанавливая законы в обществе, человек упорядочивает среду обитания, он продолжает божественный промысел, «суть которого в порядке».¹⁴

Порядок – это реализованная возможность закона; это то, что человеку дано (позволено) увидеть как ищущему выход из своей конечности существу.

К порядку, вспомним, призывал и Платон, когда давал волю своим фантазиям относительно социального устройства древних восточных обществ, которые его не устраивали. Государство Платона – фантазмагорический коктейль из ранних коммунистических идей, квазикитайской системы экзаменов, как бы позволяющей идти вверх самым одаренным, и элитизма в виде философов-властителей, единственно способных созерцать идею блага (ἀγαθῆ ἰδέα). Высшее благо – цель политеи, в этом Платон, как и Аристотель, был убежден. Платон, понятно, был далек от всяких симпатий к монотеизму иудейского толка, но интересно следующее: его модель государства, как и вся платоновская философия, имела целью визуализировать высший принцип, абсолютную и вечную идею (или идеи), которая бы могла удержать человеческое общество от хаоса и разрушения. Высший принцип или ἰδέα – не только гарантирует победу над временем, это еще и способ умирения человеческого существа; человек всегда будет ограничен в своем знании, но при этом у него будет компас, указывающий ему путь. Впрочем, Платон здесь не оригинален. Того же, надо думать, хотел и Хаммурапи, сочиняя свои законы и мечтая о едином централизованном государстве с центром в Вавилоне, едином социальном порядке, установленном по образцу порядка космического: раз и навсегда. Подобная мечта была и у Данте, которую он выразил в «Пире», о совершенстве общественных зако-

¹⁴ *Ibid.*, p. 90.

нов по модели законов небесных – одни для всех; поэтому Данте и призывал к созданию единого государства на земле, законы которого будут предохранять бесчестных людей от дурных поступков, войн и насилия.

Так или иначе, законы нам нужны, потому что мы слепы и не можем видеть справедливость в ее чистом виде, исходящей из своего трансцендентного источника. Слепцы, коими мы являемся, видят законом, мыслят в заданной им социальной топологии, ждут, чтобы увидеть конец истории, который, несмотря на все прогнозы и ожидания, не наступает, потому что сама история и есть ожидание. Ожидание и страх.

В какой момент все началось? В момент третьего, основного с моей точки зрения, наиболее драматического по тону, договора, когда Моисей получает задание вывести народ из Египта. Читаем в Исходе: «<...> и закрыл Моисей свое лицо, ибо он боялся взглянуть на Бога».¹⁵ Затем Моисей признается, что не силен в словах и не умеет управлять, но Яхве проявляет настойчивость, успокаивая Моисея и гарантируя ему свою помощь. Яхве последователен, он не отказывается от своего выбора. Почему? Потому что он Бог истории, истории, состоящей из событий, которым предстоит случиться в определенном будущем, скрытым от наших глаз, но известным – ему одному. Бог истории знает историю своего народа – от начала до конца, поэтому он скрывает ее от людей. Он – это чистое знание, которое присутствует в мире своим отсутствием.

Кальвин считает, что нарушение юридических законов не повредит принципу блага. Предвосхищая идею Декарта из «Третьего метафизического размышления»¹⁶

¹⁵ Исх. 3: 6. ויסתר משה פניו כי ירא מהביט אל-האלהים

¹⁶ У Декарта: «Nam, quæso, undenam posset assumere realitatem suam effectus, nisi a causa? Et quomodo illam ei causa dare posset, nisi etiam haberet?»; cf. R. Descartes, *Méditations métaphysiques*, Paris, Flammarion, 1979, p. 108. Вслед за Фомой

о том, что божественное и есть истинная причина нашего знания о нем, Кальвин говорит: «Закон Бога, который мы называем моральным законом, есть лишь свидетельство естественного закона и того сознания, которое Сеньор отпечатал в сердце всех людей».¹⁷ Моисея женевский реформатор хвалит за мужество,¹⁸ считая его посредником, передавшим высшее знание народу в виде законов. Закон есть знание о том, что позволено знать.

Дело Кальвина продолжил Теодор де Без. Крепкий здоровьем, этот проповедник инспектировал протестантские города Европы, выступал и заводил знакомства с важными политическими людьми того времени, попытавшись однажды, правда безуспешно, обратиться к протестантскому французскому королю Антуану Наварскому. Тогда же он пишет исповедь веры, где объясняет широкой публике принципы Евангелия.¹⁹ Особенно оригинальным

Аквинским Декарт мыслил Бога как бесконечность, доказывая его существование наличием самой идеи божественного, которой оперирует наш ум, подобно геометрическим идеям. Бог непостижим, как непостижима бесконечность, но умозрим, как фигура, начертанная в воображении и поэтому идеальная. Основная работа всей европейской метафизики направлена на то, чтобы вернуть человеку способность видеть трансцендентное, именно видеть, а не только знать о его существовании. Так точка, геометрическая фигура, перспектива суть способы визуализации того, что видеть запрещено.

¹⁷ J. Calvin, *Textes choisis* par Ch. Gagnebin et K. Barth, Paris, Eglhoff, 1948, p. 245. (Цитата взята из книги *Institution de la Religion chrétienne*, вышедшей на французском в 1541 году в Женеве).

¹⁸ *Ibid.*, p. 252 (Sermon III sur le Deutéronome).

¹⁹ В феврале того же 1560 года, когда Без публикует латинский вариант *Confession de la foi chrétienne*, Иван IV пишет письмо императору Максимилиану II, где говорит о своих симпатиях к контрреформации. Однако десятью годами

мыслителем Без не был, воспринимая себя скорее в качестве популяризатора кальвинистской доктрины, хотя первым именно он в *De jure magistratum* (1574) отстаивал право народа на сопротивление тираническому режиму.²⁰

ранее папа Юлий III был готов присоединить московское государство к католическому миру при условии, что русский царь признает главенство Ватикана. В 1561 году папа Пий IV предлагал Ивану Грозному отправить своих послов для участия в Тридентском соборе, но на тот момент это предложение не было воспринято всерьез. См. подробнее: Н. Uebersberger, *Österreich und Rußland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*. Bd. 1: Von 1488-1605, Wien-Leipzig, Braumüller, 1906, S. 287 et passim.

²⁰ С Безом солидарен шотландский реформатор Джон Нокс, который требовал дать магистратурам и дворянству право и вменить им в обязанность сопротивляться тирании. Сам Нокс критиковал Генриха VIII за шесть «кровавых статей» (1539), где, в частности, священникам запрещалось иметь семью. С Ноксом солидарен французский адвокат Иннокентий Жантийе (1535-1588), автор книги «Рассуждение о способах доброго правления и поддержания благого мира в королевстве или ином княжестве» (более известного как «Анти-Макиавелли», 1576), в которой он обвиняет Макиавелли в защите имморализма. Согласно Жантийе, тиран и общественное благо несовместимы, и поэтому «сохранять верность родине и общественному благу означает оставить тирана и не оказывать ему поддержки»; далее он пишет: «<...> дозволено умертвить тирана, который всегда устраивает западню и повинен в смерти своего суверенного сеньора»; см. I. Gentillet, *Anti-Machiavel*, Genève, Rathé, 1968, p. 365, 379.

Отметим, что свои тираноборческие идеи Жантийе во многом заимствует у итальянского юриста и специалиста по римскому праву Бартоло да Сассоферрато (1314-1357), автора трактата «О Тиране» (*De tyranno*), где со ссылкой на «Политику» Аристотеля выделяются два основных типа тирана: тиран без титула (*tyrannus absque titulo*) и тиран в действии

Так или иначе, кальвинистская реформация была попыткой вернуть закону его трансцендентное основание, освободив его от власти социальных иерархий. Закон дан свыше, он, следовательно, есть слепок с божественного разума, который мы воспринимаем благодаря нашим врожденным способностям. В законе мы видим источник нашего знания, мы в нем видим Бога *per se*.²¹ Кальвинистская теология сделала закон инструментом визуализации, не учтя того факта, что этот закон был придуман для слепых.

В спор с Безом вступил Жан Бодэн, защищавший идею сильного монарха. Бодэн был политиком и прагматиком

(*tyrannus quod exercitum*). Первый, пришедший к власти путем ее захвата, имеет тем не менее шанс править достойно, и тогда его нельзя назвать тираном в полном смысле слова. Настоящая тирания, как считает Жантйе – и то, как ее раскрывает в своем сочинении Сассоферрато – это только *quod exercitum*, и ей никаких оправданий быть не может. К последним тиранам относятся ряд римских правителей, например, Луций Тарквиний. Убив царя Сервия Туллия (годы правления 578 – 535 до н.э.), он окружил себя ликторами и правил при помощи террора и репрессий. Кроме Луция Тарквиния, Жантйе называет Калигулу, Нерона, Коммода и ряд других имен. Эстафету тираноборчества продолжают многие итальянские теоретики. Так, Аламанно Ринуччини (1426-1499) в своем «Диалоге о свободе» (1479), написанном сразу после провалившегося заговора Пацци против Лоренцо Медичи, противопоставит современность старым временам, когда во Флоренции еще был жив дух пололанской конституции и закон существовал один для всех. Только так, по мысли Ринуччини, можно сохранить условия свободы и гражданского общества, которыми славилась флорентийская республика.

²¹ О трудах последователей Кальвина в статье J. Jordan, *Calvinism and the Judicial Law of Moses* in Gary North (ed.), *Journal of Christian Reconstruction*, vol. 5 (2), Winter 1978/79, 17-48; так же С. van Til, *A Christian Theory of Knowledge*, Nutley, N.J.: Presbyterian & Reformed, 1969.

больше, чем социальным мыслителем. Его интересовал результат, а не теория; моментальное действие, а не долгосрочный план.²² Управлять государством Бодэн советует в согласии с разумом и справедливостью, коими следует об-

²² Бодэна, пожалуй, можно сравнить с китайским мыслителем Цзы Чанем (ок. 580 – ок. 522 до н.э.), который занимал должность первого советника правителя царства Чжэн и принадлежал к школе легистов. В 543 Цзы Чань ввел единые законы и уложение о наказаниях син шу 刑書 (xíng shū), провел земельную реформу и издал указ о разделении населения на группы по пять семей, связанных круговой порукой. Идеальным государственным устройством Цзы Чань считал абсолютную иерархию, где каждый испытывает страх перед властью правителя. Все должны беспрекословно подчиняться его воле и действующим законам. Человек, в особенности чиновник, должен почитать знатных, прислуживать старшим, заботиться о родственниках.

Принципиальным в легистской доктрине является закон фа 法 (fǎ), автором которого может быть только правитель. При этом законы динамичны, они могут меняться согласно с конкретным историческим моментом. Правитель противостоит народу. Хороший правитель тот, кто сумел ослабить народ, то есть упрочить личную власть, ибо именно в ней залог могущества государства. Не следует слишком образовывать народ; его моральные нормы, культура и ритуалы вторичны по отношению к долгу перед правителем, который, при помощи наград и наказаний, мотивирует стремление чиновников к послушанию и верности. Награждать отличившихся стоит сдержанно, наказывать виноватых строго, даже за малые преступления. Легизм стал официальной идеологией империи Цинь, когда вся полнота власти сосредоточилась в руках Цинь Шихуана, проводившего политику сдерживания культуры. Одной из акций такого сдерживания было массовое убийство конфуцианцев, которых по приказу императора закопали живыми в землю.

ладать монарху, учредителю законов. Вся власть должна находиться у него. Монарх есть фокус социального тела, центр его силового притяжения; он является визуализацией закона, цель которого сделать всех подданных счастливыми. Сам же закон, как отмечает Бодэн в первой книге «О суверенности»,²³ ниспослан Богом, поэтому священен и неизменен.

Пожалуй, наиболее известным текстом, защищающим идею сильного монарха, надо признать «Государя» (1513) Никколо Макиавелли. Сочинение это, как бы к нему не относиться, необычное в контексте ренессансной культуры. Его необычность состоит в том, что Макиавелли порывает с понятием идеала (идеального государства, идеального правителя, мечты...) и вместо этого предлагает понятие «эффективной истины» (*verità effettuale*),²⁴ что само по себе уже явилось революционным шагом. Именно такой разрыв с идеалом, по сути с платоновской эпистемологической парадигмой, определявшей во многом не только отношение к знанию, но и к морали, а не пресловутый имморализм, явился причиной неприятия и острой критики «Государя» со стороны гуманистически настроенных

²³ J. Bodin, *Six Livres de la République*, Paris, 1576. В «Манифесте Нового Европейского Ренессанса», изданном группой G.R.E.C.E. – новые правые интеллектуалы во Франции – говорится: «У Бодэна, наследника легистов, источник независимости и свободы лежит в безграничной суверенности власти правителя, выстроенной по модели абсолютной папской власти. Такова концепция «политической теологии» основанная на идее высшего политического органа, «Левиафана» (по Гоббсу), призванного контролировать тела, умы и души. Эта концепция воодушевила создание государства-нации: абсолютистского, неделимого, централизованного...» *Manifeste pour une renaissance européenne*, Paris, GRECE, 2000, p. 48.

²⁴ См. Глава XV.

авторов. За несколько столетий до Ницше, и с не менее радикальным размахом, Макиавелли предпринял свою переоценку ценностей, которая в конечном счете привела к созданию реальной политики. Зло, или то, что считается злом, из моральной категории превратилось в политический инструмент. Дело не в вульгарном оправдании злых деяний правителя, как это виделось многим интерпретаторам Макиавелли, а в том, что он допускал зло как необходимый элемент политики, возможный отход от идеала ради достижения практических, поставленных жизнью целей. Такое допущение в известной степени десакрализовало правителя: он не только или не столько наместник Бога, от которого исходит и его моральный авторитет, сколько прагматик, действующий в соответствии с насущными интересами государства.

Такая макиавеллистская концепция правителя была неприемлема, например, для иезуита и политического философа Джованни Ботеро (1544 – 1617), который в работе «Интересы государства» (*Della ragion di Stato*, 1589), со ссылкой на средневековых авторов (Франсиско де Витория, Фому Аквинского, Доминго де Сото), утверждал, что верховная власть должна отвечать нуждам подданных и что ее задача в том, чтобы снискать уважение граждан. С точки зрения Ботеро, правитель – это в большей степени носитель высоких нравственных установок, чем политический режиссер, задача которого ставить и корректировать спектакль повседневности.

Холодно «Государя» восприняли и в соседней Испании. Так, Педро де Риваденейра (1527 – 1611), испанский историк, последователь и биограф Игнатия Лойолы, в «Трактате о религии и добродетели» (1595)²⁵ проводит

²⁵ Полное название: «Трактат о религии и добродетели, которые должны иметь христианские князья, чтобы управлять и сохранить свои состояния. Против Макиавелли и политиков этого времени» (*Tratado de la religión y virtudes que debe tener*

мысль о монархе как божественном наместнике на земле, чья власть по определению безгранична. При этом Риваденейра не соглашается с Макиавелли в том, что монарх, если понадобится, может использовать ложь как политический инструмент, что вполне логично в концепции Риваденейры: если природа власти от Бога, то ложь в ней неуместна. Кроме того, Риваденейра рассматривает правителя не только как светского, но и как духовного лидера, управляющего не только судьбами своих подданных, но и их умами. Такое совмещение двух функций в одном лице необычно для католического автора, приученного к биполярной модели власти: светское – король, духовное – папа. Здесь, вероятно, нельзя исключать влияние ислама, не знающего такого рода разделения. Халиф – одновременно светский и духовный лидер.

Выделить закон в качестве конституирующего элемента социума попытался сын лютеранского пастора Самюэль Пуфендорф. Нельзя смешивать божественные законы и людские, невозможно строить социальную жизнь на земле, смотря на небо. В книге «Человек долга» (*De officio hominis et civis*, 1673) Пуфендорф различает естественный закон и религиозный долг, защищая идею о том, что первый должен сохранять гражданское общество от деструкции, обычно связанной с войнами. Разделение общества и культа, когда Европа только начала отходить от длительных религиозных конфликтов, когда только начала складываться новая Европа, было революционным. У теории появились как критики – Лейбниц,²⁶ так и последователи – Эндрю Тук, Жан

el príncipe cristiano para gobernar y conservar sus Estados. contra lo que Nicolás Machiavelo y los políticos de este tiempo enseñan).

²⁶ Лейбниц критиковал Пуфендорфа скорее по частностям, соглашаясь с ним в главном – установление международного закона, которому подчинялись бы все государства, станет гарантией мира в Европе. См.: G.W.F. Leibniz, *The Principles of Pufendorf* (1706) in *Political Writings*, ed. & trans. by Patrick Riley, Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 236 et passim;

Барберак.²⁷ Последний не только пропагандировал идеи своего мэтра, но и обогатил их. Если у Пуфендорфа прерогативой интерпретации естественного закона обладает суверен, то Барберак этим правом наделяет и обычного индивида, солидаризируясь с Локком. В своем сочинении «Божественный феодальный закон» (1695), опубликован-

так же L.W. Beck, *Early German Philosophy*, Cambridge, Harvard University Press, 1969. Принципиальной критике Лейбниц подверг Гоббса, чью теорию государства считал слишком абстрактной и утопичной в прямом смысле слова, то есть не имеющей места. Концепции Левиафана Лейбниц предпочитал этический идеал Конфуция. Китай по Лейбницу – идеальная модель для Европы, где божественное и человеческое связаны воедино. Гоббс же не смог этого сделать. См.: G.W.F. Leibniz, *Writings on China*, ed. & trans. by D. Cook and H. Rosemont, Jr., Chicago, Open Court, 1994; так же F. Perkins, *Leibniz and China. A Commerce of Light*, Cambridge, Cambridge University Press, 2004.

²⁷ Профессор геометрии Тук (A. Tooke) в 1691 году перевел труд Пуфендорфа на английский язык со своими комментариями; на французский книгу перевел Жан Барберак (J. Barbeyrac). Выходец из семьи французских кальвинистов, Барберак испытал все тяжести гражданской религиозной войны, охоты на гугенотов, начавшейся после Нантского Эдикта 1685 года. Вместе с Пуфендорфом Барберак защищает внеконфессиональный политический порядок, иначе говоря, социальный пацифизм, нападая одновременно на схоластов и Лейбница с его моральным рационализмом, отслезенным еще у Фомы Аквинского и Франциско Суареса. Святой Фома, опираясь на Аристотеля, наделял человека способностью аккумулировать трансцендентные ценности; разум, само собой, имеет божественное происхождение. Высший закон находится над человеком, следовательно, над гражданским обществом, являясь его генезисом (Суарес позже использовал этот аргумент в борьбе против отступников от католической веры).

ном посмертно, Пуфендорф выдвигает идею религиозного согласия между лютеранами и кальвинистами, основанного на общей для них идее спасения. Проект Пуфендорфа по примирению различных конфессий возымел действие. Испанский францисканец Кристофоро Рохас и Спинола действовал в качестве агента императора Леопольда, когда появлялся среди протестантской знати, склоняя ее к диалогу с католиками. Папа Иннокентий XI одобрил деятельность епископа. В 1679 году в Ганновере Спинола несколько месяцев вел переговоры с лютеранином Моланом, который позже сыграет ключевую роль в проведении конференции по объединению церквей.²⁸ Защищая религиозную толерантность, Пуфендорф защищал закон, стоящий над конфессиональными различиями и сообщаящий людям о вечной истине. Эта истина однажды явилась человеческому роду в образе Христа, чья двуединая природа не дает нам забыть о ценности именно человеческого измерения. Мир между различными партиями еще важен и потому, что при распрях всегда существует риск потерять божественное знание, полученное сначала Авраамом, а затем Моисеем в момент контракта, который Пуфендорф считал феодальным по сути. Они же передали это знание людям.

В ветхозаветном сознании «знать» и «быть» тождественны, точнее сказать – являются комформными друг другу. Яхве знает, что египетский царь не отпустит народ, поэтому он обещает помощь; он знает дату и цель исхода; он знает, что заключить договор нужно с Моисеем – с ним он его заключает. Он знает, как следует себя идентифицировать: «Я есмь Тот, Кто Я есмь!»²⁹ Семантически фраза пуста,

²⁸ Она состоялась в 1683 году при участии крупных протестантских теологов, которым Спинола предложил свой план под названием «Правила относительно объединения всех христиан» (*Regulae circa christianorum omnium ecclesiasticam reunionem*). Среди участников конференции был Лейбниц.

однако для ветхозаветной онтологии она вполне значима. Яхве не идентифицируем, кроме как через себя самого; он есть бытие самого себя, чистая данность, которую нельзя увидеть, но о которой можно знать, если это знание дается избранному. «Я-Есмь послал меня к вам» – в этом утверждении бытие и знание о бытии образуют тождество, реализуемое в действии: Тот, кто знает, посылает того, кто есть.

Пока Бог давал Моисею свои многочисленные обещания, тот еще сохранял определенную свободу природного существа, способного к недетерминированному выбору и случайным поступкам. Моисей превращается в социальную фигуру, чьи действия отныне будут детерминированы его телеологическим знанием, в тот момент, когда Бог требует от него страха. Именно страх является здесь субститутом бытийного отсутствия; другими словами, невозможности видеть облик того, кого знаешь как исток и как гарант своего существования.

«Страх передо Мною Я пошлю пред твоим лицом <...>»,³⁰ – предупреждает Яхве, и чуть дальше, словно не полагаясь на память Моисея, повторяет: «<...> ты не можешь видеть Мое лицо, ибо не увидит Меня человек и останется живым».³¹

²⁹ Исх. 3: 14.

אהיה אשר אהיה ויאמר כה תאמר לבני ישראל אהיה שלחני אליכם

³⁰ Исх. 23: 27. את־אימתי אשלח לפניך

³¹ Исх. 33: 20. ויאמר לא תוכל לראת את־פני כי לא־יראני האדם וחי

В «Богословско-политическом трактате» (1670) Спиноза отмечал, что после договора с Моисеем Бог становится для иудеев царем; возникает теократия, которая спустя столетия превратится в монархию, сохранив идею божественной власти монарха. В письме Мерсенну от 15 апреля 1630 года Декарт поясняет: «<...> Бог учредил эти законы в природе подобно тому, как король учреждает законы в своем государстве <...> король запечатлел бы свои законы в сердцах своих подданных, если бы его могущество ему это позволяло».

Значит, не тот ли единственный выбор оставлен социальному животному, который равносителен полному подчинению его поведения историческому будущему, оговоренному в контракте: увидеть или умереть? Человек сделал свой выбор, получив законы в обмен на зрение.

В христианской Европе уже не было Моисея, и не было одного народа, своим движением в пространстве выполнявшего историю, намеченную свыше. Закон, в своей метафизической полноте, в своем пусть даже абстрактном виде, представлял власть своего трансцендентного источника, распространявшегося по всей территории *civitas terrena*. Закон стал тем ангелом, которого оставил Всевышний наблюдать за людьми. Не обладая собственным телом, этот ангел принял форму социального тела, находившегося одновременно в сфере людей и над ней. Английский юрист XIII века Генри де Брэктон отмечал, что обязательство судьи перед законом и Богом стоит выше всех других обязательств, и ни правитель, ни законодатель не составляют исключение.

Понятие «высшего закона», широко обсуждавшееся на Западе до американской революции (1776 – 1783),³² как

Cf. *Oeuvres de Descartes*, publiées par Ch. Adam et P. Tannery, t. I, Paris, Vrin, 1996, p.145. Добавим: контракт с Богом сделал человека социальным; верующим он стал только после того, как Бог послал на землю своего Сына. Яхве не требует от человека веры, он требует от него подчинения, именно этого требует от подданных монарх, совмещая в себе одновременно функции Отца и Сына. Рудольф Бультман, в своей книге «Иисус» (1926) писавший о «пустом пространстве», в котором находится человек перед Богом, не совсем прав. Верующий не одинок, у него есть образ, одиноким следует признать социальное животное, у которого нет ничего, кроме закона.

³² Эта первая американская революция (вторая – 1861-1865), по точному замечанию Стафтона Линда, «сохранив унаследованное имущество, уничтожила унаследованное правительство». S. Lynd, *Intellectual Origins of American Radicalism*,

раз в период борьбы между светской и религиозной властью, отсылало к высшей инстанции, присматривающей за правилами и методами управления, используемыми в человеческих институциях.³³ Такая отсылка представлялась

New York, Vintage Books, 1969, p. 3.

³³ Отдельные идеи Вирта отозвались эхом у современного защитника теократии Таге Линдбома. В «Мифе демократии» (1996) Линдбом обещает западным демократиям самоуничтожение, как результат тотальной секуляризации и окончательного отделения в западном мире божьего Града от человеческого. Индустриальные революции, установление конституций, механизация труда – суть причины нынешней духовной катастрофы, прихода Люцифера. «Когда божественное отторгнуто, то неотвратимым последствием этого может быть только сатанинский дух отрицания <...> Нам следует искать Бога, единственный источник нашего бытия». Cf. T. Lindbom, *The Myth of Democracy*, Cambridge, Eerdmans Publishing, 1996, p.122, 130.

Напомним, что у Вирта был и предшественник – Винченцо Джиоберти (Vincenzo Gioberti, 1801 – 1852), философия для которого есть голая религия (*la religione nuda*). В *Introduzione allo studio della filosofia* (1840), размышляя над проблемой трансцендентного происхождения человеческого рассудка, Джиоберти, принявший за основу онтологию Мальбранша, прочитанную через кардинала Гердиля, приходит к выводу, что человек потерял изначальную связь с истиной, или *Esse Universale* – первоначальной (абсолютной) способностью творения, которая открывается человеку только в интуиции. Сущность истины определяет существование человека как мыслящего, и ему предстоит переоткрыть эту истину. Нужно построить новую онтологию, которая перенаправит человека к источнику творения (концепция созвучна с суфизмом ибн Араби). Человек наделен свободой, которая дает ему совершить моральный выбор: либо приближаться к первоисточку, либо отдаляться от него. Очевидно влияние Джиоберти на традиционали-

абсолютно обоснованной и необходимой, ибо государства не располагали никакими иными гарантиями истинности тех оснований, на которых они возникали. В 1690 году Джон Локк писал, что люди рождаются с естественным правом на жизнь, свободу и собственность. Никто не может забрать у человека это право, так как никому не дозволено уничтожать или портить то, что произведено на свет божественным промыслом.

В «Декларации Независимости» (1776) Томас Джефферсон, используя аргумент Локка,³⁴ говорил о равных правах у всех людей на свободу и счастье, потому что именно таковыми их сотворил Бог. «[Он] дал нам жизнь, он же дал нам свободу. Насилием можно их уничтожить, но невозможно разлучить».³⁵ По Джефферсону, закон в его высшем предназначении должен гарантировать исполне-

стов, но этот вопрос почти не исследован.

³⁴ Карл Бекер, изучивший философские источники «Декларации», пришел к выводу, что Джефферсон не прибавил ничего нового к тому, что говорил Локк, попросту копируя высказывания последнего. C.L. Becker, *The Declaration of Independence. A Study on the History of Political Ideas*, New York, Harcourt, Brace and Co., 1922. Однако речь скорее должна идти о «копировании» не самого Локка, а его публицистической вульгаризации, предпринятой, в частности, Джоном Тренчардом и Томасом Гордоном (в особенности их *Cato's Letters*). Лингвистически Джефферсон ближе не Локку, а газетам эпохи английской Оппозиции, при этом в протестантских министерствах колониальной Америки мыслили концептами английского философа. Близость революционной идеологии в Америке к «оппозиционерам» обсуждается в книге В. Bailyn, *The Ideological Origins of the American Revolution*, Cambridge, Mass., 1967; с ним полемизирует L. Ward, *The Politics of Liberty in England and Revolutionary America*, Cambridge, Cambridge University Press, 2004 (особенно part III, chap. 13).

³⁵ Th. Jefferson, *Political Writings*, Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 80.

ние на земле воли и замысла создателя или, другими словами, защищать человека от девиаций, причиной которых может стать его несовершенная природа. Закон охраняет человека как верховный проект, реализуемый по ходу социальной истории.

Как бы предвосхищая руссоизм, Локк неоднократно указывал на то, что природное состояние человека неудовлетворительно. Пока свобода человека ни полностью реализована, ни надежно защищена. Причиной этого являются человеческие природные качества, как эгоизм, нарциссизм, алчность и тупость, коими человек, подключая свой разум к их использованию, может себе сильно навредить. Законы природы, поэтому, неминуемо ведут к управлению, чью задачу Локк – как и Джефферсон после него – видел в защите социального животного от природного человека.

Англия, пожалуй, первая из европейских стран пошла по пути закона, когда король Иоанн (1199 – 1216) вручил своим баронам «Хартию вольностей» (*Magna Carta*, 1215). Вкратце, история ее такова. Предшественники Иоанна, Генри I, Стефан и Генри II издавали Хартии, адресованные своим баронам, однако они содержали только общие слова, обещания и декларации. В XII веке власть короля в Англии стала укрепляться, и бароны начали терять свою власть на местах. Король Иоанн обещал Папе Римскому поддержку в третьем Крестовом походе, поэтому был вынужден резко повысить налоги в своем королевстве. Кроме того, королю требовались деньги для выкупа своего старшего брата Ричарда I Львиное Сердце, захваченного императором Римской Империи Генрихом VI во время своего очередного военного похода.

К финансовым трудностям Иоанна добавились еще претензии герцога Нормандии на английский трон. В 1199, 1201 и 1205 годах бароны предъявляли Иоанну требования о подтверждении своих прав, но Иоанн продолжал только обещать. В 1204 году король потерял Нормандию,

а с 1208 по 1213 конфликтовал с Папой Римским Иннокентием III по поводу английских территорий, поскольку понтифик настаивал на том, что территория Англии принадлежит Римской католической церкви. Королевский произвол, связанный с большими налогами, взимаемыми с населения и церкви, мог бы длиться достаточно долго, если бы в 1213 году Стефан Лангтон, архиепископ Кентерберийский не выразил протест, который был концептуализирован в требовании о подтверждении свобод личности королем. Документ, известный как «Статьи баронов» был одобрен Иоанном, он и лег в основу текста «Хартии Вольностей», скрепленной подписью и печатью Иоанна Безземельного 15 июня 1215 года.

«Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона <...>, – говорится в 39 статье документа, – «не иначе, как по законному приговору...».³⁶ Текст, в основание которого лег закон, может быть только «на вечные времена». Закон предопределяет историю, он ее пророк, не дающий забыть о ее трансцендентном происхождении. В другой статье «Хартии» читаем: «После же того, как мы для Бога и для улучшения королевства нашего и для более успешного умиротворения раздора, родившегося между нами и баронами нашими, все это вышеозначенное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этим прочно и нерушимо на вечные времена, – создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, а именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы пожаловали и этой настоящей хартией...»³⁷

³⁶ В оригинале: «Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisiatur, aut utlagetur <...> nisi per legale iudicium parium suorum vel per legem terre». J.C. Holt, *Magna Carta*, Cambridge, Cambridge University Press, 1992, p. 460.

Из идей *Magna Carta* позже возникли другие важные документы: «Петиция о праве» (*Petition of Right*, 1628) и «Хабеас корпус акт» (*Habeas Corpus Act*, 1679), а федеральная Конституция США содержит из нее цитаты.

Генри Сидвик в «Элементах политики» (*The Elements of Politics*, 1891)³⁸ говорит о законе как о гетерогенной си-

³⁷ *Ibid.*, p. 468. [Cum autem pro Deo et ad emendacionem Regni nostri et ad melius sopiendum discordiam inter nos et barones nostros ortam hec omnia predicta concesserimus, volentes ea integra et firma stabilitate in perpetuum gaudere, facimus et concedimus eis securitatem subscriptam; videlicet quod barones eligant viginti quinque barones de regno quos voluerint, qui debeant pro totis viribus suis observare, tenere, et facere observari, pacem et libertates quas eis concessimus et hac presenti carta nostram confirmavimus...] (61).

³⁸ В том же году выходит книга Ф. Пикавэ, где анализируются концепция «идеологической школы», конкретно – теория Дестюта де Траси (*Destutt de Tracy*) «рациональной идеологии», изложенные в первом томе «Элементов идеологии» (*Eléments d'idéologie*, 1801). Дестют де Траси считал идеологию частью зоологии, разделяя человеческую деятельность на две области: физиологическую и рациональную (к последней относятся логика, грамматика и экономика), то есть все то, где человек создает законы сам. В законе есть две составляющих: ценность и полезность, которые делают закон объективным, следовательно – истинным. Именно Дестют де Траси, опираясь отчасти на Кондильяка, заложил основы субъективной теории ценности, не существовавшей до него. См.: F. Picavet, *Les Idéologues. Essai sur l'histoire des idées et des théories scientifiques, philosophiques, religieuses en France depuis 1789* (Paris, 1891); так же H. Michel, *L'idée de l'Etat* (Paris, 1895). В 1806 году, когда Наполеон достиг, как казалось, пика власти, а Гегель признал его инкарнацией Абсолютного Духа, Дестют де Траси работал над *Commentaire sur «l'esprit des lois» de Montesquieu*, позже прося Джефферсона помочь англий-

скому изданию его труда. Во Франции книга попала под запрет, в США она вышла в 1811 году, и только 1817-ом появилось ее европейское издание, полное ошибок.

Наполеон не любил «туманных идеологов», сетуя, что, мол, они обманули народ и испортили законы страны, отняв у них святость и поставив их в зависимость от воли отдельных граждан (о Дестюте де Траси император отзывался как «о метафизике, которым нужно кормить рыб»).

В риторике Наполеона еще угадывался человек революционной эпохи, поскольку как раз после 1789 года возникает культ закона. «Закон есть принцип порядка, позволяющий трансформировать бесконечное число людей в единое тело». Цит. по: М.-F. Renoux-Zagamé, *Royaume de la loi: équité et rigueur du droit selon la doctrine des Parlements de la monarchie, Justices*, № 9, janvier-mars 1998, p. 23. (Гийом Дювэр, хранитель печати в начале XVII столетия, назвал закон «благоразумием без страсти»). В 1790 году возникает «Общество друзей Конституции» (позже – Якобинский клуб), затем последовала инициатива депутата Жильбера Ромма, создавшего «Общество друзей закона»; в 1791-ом в Париже образуются несколько обществ с подобным названием, а заодно и «Общество номофилов»; в 1792-ом в столице пышно отмечают «праздник закона», где говорили: «Умереть, но закон защитить!» По этому поводу: М.-L. Biver, *Fêtes révolutionnaires à Paris*, PUF, 1979, p. 49 et passim. Пьер Розанваллон видит корни этого культа в политической философии физиократов, в первую очередь Франсуа Кенэ, который, не без оглядки на Руссо – или на Морелли <!> – отмечал, что для достижения свободы человеку не следует ничего придумывать. Ему достаточно следовать законам природы. Подробнее: P. Rosanvallon, *Le modèle politique français: la société civile contre le jacobinisme de 1789 à nos jours*, Paris, Seuil, 2004, p. 84-93.

Закон по своей природе абстрактен; он выражает нечто общее, при этом общее, которое находится в будущем. К человеку закон приходит как бы с конца времен или же он дается ему из рук высшей инстанции, то есть раз и навсег-

стеме правил, имеющих четкий интеллектуальный генезис. Такая система не терпит амбивалентностей, потому что является обеспечением моральной жизни граждан. К концу своей карьеры Сидвик пришел к этическому гедонизму, повторяя идею Бентама о том, что лучшим свидетельством справедливости государственного устройства служит наибольшее количество счастья, которое смогли для себя извлечь его субъекты.

Концепция человека как социального животного была доведена до логического конца, если не сказать до совершенства, утилитаристской традицией, основатели которой – Цезаре Беккария и Иеремия Бентам – поставили закон над человеческим как таковым. Они потребовали от общества стать прозрачным, а от государства – хранителем символического порядка. В трактате «О Преступлениях и наказаниях» (*Dei Delitti e delle Pene*, 1764), считающимся апогеем миланского Просвещения, Беккария отмечал, что нет ничего более опасного, чем общая аксиома, позволяющая обсуждать дух законов. Те, кто обладает вульгарным умом, непременно воспользуются этим для возбуждения общественного хаоса. Закон, считает маркиз, вполне разделяя ветхозаветную точку зрения на этот счет, должен быть принят, записан, и затем стать объектом беспрекословного подчинения. Закон получает силу от клятвы, даваемой ему людьми; такая клятва снимает всякого рода личные, частные интересы, оставляя его (закон) чистой интеллигибельной инстанцией, которая и должна составлять сущность власти.

Сакрализация закона, с которой началась история, наделяла его сверхвластью: возможностью создавать социум, создавать его подобно тому, как Бог создавал мир. Социальный человек не столько подчинен закону, сколько является его носителем, элементом системы, в которую он включен целиком. У человека не остается другого восприятия мира,

да. Именно такому закону поклонялись революционеры 1789 года, презаклячая, на деле, договор с Богом.

себя в этом мире, кроме как посредством закона, устанавливающего одновременно способы и пределы такого восприятия. Человек не знает закон как таковой, но он знает о том, что закон существует, и это знание связывает индивидуальное со всеобщим; знание о законе есть онтологическая основа социума, сам закон – его трансцендентный гарант. В этом нуждается социальный порядок, не способный гарантировать свою собственную сохранность он отдает себя во власть истоку – закону, дающему знание о себе самом. Закон, стало быть, защищает социальный порядок не своим действием, а своим статусом. Поэтому любая революция, какой бы разрушительной она ни была по отношению к старому порядку, оставляет статус закона нетронутым.

Свой триумф социальное находит у Бентама. Критикуя обе революции – французскую и американскую, – Бентам, если суммировать его усилия, создавал теорию общего блага, где «общее» является основанием блага, а само благо выступает в качестве утилитарного концепта.³⁹ Лишен-

³⁹ J. Bentham, *On the Principle of Utility*, в: *English Liberalism and the State*, ed. H.J. Schultz, D C Heath & Co., Massachusetts, 1972; J. Bentham, *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, ed. J.H. Burns & H.L.A. Hart, London, Athlone Press, 1970; критика Бентама с либеральных позиций у D.G. Long, *Bentham on Liberty: Jeremy Bentham's Idea of Liberty in relation to his Utilitarianism*, Toronto, University of Toronto Press, 1977; P.J. Kelly, *Utilitarianism and Distributive Justice: Jeremy Bentham and the Civil Law*, Oxford, Clarendon Press, 1990. Прав Джеймс Кримминс отмечая, что Бентам атаковал французских и американских революционеров не потому, что, подобно Эдмунду Бёрку, видел в революции источник зла, а потому что был не согласен с «метафизикой неотчуждаемого естественного права». J.E. Crimmins, *Bentham's Philosophical Politics*, *The Harvard Review of Philosophy*, Spring: 1993; так же N. Rosenblum, *Bentham's Theory of the Modern State*, Cambridge, Harvard University Press, 1978.

ный естественного права, индивид должен подчиняться обществу, ибо только последнее решает то, как лучше использовать индивида во благо всем, а значит и ему самому. Основным становится принцип утилитаризма, сформулированный Бентамом после чтения трактата Гельвеция «О Духе» (*De l'esprit*, 1769). Цель идеального общества – наибольшее счастье наибольшему количеству людей, и не беда, если для достижения этой цели социум пожертвует определенными личностями.⁴⁰ Прямо или путем аллегорий представал англичанам набиравший силу капитализм, а вместе с ним пугающие структурные изменения города. Город становился не местом жизни, а местом работы, для большинства изнурительной и не приносящей быстрых результатов. Человек должен работать, иначе ему не выжить; он может не выжить и работая, но так у него появ-

Альтернативу утилитаризму в наши дни предложил Джон Ролз, упрекавший Бентама и его последователей за то, что они «сращивают всех людей в одно целое <...> не делая серьезного различия между индивидами». Cf. J. Rawls, *A Theory of Justice*, Harvard University Press, 1971, p. 27. Считая утилитаристский принцип «удовлетворения желания» слишком эгоистичным, или субъективистским, Ролз настаивает на другой формуле: справедливость как честность (*justice as fairness*), позволяющей принять в качестве фундаментального «принцип одинаковой свободы» для членов социума, участвующих в его построении. При всей кажущейся радикальности концепция Ролза вполне традиционна. За точку отсчета взяты три автора: Локк, Руссо и Кант – теории договора, куда Ролз добавляет возможность постоянной критики и модификации социальных институтов.

⁴⁰ Противоположную позицию занял Поль Гюлье, предложивший индивидуалистскую теорию общества. «Нельзя допустить, чтобы индивид был ничем, а общество всем... Индивид – это цель, а общество средство». P. Gauthier, *L'idéal moderne*, Paris, Nacheffe et Cie, 1908, p. 78. И еще: «люди собраны в общество не так же, как кирпичи в здание». *Ibid.*, p. 88.

ляются шансы. Диккенс, Арнольд, Рёскин и многие другие, описывая эту ситуацию, создавали психологическую прозу, которая создала героя эпохи окончательного крушения Викторианского гуманизма. Жизнь больше не ценна сама по себе; получив ее, человек вынужден постоянно защищать ее своим трудом. Человек трудится, чтобы у него не отняли то, что он получил естественным путем, отстаивая прежде неотчуждаемое естественное право. Теперь, перефразируя Ортегу и Гассета, человек – это только его силы (об этом же писали теоретики индустриального общества, такие как Смайлс, Мальтус, Рикардо). Государство, подобно престарелому родителю, теряло свои права на индивида,⁴¹ отходя в тень и оставляя человеку практически безграничное количество свободы. Индивид стал автономным, он принадлежит не социуму, а своему классу, с которым у него была общая задача по администрированию своей полной свободы. Классы, вопреки мнению Энгельса, возникают не из распределения богатств – что является вторичным, – а из инвестиции личной свободы в определенный вид деятельности. Должно было пройти время, а вместе с ним должны были возникнуть мыслители, как Ритчи, Хобсон и Хобхаус, чтобы либерализм смог начертать свой проект человека, построив для него не только новую экономику, но и новую символическую систему. Бентам в ней занял место почетного референта. Ведь такие люди, по свидетельству Леонарда Хобхауса, явились духовными лидерами, подготовив основы для реформ.⁴²

⁴¹ Не поэтому ли в 1867 году в Англии принимается второй Реформенный Акт, увеличивший роль правительства и его ответственность за общество. Некоторые авторы датируют это событие началом конца «laissez-faire» капитализма. Например: A.V. Dicey, *Lectures in the Relation Between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century*, London, Macmillan, 1905, p. 147 et passim.

Перед самим Бентамом стояла другая задача: предложить идею, с помощью которой атомарные индивиды, обладающие свободой воли и свободой выбора, смогли бы собраться в социум, то есть создать иерархию предпочтений. Но почему Бентам отрицает естественное право, называя его «фикцией политического воображения»? Потому что для него человеческое начинается с закона, им же выстраиваются связи между людьми, от его качества зависит их конечная цель – счастье. Всеобщее счастье Бентам ставит выше свободы, ибо последнее есть лишь инструмент для достижения первого. Бентам не политический мыслитель, как Гоббс, он – теоретик и практик, предлагавший конкретные решения. Для английского восемнадцатого века Бентам был Моисеем, замысливший построить общество так, чтобы оно оказалось максимально эффективным. Кратчайший способ для достижения этого Бентам видел в правильном «социальном администрировании» общества, что означало: снятие ненужных ограничений на индивидуальные свободы, секс, предпринимательство и проч.⁴³

⁴² См.: M. Freedен, *The New Liberalism*, Clarendon Press, Oxford, 1978, p. 253; о политических причинах реформ К. Clark, *An Expanding Society: Britain 1830 – 1900*, Cambridge, Cambridge University Press, 1907.

⁴³ Замыслы Бентама претворяли в жизнь профессионалы: Эдвин Чэдвик (Edwin Chadwick) пропагандировал социальную администрацию, возглавляя комиссию по изучению условий работы на фабриках. Результатом стал Фабричный Акт 1833 года. Джордж Гроут (George Grote) и Уолтер Кулсон (Walter Coulson) в 1834-ом издали Поправку к Закону о Бедных, где говорилось о необходимости увеличить правительственную ответственность о неимущих. Джон Робак (John Roebuck) внедрял бентамизм в национальное образование; Джозеф Юм (Joseph Hume), Сэмюель Ромилли (Samuel Romilly) и Томас Смит (Thomas Smith) занимались общественным здоровьем. При всем том далеко не все идеи Бентама нашли свое

Человек может быть свободен во всем ровно в той мере, в которой от него исходит полезность для остальных. Полезность – это материя, извлекаемая из людей при помощи закона. Законодатель в обществе занимает амбивалентную позицию, находясь одновременно в нем и за его пределами, ибо ничто не ограничивает его власть. Но природа этой власти телеологична, как и создаваемые ею законы. Бентама интересовали люди: «Назовите их солдатами, монахами или машинами, если они счастливы, мне этого достаточно».

Во Франции Бентаму ответил Поль Лапи, вместе с Дюркгеймом в 1898 году организовавший журнал *L'année sociologique*. Лапи решил поспорить о главном: «Индивид может не всегда хотеть счастья; счастливый человек не обязательно совершенный человек»⁴⁴, а целью людей, как бы то ни было, является построение совершенного общества. На пути к нему роль государства заключена в том, чтобы сдерживать людей в их стремлении к порокам. Государственная машина – это наш строгий педагог. При всем этатизме Лапи ставит закон выше государства, точнее сказать, последнее выводится из некоей идеальной дефиниции, охраняемой законом. Так, государство дедуцируется из однажды данного определения идеального государственного устройства. Однако закон в концепции Лапи не является абсолютом. Есть случаи, когда он может потерять свой трансцендентный статус. Пример: политическая схватка между партиями. Там, где существует проигравшая сторона, «даже справедливый закон кажется несправедливым. Он профанируется имевшим место насилием. Ему подчиняются подобно за-

воплощение. Так, предложение передать тюрьмы в частный сектор, чтобы их содержать не за счет налогоплательщиков, реализовано не было. Остался на бумаге проект знаменитого Паноптикума.

⁴⁴ P. Lapie, *La justice par l'Etat. Etude de morale sociale*, Paris, Alcan, 1899, p. 30.

ключенному миру, готовясь к реваншу. Таким путем закон теряет свое величие (*perd ainsi sa majesté*).⁴⁵ Впрочем, не теряет. Если одна партия выиграла у другой, не нарушив закон, то она признает себя побежденной – в соответствии с этим законом. Закон не может «казаться несправедливым», если обе партии равным образом принимали участие в его установлении. Но из рассуждений Лапи возникает иная принципиальная сложность. Ни один закон не может удовлетворить желания всех. Поэтому в той или иной форме насилие в социуме неизбежно, ибо в одних границах закон и желание никогда не уместятся полностью. Отсюда пессимизм Прево-Парадоля, критика Ле Пле и Второй Империи. Все политические режимы можно разделить на три категории: теократический деспотизм, основанный на вере во власть божества; монархический деспотизм, когда верят в избранность отдельной семьи и ее положения над всеми остальными, и деспотизм демократический, гарантирующий общественный порядок и дающий надежду на спасение. Любым обществом движут два принципа – желание и страх, «которыми внешние вещи действуют на нашу душу. Они приносят прямой вред нашей моральной свободе».⁴⁶

В иудаизме закон возник как замена нашему зрению; слепцы, им не дано видеть свой исток, но дано знать о его упорядочивающей силе. По ходу истории сам закон обрел божественный статус, под занавес Средних веков он стал истинным сыном трансцендентного отца. В природе ли, у людей ли, закон есть закон. Французская революция превратила его в культ, целиком заменив им фигуру короля. С возникновением гражданского общества закон стал «общим местом», то есть способом согласования самых

⁴⁵ *Ibid.*, p. 56.

⁴⁶ L.-A. Prevost-Paradol, *La France nouvelle*, Paris, Michel Lévy Frères, 1868, p. 56.

разных интересов. Вопреки всем ожиданиям история продолжает свой путь, социальный человек ее не остановит, не закончит и не выйдет за ее пределы. Это было бы возможно при одном условии: человек должен увидеть то, о чем он до сих пор только знал.

Петр Баренбойм

МОИСЕЙ – ПЕРВЫЙ ФИЛОСОФ ПРАВА

«В Моисеевом праве... представляется мудрое разрешение на почве высших начал тех великих социальных проблем, которые бесплодно волновали умы величайших мыслителей древности и с грозной настойчивостью требуют практического разрешения в настоящее время»

Александр Лопухин

В первых пяти книгах Ветхого Завета (Пятикнижии) установлены принципы, концепции, нормы права, которыми сейчас независимо от религиозной или атеистической принадлежности пользуется все человечество, так как они вошли в обязательные для всех стран юридические документы ООН. «Не убий, не укради» и так далее. Эти нормы от имени Бога провозглашены просто человеком, которому заведомо (поскольку в тексте не раз указаны его человеческие недостатки) не придано никакой божественности и богоподобности. Уста и писания Моисея стали источником главных правовых и моральных принципов. Эти слова, как писал Иосиф Бродский, «из смертных уст звучат отчетливей, чем из надмирной ваты».

Сейчас, в XXI веке, уже неважно, Бог диктовал Моисею законы или он сам их писал на вершине вулканической горы, а потом преподнес людям от имени Бога. Неважно даже, существовал исторически Моисей или это мифологическая фигура, воплощающая в себе некие идеалы, вы-

работанные за века коллективной человеческой мыслью. С точностью не доказаны исторически ни Лао Дзы, ни Будда, ни Христос, ни Сократ. Это не мешает человечеству тысячелетиями воспринимать их идеи. Сегодня это уже не вопрос религиозности, а вопрос сути того, что они провозглашали. А воинствующий постсоветский атеизм вообще не является здесь каким-либо аргументом. При всех спорах о датах ни у кого уже не вызывает сомнения, что правовые идеи, написанные в Библии от имени Моисея, отредактированы при всех последующих переписываниях почти в окончательном виде не позже VI – V веков до нашей эры. Сам же он существовал (если существовал) в период XVI – XI веков до н.э.

Как справедливо написал более ста лет назад авторитетный библеист Ахад Хайям, «Меня не заботит действительно ли существовал человек Моисей. Даже если мне докажут, что человек Моисей никогда не существовал или, что это был не такой человек каким он представлен, никто не отнимет и маленькой части исторической реальности идеального Моисея, который остается нашим лидером не только на сорок лет хождения по пустыне Синай, но и все тысячелетия хождения по всевозможным пустыням со времен Исхода»¹.

Нельзя сказать, что Моисею везло в российской литературе. Когда, начиная с XVIII века, пошел все возраставший поток исследований идей Пятикнижия, достигший по всему миру к сегодняшнему дню многих тысяч монографий и несчетного числа статей, Россию он почти никак не затронул.

В неряшливо написанной бойким журналистским пером книге «Моисей», вышедшей в 2011 году в некогда весьма уважаемой русскоязычной аудитории серии «ЖЗЛ», для рассмотрения правовых взглядов Моисея ме-

¹ Jonathan Kirsch, *Moses. A Life*, N.Y., 1999, p. 364.

ста практически не нашлось. Это подчеркивается обещанием «вернуться к сути» в главе «Учение Моисея», но такой главы в книге не оказалось. Думается, так произошло в первую очередь потому, что в и так не впечатляющем для начала XXI столетия списке использованной литературы произведениям Лопухина места не нашлось. Кажется, что вся ЖЗЛовская книга хуже характеризует Моисея, чем одна фраза современного автора П. Джонсона:

«Он был пророк и лидер, человек решительного действия и буквально электрического воздействия на окружающих, способный на неудержимый гнев и жесткое решение, но также человек интенсивной духовности, любящий уединение с самим собой и Богом в безлюдных местах, наблюдая видения Божоявления и Апокалипсиса; при этом, однако, не отшельник и затворник, но активная духовная сила, ненавидящая несправедливость и пламенно стремящаяся к созданию Утопии. Этот человек не только был посредником между Богом и человечеством, но стремился перенести чрезвычайно высокие идеалы в практическую государственную деятельность, а благородные концепции – в каждодневную жизнь. Кроме того, в качестве законодателя и судьи он стал конструктором мощной правовой инфраструктуры, обеспечивающей честный подход к каждому аспекту общественного и частного поведения, то есть, в конечном счете, тоталитаризм духовности»².

Справедливости ради следует отметить, что правовой нигилизм при оценке значения Моисея существовал задолго до наших дней и не только в России. Так, знаменитый философ и психолог Зигмунд Фрейд пишет в книге о Моисее, что в ней «нет места для целого ряда жемчужин библейского повествования, как например,...

² Johnson P. *History of the Jews*. N.Y., 1988. P. 27, 29.

о торжественном вручении законов на горе Синай»³. Он просто не понял, что как раз эти законы и стали главным наследием Моисея и без этой «жемчужины» нет и всей короны.

Так уж получилось, что религия, конечно, являющаяся самостоятельной ценностью, оказалась еще и формой передачи важных правовых истин и идеалов из иудаизма в христианство, из тысячелетия в тысячелетие, из поколений в поколения, пока в наше время они, освобожденные от религиозной оболочки, приобрели всеобщую светскую нормативность в документах ООН, национальных конституциях, а также в решениях международных и конституционных судов.

В российской литературе всех времен исключением можно назвать вышедшую в конце XIX века монографию Александра Лопухина (1852 – 1904) «Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея, с приложением трактата: «Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения», СПб., 1882. Философский аспект правового учения Моисея у Лопухина был хорошо развит. Переиздавший сейчас эту книгу профессор Московского университета В.А. Томсинов (за что мы все ему очень признательны) справедливо отмечает в предисловии, что Лопухин видел в законодательстве Моисея «ценный материал для разрешения острых этических проблем»⁴.

Анализируя предшествующие источники, Лопухин отмечает: «Собственно по предмету Моисеева права от-

³ Зигмунд Фрейд, «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», М., 2009, с. 41.

⁴ А.П. Лопухин, «Законодательство Моисея. Суд над Иисусом Христом. Вавилонский царь правды Аммураби», М., 2005, с.5.

ечественная литература вовсе не имеет трудов»⁵. Только через 90 лет после смерти Лопухина в России возобновились исследования правовых взглядов Пятикнижия Моисея, сначала в виде статей в журнале «Российская юстиция», а затем в нескольких книгах на рубеже третьего тысячелетия. В некотором смысле российские исследования вышли на заданный Лопухиным уровень только при издании в 2012 году сборника статей «Философия права Пятикнижия»⁶. Сегодня мысли Лопухина сохраняют свое значение и актуальность, и требуют внимательного изучения.

Уникальность работы Лопухина в том, что в ней рассматривается значение многих высказываний Моисея именно как философско-правовых идей. Здесь наш соотечественник уже тогда начал опережать в мировой литературе еврейских и западных исследователей, которые описывали Моисея как религиозного пророка, богослова, политического и военного лидера, законодателя, судью, но недостаточно рассмотрели его важнейшую роль как философа, положившего начало философии права. А ведь еще влиятельный мыслитель Филон Александрийский (ок. 25 до н.э. – 50 н.э.) рассматривал Моисея в первую очередь как философа⁷. Филон оказал значительное влияние на развитие философии и религии, а также, например, на идеи ученых Флорентийской Платоновской академии, основатель и глава которой Марсилио Фичино (1433 – 1499) выдвинул знаменитый тезис: «Платон – это Моисей, говорящий по-гречески». Таким образом, один из самых влиятельных мыслителей эпохи Возрождения рассматривал Моисея именно как философа.

⁵ А.П. Лопухин, Цит. раб. с. 23.

⁶ «Философия права Пятикнижия», под редакцией А.А. Гусейнова и Е.Б. Рашковского, М., ЛУМ, 2012.

⁷ Электронная еврейская энциклопедия.

Знаком был с этим тезисом Лопухин или дошел до этого самостоятельно, нам неизвестно, но он настойчиво сравнивает философско-правовые взгляды Моисея и Платона. В любом случае здесь он проявил себя как самостоятельный мыслитель, который заложил современные основы для изучения Моисея как философа права. При том первого философа права. Ведь при любом летоисчислении текстов Ветхого Завета Моисей представил свои идеи раньше Лао-Цзы, Конфуция и, тем более, Сократа и Платона.

Жанр статьи не позволяет уделить достаточно места изложению мыслей Лопухина, поэтому мы попробуем сделать это в виде пространной комбинированной цитаты из его книги:

«Моисеево законодательство в своих общих началах действительно представляет норму истинного человеческого развития, которая одна только могла привести человечество к осуществлению его назначения и до которой не возвышалась законодательная мудрость ни одного из мудрецов древнего мира... Даже представители наивысшего развития духа человеческого, философы, как напр., Платон, не возвышались до того, чтобы оценить личность в ее собственном достоинстве, независимо от ее отношения к государству, и потому в своих идеальных обществах отдавали ее и семейство в жертву государству...»

Каждый отдельный индивид принадлежал одинаково и себе самому, и обществу, сам, пользуясь свободой, согласовывал бы ее в то же время с законом, со свободой всех, составляя часть целого, не поглощался им, а оставался самостоятельным и притом находился в таких условиях жизни и деятельности, которые, давая все средства для достижения личных целей, в то же время приводили бы эти личные цели в согласие с целями всего общества, так что удовлетворение первых было бы в

то же время удовлетворением и последних... Над решением такой общественной проблемы трудится настоящее время, но счастливое решение ее до сих пор остается только благочестивым желанием (*pia desideria*) политико-социальных наук. Меж тем такое решение представляется уже готовым в государственно-общественном строе Моисеева государства, хотя, конечно, под свойственной ему по времени форме древних, патриархальных отношений...

Сущность новейшего культурного развития и состоит именно в том, что она восприняла в себя начала, положенные в основу развития Моисеевым законодательством, в их одухотворенной христианством форме, выведшей их из узкого одностороннего применения в жизни одного замкнутого народа. Собственно европейская (греко-римская) культура имеет значение лишь как придаточная сила, заложившая только материальную основу для новейшей цивилизации, а все, что выше материи, в чем выражается господство духа – главной движущей силы истинного развития, – все это заимствованно из начал Моисеева права, на что, между прочим, указывает обязательное значение десятилетия, признанного всеми нравственно-юридическими кодексами Европы... В этом заключается и философская сторона библейского теократизма, одухотворяющего законодательство Моисея... Моисеево законодательство в своей основе и по своему назначению носит в себе глубокий богословско- философский смысл...

Главная цель Моисеева законодательства – наибольшее развитие чувства свободы в народе... Здесь способный человек – в каком бы положении он не находился – мгновенно мог приобрести историческое значение... По отношению к рабству как наивысшему выражению попрания достоинства человеческой личности Моисеево законодательство действительно является чрез-

вычайным фактом во всемирной истории, не имеющим ничего подобного в древнем мире; в то время как другие законодательства рабство полагали в основу общества и без него считали невысказанно правильной государственно-общественную жизнь (известны взгляды на это Платона и Аристотеля, выраженные в их «идеальных» государствах). Моисеево законодательство, одно в целом мире, признало его ненормальным явлением и принимало все меры к его ослаблению и уничтожению...»⁸

Считающийся автором первых пяти книг Ветхого Завета, Моисей может рассматриваться как связующая фигура для христианства, ислама и иудаизма. Моисей упоминается около 80 раз в Новом Завете и 503 раза в Коране. При этом его фигура соответственно связана с Христом и Магомедом. Он представляется их предтечей, а они, каждый по-своему, как бы завершают миссию Моисея. Многие из представленных человечеству Моисеем (или от его имени) 613 правовых норм Завета составили важную часть общемировой правовой традиции.

Основой его учения является свод переплетенных с моральными наставлениями правовых норм, которые в совокупности, если отсечь строительные, гигиенические и кулинарные правила, составляют основу первого в истории философско-правового учения. Да и такое «кулинарное» правило как «не вари козленка в молоке его матери» по существу не имеет отношения ни к рецептам приготовления пищи, ни, конечно, к защите животных. Речь здесь о человеке и о тех пределах цинизма, которые он не должен пересекать, чтобы сохранить собственную нравственность.

⁸ А.П. Лопухин, «Законодательство Моисея. Суд над Иисусом Христом. Вавилонский царь правды Аммураби», М., 2005, сс. 5,11, 14,19, 20,137.

Моисей – первый известный нам философ права, как бы скрепляет будущий (еще не достигнутый и к нашему времени) правовой консенсус между западно-христианской и мусульманской правовыми цивилизациями. Осмысление правовой философии Моисея сейчас, возможно, нужнее всего для нахождения общего языка между юристами разных правовых традиций.

Поэтому представляется вполне естественным поискать в истории человеческой мысли начальный момент философии права, не акцентируясь на том, провозглашены вышеуказанные нормы человеческой морали от имени богов древних религий или же закреплены в международных договорах и конвенциях ООН. Если Сократ, не оставивший ни одной собственной книги, является общепризнанным основателем политической философии⁹, то почему Моисей, пять книг которого сохранились в составе Ветхого Завета, последняя существенная редакция которых последующими переписчиками в основном завершилась к VI в. до н. э., за сотню-другую лет до рождения Сократа, не может рассматриваться как отец философии права? Ведь сам факт отсутствия абсолютных исторических доказательств существования Сократа и Моисея как исторических личностей совершенно не мешает объективному рассмотрению их мыслей, даже если они от их имени запечатлены письменно другими людьми? Египетский принц Моисей, возможно, знал древнее египетское пророчество, которое будет приятно сердцу любого пишущего человека: «Что касается тех ученых писцов, кто жил подобно богам... их имена будут существовать вечно... Человек разлагается, тело его прах, и все его родственники вымерли, но писания заставляют его имя жить на устах чтеца. Книга

⁹ *History of Political Philosophy*, edited by Leo Strauss and Joseph Cropsey, the University of Chicago Press, 1987, pp. 1, 4, 5.

полезнее, чем дом строителя или погребальная часовня в песках Запада...»¹⁰.

Чтобы понять первенство правовой философии Пятикнижия, необходимо выделить такие ее составляющие как:

а) представление права как высшей духовной ценности, основанной на морали и взаимосвязанной с ней;

б) невозможность в полной мере усвоить и исполнять эти правовые и моральные нормы людям с рабской психологией;

в) необходимость предварительного согласования с людьми предлагаемых им правовых и моральных норм;

г) конкретные законодательные ограничения для царской власти;

д) выделение самостоятельных судебных функций (Исход) и основанное на этом позднее главенство судей (Книга Судей) в доцарский период истории (около двух веков) государства, созданного по предписаниям Моисея.

Бог Ветхого Завета «не только Создатель, но и Освободитель» – пишет Ричард Тарнас на основе событий освобождения и выхода под руководством Моисея восставших рабов из Египта, а также законодательных актов, полученных на горе Синай¹¹. После создания Земли и Адама, а также потопа, Бог впервые появляется в центре крупных событий одновременно с человеком по имени Моисей. Потом Бог Ветхого Завета становится и Богом Нового Завета, распространяя библейское понятие «избранного народа» на все человечество. Несовместимость рабства с нормальным человеческим суще-

¹⁰ Лео Дойель, «Завет вечности: в поисках библейских манускриптов», пер. с английского, Санкт Петербург, 2001, с. 146-147.

¹¹ Richard Tarnas, *The Passion of the Western Mind*, N.Y., 1993, p. 95.

ствованием передается из иудаизма в христианство не как конкретная правовая норма, а как философско-правовое понятие. Его применение в жизни было насыщено всевозможными событиями.

Очевидна специфичность философии права пуритан, которые составляли подавляющее большинство первых колонистов США и повлияли на английский конституционализм, что и привело впоследствии на основе принятых ими конституций колоний к формированию современного американского конституционализма. «Из Ветхого Завета протестантизм выборочно заимствовал некоторые воззрения на государство, колеблющиеся между демократической теократией, враждебной к царской власти, и теократическим стремлениями, вообще враждебными к любой идее государства. Эти теологические представления были затем перенесены на государственный порядок, породив новые представления о демократии: английские пуритане... первыми попытались сформулировать новый демократический государственный идеал, отличный от античных и ренессансных образцов»¹². Пуритане включили Десять Заповедей Моисея в Конституцию колонии Массачусетс. Конечно, они серьезно повлияли на Конституцию США, которая создавалась спустя столетия, но рабство продолжало существовать еще почти 70 лет после ее принятия в 1787 году. (Раннее движение афро-американцев за отмену рабства в США шло под лозунгом «Спустись к нам, Моисей!»). А вот значительно более консервативная, но очень христианская королевская Испания, нещадно эксплуатируя южноамериканских индейцев, официально рабство не признавала и ее корабли в Атлантике были главной угрозой судам работорговцев. Основанный испанцем Игна-

¹² И.А. Исаев, «Идея правопорядка в консервативной перспективе», М., 2011, с. 56.

сио Лойолой орден иезуитов, не только не признавал рабства, но и активно против него боролся, основав в XVIII веке на границах современных Аргентины, Бразилии и Парагвая «республику Гуэрани», откуда почти десятилетие возглавляли партизанскую войну индейцев против португальских, а затем, согласно договоренностям королей, и испанских войск. Итогом было запрещение почти на 50 лет деятельности ордена иезуитов, который «перезимовал» в России под защитой Екатерины Великой, а затем ее сына и внука, вплоть до 1814 года. За это время в основанной в Петербурге школе они успели обучить многих идеологов декабризма, составивших первые в России проекты конституций, запрещающие крепостное право. Но это уже другая история...

Начало XXI века, вероятно, является поворотным пунктом для разграничения философии права, философии религии и теологии. Примерно четыре столетия назад началось освобождение западноевропейской светской науки философии права от религиозных идей, сейчас пришло время возврата философии права к проблеме того же разграничения, чтобы не оторваться от своих корней, лежащих в текстах Ветхого Завета. В настоящее время актуально отметить библейское начало философии права, рассматривая ее, конечно, как светскую науку, изучающую, в том числе, и свои корни в исторических письменных памятниках, включая и древние религиозные тексты. Здесь речь не идет о вере, атеизме, агностицизме или деизме, а о поисках истоков права как одной из высших духовных ценностей человечества.

Пятикнижие – первые пять Книг Ветхого Завета – является началом философии права, из которого истекают все важнейшие постулаты и нормы правовых систем иудаизма, христианства и ислама, что позволяет подчеркивать единство, а не различие современного

мира. Если в западноевропейской и американской правовой традиции ветхозаветные правовые предписания трансформировались в общие философско-правовые принципы взаимосвязи права, нравственности, справедливости, уважения к женщине, то в нормах шариата (без уважения к женщине) закрепились правила о неподсудности человека, совершившего кражу из-за голода и то, что доказательством вины могут быть показания только двух добросовестных свидетелей. При этом такие конкретные нормы были «вымыты» из права «развитых» правовых систем.

Библия древних греков – «Илиада» Гомера – по сравнению с Пятикнижием не содержит никакого (или почти никакого) правового содержания. Греческая философия права началась с Сократа и Платона, причем последний уже был знаком с правовым учением Моисея, имя которого он упоминал. У нас общепринятым является вести философию права от Сократа и Платона, оставляя философию права Моисея теологии и философии религии. Момент философии права наступает в человеческой истории тогда, когда право сознает себя и осознается со стороны высшей духовной ценностью в соотношении и взаимодействии с другими духовными ценностями, например, моралью, нравственностью, справедливостью. Этот момент и описан в Ветхом Завете. Поскольку древнегреческая философия права никогда не была обременена религиозным (в современном смысле) содержанием, ее продолжают считать общемировым началом философии права, что, по крайней мере, для этой разновидности философии является, как минимум, хронологически неправильной точкой зрения. Философия права, которую еще более ошибочно многие считают частью юриспруденции, обязательно должна быть взглядом на право извне, с позиций морали и других высших духовных ценностей. Философия права – это самоосознание

права себя как высшей духовной ценности во взаимосвязи и взаимозависимости с другими высшими духовными ценностями.

Философия права имеет свою специфику и, скажем так, отдельность, обособленность от любой другой философии, например, философии политики или политической философии. Эта простая истина неудобна для большинства философов, поскольку (особенно в России, где и вначале XXI в. продолжает господствовать традиционный правовой нигилизм) они не так уж хорошо знакомы с правовыми категориями. Поэтому существует распространенная в мире тенденция включать философию права в состав политической философии или, как минимум, сливать их воедино как некие взаимодополняющие части. Шопенгауэр писал, что «философия – высокая альпийская дорога; к ней ведет лишь крутая тропа через острые камни и колючие тернии: она уединенна и становится все пустыней, чем выше восходишь...»¹³. (Я думаю, что дорога все же не альпийская, а гималайская).

Неожиданно выясняется, что обособленность философии права неудобна и для большинства юристов, которые склонны сливать ее с юриспруденцией в широком смысле этого слова или с теорией государства и права и историей политических учений. Это можно объяснить нежеланием совершать трудное восхождение к гималайским энциклопедическим высотам философии права. Кроме того, доминанта политической философии, которая в настоящее время практически слилась с политической идеологией, также может отталкивать некоторых юристов от анализа философских проблем. Вышеуказанные встречные тенденции привели к тому, что философия права в начале XXI века оказалась

¹³ Артур Шопенгауэр, Собрание сочинений, том 6, М., 2001, с. 3.

дрейфующим островом между материками философии и права.

Нельзя не согласиться с профессором Лейденского университета Ф. Альтинг фон Гейзау, утверждающим, что правовые нормы Ветхого Завета критически важны для развития современной юридической мысли и что переход к правовому государству нельзя осуществить без применения и истолкования основополагающих библейских правовых принципов¹⁴. И еще важное замечание известного русского правоведа и философа Бориса Николаевича Чичерина (1828 – 1904), актуальность которого стала еще сильнее, спустя более, чем столетие. В своей книге «Философия права» он писал: «Оно (предлагаемое сочинение – П.Б.) представляет попытку восстановить забытую науку, которой упадок роковым образом отразился на умах современников и привел к полному затмению высших начал, управляющих человеческой жизнью и служащих основой человеческих обществ»¹⁵.

Ветхий Завет в Пятикнижии ставит, как минимум, четыре философско-правовые проблемы, имеющие значение для современной России:

- первичность права по отношению к государству;
- взаимосвязь права, нравственности и справедливости;
- обязательность предварительного обсуждения с народом правовых норм, которые тот должен исполнять;
- необходимость преодоления рабской психологии прошлого для построения основанного на праве государства.

В России процесс формирования философии права был и продолжает быть осложнен стремлением поставить произведенный государством закон впереди вечных ценностей права, стремлением почти всегда

¹⁴ Газета «Русская мысль». 1996. № 41.

¹⁵ Б.Н. Чичерин, «Философия права», М. 2011, с. 24.

тиранической российской власти самим фактом принятия ею закона поставить этот закон выше морали, нравственности и самой человеческой жизни. Как говорит Дзержинский в разоблачительном стихотворении Эдуарда Багрицкого «ТВС»: «и, если он скажет: «убей» – убей! / если он скажет: «солги» – солги!». С такими правовыми и моральными установками мы прожили почти весь XX век и, если быстро не избавимся от них, то не имеем особых перспектив и в XXI веке.

Прочитую для наглядности некоторые места из Книги «Исход» и последующих трех книг Пятикнижия. Приводя для удобства читателя пространные цитаты из Ветхого Завета, я хотел бы призвать к их оценке с точки зрения древности много раз переписанного и дополненного текста. При этом я использую классический Синодальный перевод, который своей некоторой архаичностью языка делает нас ближе к древнему источнику. Ведь, как пишет Александр Мень, Ветхий Завет был первой книгой в истории, переведенной на иностранный язык. Кирилл и Мефодий составили в конце IX в. славянский алфавит с целью перевода Библии. Правда, полный синодальный перевод Библии на русский язык появился только в 1876 году. Возрождается работа по совершенствованию перевода и в России, что будет способствовать лучшему пониманию многозначных библейских текстов. В США до сих пор идет работа по улучшению перевода Книги Книг. «Ветхий Завет не переведен на английский адекватно оригинальному тексту ни в одном из вариантов перевода»¹⁶. Думается, что такая проблема существует и в русском языке. В тексте Ветхого Завета немало несовпадений, противоречий, неясностей. Это могут быть как описки переписчиков, так и сознательное редактирование и дополнение. Это иногда мо-

¹⁶ Gordon Wenham. *Numbers*. Inter-Varsity Press, Illinois, 1981, p.5.

жет быть и высокая, может быть еще малодоступная для нас мудрость, когда противоречащие утверждения стоят почти рядом, демонстрируя некую высшую диалектику единства противоположностей без их борьбы.

Как справедливо указывает американский адвокат и признанный библейский автор Джонатан Кирш: «Независимо от ее действительного человеческого или божественного авторства, Библия является невероятным сборником права, легенд, истории, пропаганды, политики, поэзии, молитв, этики, генеалогии, дерматологии, гигиенических указаний, военной тактики, диетических советов, строительных инструкций и многого другого, причем мелкие детали или целые страницы Священного Писания составлены в разное время и разных местах и для различных целей многочисленных библейских авторов и переписчиков... Некоторые из наиболее известных предписаний кодекса Моисея отражают поразительный смысл заботы и внимания к осуществлению социальной справедливости даже если ее ценности обозначены еще только приблизительно»¹⁷.

Вспомним, что написано в Пятикнижии:

1. Моисей вывел рабов из Египта.
2. Он привел людей в безопасное место к подножию священной вулканической горы.
3. Моисей несколько раз поднимался на вершину горы, над которой стояла вулканическая дымка, а внизу вел переговоры с людьми о принятии и строгом соблюдении (в том числе и под страхом смерти) свода законов, который в виде каменных таблиц должен быть объектом почитания как высшая духовная и божественная ценность.
4. После согласия народа на оглашенные нормы, он принес с горы две каменные таблицы, на которых были высечены Десять Заповедей. После подавления сопро-

¹⁷ Jonathan Kirsch, *Moses. A Life*, N.Y., 1999, p. 251, 253.

тивления группы людей, не желавших принять нормы Моисея, вместо разбитых первых каменных таблиц с горы была принесена вторая пара таблиц «Скрижалей Завета» с записью законов.

5. Эти таблицы были помещены в специальную большую «шкатулку», названную «Скинией Завета», на украшение которой ушли почти все запасы драгоценных металлов. Поскольку общее число норм с годами составило 613, можно предположить, что большинство из них были записаны с течением времени на свитках, которые также хранились в Скинии Завета. Она была помещена сначала в переносной храм, а затем и в два последующих каменных храма, выстроенных в Иерусалиме, при этом доступ в это наиболее священное место храма запрещался. Скиния Завета была наиболее священной реликвией иудаизма в храме, где совершались молитвы.

6. Хотя каменные таблицы были в какой-то период утрачены, они были заменены свитками с записями законов.

Предоставим читателю краткие отрывки из текста Ветхого Завета, чтобы он имел возможность проследить описание событий.

Далее цитаты из Книги «Исход»:

Исход, 19: 1. В третий месяц по исходе сынов Израиля из земли Египетской, в самый день новолуния, пришли они в пустыню Синайскую.

2. И двинулись они из Рефидима, и пришли в пустыню Синайскую, и расположились там станом в пустыне; и расположился там Израиль станом против горы.

3. Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым:

5. итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля,

6. а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым.

7. И пришел Моисей и созвал старейшин народа и предложил им все сии слова, которые заповедал ему Господь.

8. И весь народ отвечал единогласно, говоря: всё, что сказал Господь, исполним [и будем послушны]. И донес Моисей слова народа Господу.

20. И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей.

21. И сказал Господь Моисею: сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, и чтобы не пали многие из него;

25. И сошел Моисей к народу и пересказал ему.

20: 1. И изрек Бог [к Моисею] все слова сии, говоря:

2. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

3. да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

4. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

5. не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

6. и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

7. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

8. Помни день субботний, чтобы святить его;

9. шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои,

10. а день седьмой - суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь

твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих;

11. ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

12. Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

13. Не убивай.

14. Не прелюбодействуй.

15. Не кради.

16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего.

18. Весь народ видел грома и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, [весь] народ отступил и стал вдали.

19. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.

20. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог [к вам] пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили.

21. И стоял [весь] народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог...

24: 3. И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны].

4. И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенад-

цать камней, по числу двенадцати колен Израилевых;

7. и взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: всё, что сказал Господь, сделаем и будем послушны.

12. И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их.

15. И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору,

18. Моисей вступил в средину облака и взошел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей.

31: 18 И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим.

32: 15. И обратился и сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения [каменные], на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было;

16. скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Божию...

19. Когда же он приблизился к стану и увидел тельца и пляски, тогда он воспламенился гневом и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою;

20. и взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам Израилевым...

26. И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, [иди] ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины.

27. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего.

28. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек.

29. Ибо Моисей сказал [им]: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да нишпошет Он вам сегодня благословение.

30. На другой день сказал Моисей народу: вы сделали великий грех; так я взойду к Господу, не заглажу ли греха вашего.

31. И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, [Господи!] народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога;

32. прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал...

34: 1 И сказал Господь Моисею: вытеси себе две скрижали каменные, подобные прежним, [и взойди ко Мне на гору,] и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил;

2. и будь готов к утру, и взойди утром на гору Синай, и предстань предо Мною там на вершине горы;

4. И вытесал Моисей две скрижали каменные, подобные прежним, и, встав рано поутру, взошел на гору Синай, как повелел ему Господь; и взял в руки свои две скрижали каменные.

8. Моисей тотчас пал на землю и поклонился [Богу]

9. и сказал: если я приобрел благоволение в очах Твоих, Владыка, то да пойдет Владыка среди нас; ибо народ сей жестоковыен; прости беззакония наши и грехи наши и сделай нас наследием Твоим...

27. И сказал Господь Моисею: напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем.

28. И пребыл там [Моисей] у Господа сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил; и написал [Моисей] на скрижалях слова завета, десятословие.

Здесь же можем привести то, как некоторые события были записаны во Второзаконии:

Второзаконие, 6: 1. Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали [так] в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею;

2. дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые [сегодня] заповедую тебе, соблюдал ты и сыны твои и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои.

6. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём [и в душе твоей];

7. и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая;

8: 2. И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет;

9: 9. когда я взошел на гору, чтобы принять скрижали каменные, скрижали завета, который поставил Господь с вами, и пребыл на горе сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил,

10. и дал мне Господь две скрижали каменные, написанные перстом Божиим, а на них [написаны были] все слова, которые изрек вам Господь на горе из среды огня в день собрания.

15. Я обратился и пошел с горы, гора же горела огнем; две скрижали завета были в обеих руках моих;

16. и видел я, что вы согрешили против Господа, Бога вашего, сделали себе литого тельца, скоро уклонились от пути, которого [держаться] заповедал вам Господь;

17. и взял я обе скрижали, и бросил их из обеих рук своих, и разбил их пред глазами вашими.

10: 1. В то время сказал мне Господь: вытети себе две скрижали каменные, подобные первым, и взойди ко Мне на гору, и сделай себе деревянный ковчег;

2. и Я напишу на скрижалях те слова, которые были на прежних скрижалях, которые ты разбил; и положи их в ковчег.

3. И сделал я ковчег из дерева ситтим, и вытесал две каменные скрижали, как прежние, и пошел на гору; и две сии скрижали были в руках моих.

4. И написал Он на скрижалях, как написано было прежде, те десять слов, которые изрек вам Господь на горе из среды огня в день собрания, и отдал их Господь мне.

5. И обратился я, и сошел с горы, и положил скрижали в ковчег, который я сделал, чтоб они там были, как повелел мне Господь.

Различия текста Книги «Исход» и Книги «Второзаконие» не имеют значения для нашего анализа. Моисей от имени Бога настаивал на том, что закон должен исполняться не из страха наказания, а должен быть «в сердце» и передаваться детям с раннего возраста не усилиями специально назначенных лиц, а родителями. Пятикнижие давало не только правовые нормы, но и полную систему правосознания, предусматривающую индивидуальное осознание важности правила «через сердце».

Условность библейских эпизодов, когда некоторые излагаются больше как притча, нежели чем описание реального события, а также конкретных дат, не требует долгих пояснений. «Любой факт, связанный с жизнью людей, будет для нас понятней, если нам уже известны другие факты подобного рода... В той мере, в какой изучение феноменов человеческой жизни осуществляется от более древнего к недавнему, они включаются, прежде всего, в цепь сходных феноменов. Классифицируя их по родам, мы обнажаем силовые линии огромного значения... человеческое время всегда будет сопротивляться строгому единообразию и делению на отрезки, которые свойственным часам... короче, мы делаем вид, будто можем согласно строгому, но произвольно выбранному равномерному ритму, распределять реальности, которым подобная размеренность совершенно чужда... Но не будем поклоняться идолу мнимой точности.

Самый точный отрезок времени – не обязательно тот, к которому мы прилагаем наименьшую единицу измерения, ... а тот, который более соответствует природе предмета. Ведь каждому типу явлений присуща своя, специфическая, так сказать, система исчисления. Преобразование социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки»¹⁸.

Древние тексты Ветхого Завета, в течение нескольких тысячелетий уверенно прошедшие испытания анализа десятков поколений десятков тысяч исследователей, должны рассматриваться отдельно от всех чисто религиозных идей в качестве важнейшего источника философско-правового знания. Мы не можем разорвать вопросы морали и права, когда говорим о философии права, и мы не можем разорвать современные правовые общепризнанные нормы и их исторические религиозные корни. Ведь тогда мы разрываем дух закона и сам закон. Кроме того, выбитые на камне тексты законов «Скрижали Завета» были поставлены Моисеем в священный центр всех храмовых богослужений как высшая духовная ценность народа, что само по себе является позицией философии права. Именно Моисей впервые в истории человечества сформулировал конституционную идею ограничения законом монархической власти.

Библия говорит о восстании и уходе из Египта большой массы рабов, которые стремились создать в другом месте свое собственное государство, и, в связи с этим, обсуждали вопросы законов, которые они должны принять и строго соблюдать как до создания такого государства, так и при его правовой организации. Изложенные тогда правовые нормы стали основами морали и права сначала западного, а затем (через нормы ООН и других между-

¹⁸ Марк Блок. «Апология истории». М., 1973. С. 80-81, 98-99, 101

народных договоров) и всего современного мирового сообщества. Запрет убийства и воровства, гуманное отношение к рабам, включая захваченных в плен женщин, соблюдение правил уважения к старшим, защита частной собственности, непримиримость к коррупции, уважение к судьям, судебные правила по отношению к свидетелям для предотвращения оговора невинного, ограничение царской власти размерами возможных сборов, а также запрет на излишнее обогащение царей, обязанность последних соблюдать законы и подчиняться их требованиям, равенство всех перед законом, а также гуманное обращение с животными – вот далеко не полный перечень правовых норм, записанных и представленных Моисеем, который прежде окончательного принятия их людьми, добился от них предварительного согласия. При этом условием принятия и соблюдения законов было признание их высшей божественной и духовной ценностью и поклонение этим текстам, хранящимся в наиболее священных местах передвижного храма для молитвы.

Чего стоит только такое указание судье: «Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (23: 2). Ведь на такой правовой и моральной «беспартийной» норме должен стоять независимый суд в любой современной демократической стране. Какой знакомой может показаться норма из Книги «Левит»: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего своего, как самого себя» (9: 18). Или предписание исполнять законы не из страха наказания, не слепо, а осознанно, через душу и сердце, «ибо в этом мудрость ваша и разум ваш», чтобы дела по соблюдению этих законов «не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей» (Второзаконие, 4: 6, 9).

Права человека на жизнь, сохранность имущества, защиту от лжесвидетельства, уважение в старости, а также еженедельный отдых носят ясный конституционный

характер. Неиспользование в учебных курсах российских юридических вузов библейского текста привело к тому, что каждый студент знает (хотя бы понаслышке) Кодекс Хаммурапи, но совершенно не знаком с библейскими правовыми, в том числе и конституционно-правовыми ценностями. Изучение «Кодекса Моисея» должно войти в учебные программы. Без знания того, что из Библии берут прямое начало конституционные принципы свободы, прав человека, ограничения самодержавия, независимости суда, разделения властей, современный юрист и философ будут не только ограничены в своих исторических познаниях, но и просто не поймут самой сути современной философии права.

Из книги «Второзаконие» (1: 16, 17) Ветхого Завета мы узнаем напутствия Моисея, данные судьям:

«И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо как брата с братом, так и пришельца его. Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого; ибо суд – дело Божье; а дело, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его». И далее в главе 19:

19: 15. Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит: при словах двух свидетелей или при словах трех свидетелей состоит дело.

16. Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении,

17. то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни;

18. Судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего,

19. *то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя;*

20. *и прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя;*

21. *Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу.*

Бывший иезуит Джек Майлс, получивший Пулитцеровскую премию за книгу «Биография Бога», отметил, что Моисей был осторожно нейтральным по отношению к институту монархии¹⁹. Он допускал введение монархии только через избрание царя, исключая избрание чужеземца в качестве израильского монарха. И здесь мы видим отсылку Моисея к той «Библейской Конституции», которую написал через несколько веков после него пророк и судья Самуил.

Второзаконие, 17: 15. ...поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе.

16. *Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней, ибо Господь сказал вам: «Не возвращайтесь более путем сим»;*

17. *и чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно.*

18. *Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов,*

19. *И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии;*

¹⁹Miles J. *God. A Biography*. N.Y., 1996. P. 1, 167.

20. чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля.

То есть речь идет о такой выписке из священных текстов, которые относятся к обязанностям и правам монарха.

Доктрина английского «короля-философа» Джеймса Первого (называемого у нас Яковом), сына знаменитой Марии Стюарт (1556 – 1625) о божественном происхождении царской власти заложила правовую базу для европейской абсолютной монархии и основывалась на текстах Ветхого Завета. Король был знатоком библейских текстов и именно под его руководством был осуществлен систематический перевод Библии на английский язык. «Библия Короля Джеймса» и сейчас остается основным и чаще всего цитируемым библейским текстом на английском языке, издается десятками миллионов экземпляров и лежит во всех сотнях тысяч протестантских церквей англоязычного мира.

Но на текстах Библии было основано и опровергающее доктрину короля Джеймса о божественности царской власти учение авторитетного современника короля – испанского философа Франциско Суареса (1548 – 1617), называемого в западном мире родоначальником современной философии права. «Политический и правовой кризис абсолютизма начался с полемики о законности королевских прерогатив...»²⁰. Британский король Яков (Джеймс) Первый жег книги Суареса и сжег бы его самого, если бы тот попался в руки. Этому кесарю было неприятно напоминание, что изречение «кесарю кесарево» из Нового Завета серьезно обременено конкретными ветхозаветными ограничениями царской власти.

²⁰ И.А. Исаев, Цит. Раб. С. 57.

Игнорирование библейских правовых идей как истоков современной философии права не дает многим российским ученым юристам понять (и заодно объяснить своим студентам) суть и глубинную сущность важнейших правовых доктрин, а родоначальника современной философии права Франциско Суареса вообще не знают в нашей юридической науке. Кстати, пример Суареса показывает, как трудно во многих случаях отделить теологию от философии религии, а последнюю от философии права.

Идущее из Ветхого Завета противостояние божественного происхождения судебной власти якобы божественному происхождению царской власти до сих пор определяет (в том числе и в России) главный конституционный вопрос XXI века о подчинении исполнительной власти требованиям доктрины правового государства.

У итальянских комментаторов мы находим важную мысль, относящуюся к нашей теме: «В Ветхом Завете трагически преломляется напряженность в отношениях между Богом и человечеством. Бог призывает человека так, как будто нуждается в нем; требует его сотрудничества в осуществлении великих планов и ждет от него ответа. Человек не отвечает, восстает или отклоняется от правового пути; вместо великих и прекрасных дел творит безобразные или ничтожные. И тогда его постигает кара. Такова тема библейской праистории, странствия к земле обетованной, гимна Моисея, Книги Судей, личной истории Саула...»²¹.

По Ветхому Завету судьи были до царей, более того, деятельность судей по непрерывному осуществлению единого правосудия для разных племен, в сочетании с периодическими воинскими подвигами некоторых из них

²¹ Е. Гальбиати, А. Пиатца «Трудные страницы Библии», М., 1995, сс. 309, 228.

по сопротивлению внешнему врагу, на несколько веков отодвинула введение в древнем Израиле повсеместно распространенной в те времена монархической власти. Отсюда первичность судебной власти, ее независимость и самостоятельное значение перед лицом монархов.

Тысячелетиями божественное помазание королей и царей было идеологической опорой любого тиранического самодержавия. Корни чувства собственного превосходства у современной и вполне светской исполнительной власти идут, разумеется, отсюда же. Этот мистический нарциссизм монархов, президентов и правительств можно и должно развеять простым обращением к первоисточнику и буквальным прочтением Ветхого Завета.

Лучше всего идти через библейские холмы по тропе буквального чтения, лишь слегка опираясь на посох комментариев. Если же на каждом шагу обращаться к комментариям, зачастую разноречивым, невнятным, либо излишне категоричным, насыщенным отсылками к другим и еще другим комментаторам, то дорога к библейскому тексту превращается в труднопроходимую чащобу. Чтение Библии — это прямой диалог, в котором посредники не являются абсолютно необходимыми, особенно для Ветхого Завета, «концептуальной особенностью которого может быть названа сквозная и постоянная диалогичность»²².

«Основным источником для исследования Моисеева законодательства, конечно, прежде всего служат те книги Пятикнижия, которые по преимуществу заключают в себе изложение законов, именно книга Исход с XX главы и три остальные книги Моисея... Талмудическим определениям не всегда можно доверять безусловно и не всегда можно считать их твердо стоящими на почве древнего Моисеева закона... Они могли иначе толко-

²² Вейнберг И.П. «Рождение истории». М.: Наука, 1993. С. 314.

вать закон, могли не понимать его возвышенной цели и низводить на степень бездушного формализма...»²³.

Вручение царям законов в символической или сокращенной форме было действительно описанной в Ветхом Завете частью церемонии коронации²⁴. Обязанность царя ежедневно оглашать свиток с законами занимала бы многие часы, если реально выполнять предписание из Второзакония:

17 : 19. «пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии».

Поэтому оно относится, вероятнее всего, именно к тем фразам, которые предписывают ограничения монархии, что впоследствии превратилось в дополненную судьей Самуилом книгу о правах и обязанностях царей²⁵.

Современная философия права отчасти реализуется конституционализмом и международными нормами о правах человека, на что справедливо было обращено внимание на первой совместной конференции философов и юристов, прошедшей в Конституционном суде Российской Федерации в 2009 году²⁶.

Старейшая из известных миру писаных конституций была составлена судьей Самуилом на базе текста, завещанного во Второзаконии Моисеем, о чем в тексте Ветхого Завета имеется четкая запись: «И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу, и положил

²³ А.П. Лопухин, Цит. раб., сс. 19,20, 21.

²⁴ J.A. Thomson, *Deuteronomy. An Introduction and Commentary*, Inter-Varsity Press, Illinois, 1974, p. 206.

²⁵ Peter Barenboim, *Biblical Roots of Separation of Powers*, Moscow, 2005, p. 134.

²⁶ «Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики»; издание Московско-Петербургского философского клуба. Составители: Баренбойм П.Д., Захаров А.В. — М., 2010.

пред Господом» (Первая книга Царств, 10: 25). В английской канонической версии этот параграф отнесен к Первой книге Самуила, в иудейской версии – к Книге Самуила. В некоторых вариантах английской версии вместо слова «книга» иногда употребляют слово «свиток», что соответствует технике письма и практике того времени, поскольку и более близкие к нам по времени книги, вошедшие в Библию, записывались на свитках пергамента или кожи. Текст Конституции, составленной Самуилом, до нас не дошел, как не сохранились (либо не найдены до сих пор) и некоторые другие книги, упомянутые в Библии, как, например, Книга деяний царя Соломона, канувшая в Лету. Содержание первой в мире писаной конституции можно в значительной степени восстановить, используя другие части библейского текста, бесспорно относящиеся к содержанию этого бесценного для конституционалистов текста первого Основного Закона.

Попробуем строго по библейскому тексту реконструировать книгу Моисея-Самуила – первую писаную Конституцию Мира.

Как минимум первая конституция содержала следующие статьи, которые мы здесь приводим в цитатах из Ветхого Завета.

Второзаконие, 17: 15. ...поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе.

16. Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней, ибо Господь сказал вам: «Не возвращайтесь более путем сим»;

17. и чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно.

18. Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников левитов,

19. И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии;

20. чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля.

Первая книга Царств, 10: 25. И изложил Самуил народу права царства, и написал в книгу, и положил пред Господом.

12:13. Итак, вот царь, которого вы избрали, которого вы требовали: вот, Господь поставил над вами царя.

14. Если будете бояться Господа, и служить Ему, и слушать гласа Его, и не станете противиться повелениям Господа, то будете и вы и царь ваш, который царствует над вами, ходить вслед Господа, Бога вашего;

25. если же вы будете делать зло, то и вы и царь ваш погибнете.

Таков должен быть минимальный набор предписаний Конституции в свитке, написанном судьей Самуилом. Однако законодательство того времени, которое к моменту составления судьей Самуилом текста Конституции имелось уже в обобщенном и письменном виде, позволяет предположить, что в текст Конституции могли быть включены и другие нормы. В первую очередь, конечно, те из них, которые в современном звучании можно назвать Биллем о правах.

Второзаконие, 7: 11. Итак, соблюдай заповеди и постановления и законы, которые сегодня заповедуют тебе исполнять.

11: 19. И учите им сыновей своих, говоря о них, когда ты сидишь в доме твоём, и когда идешь дорогою, и когда ложишься и когда встаешь;

11: 20. и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих.

Исход, 22: 28. Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси.

Второзаконие, 1: 16. И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его;

1: 17. не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие; а дела, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его.

19. не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых;

Исход, 20: 13. Не убивай.

21: 12. Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти;

13. но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему пасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце;

14. а если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть.

Второзаконие, 17: 6. По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля;

7. рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среды себя.

8. Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судом и судом, между побоями и побоями, и будут несогласные мнения в воротах твоих, то встань и пойдешь на место, которое изберет Господь, Бог твой,

9. и приди к священникам левитам и к судье, который

будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить;

10. и поступи по слову, какое они скажут тебе, на том месте, которое изберет Господь, и постарайся исполнить все, чему они научат тебя;

19: 2. Тогда отдели себе три города среди земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе во владение;

4. И вот какой убийца может убежать туда и оставаться жив: кто убьет ближнего своего без намерения, не быв врагом ему вчера и третьего дня;

5. кто пойдет с ближним своим в лес рубить дрова, и размахнется рука его с топором, чтобы срубить дерево, и соскочит железо с топорница и попадет в ближнего, и он умрет, – такой пусть убежит в один из городов тех, чтоб остаться живым...

10. Дабы не проливалась кровь невинного среди земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел, и чтобы не было на тебе вины крови.

11. Но если кто будет врагом ближнему своему и будет подстерегать его, и восстанет на него и убьет его до смерти, и убежит в один из городов тех,

12. то старейшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда и предать его в руки мстителю за кровь, чтобы он умер;

13. да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо.

Исход, 20: 12. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

21: 15. Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

17. Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

20: 17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены

ближнего твоего, ни ради его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Исход, 20: 14. Не прелюбодействуй.

Второзаконие, 21: 11. И увидишь между пленными женщиною, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жену,

12. то приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою и обрежет ногти свои,

13. и снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём, и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем, и она будет твоею женою;

14. если же она после не понравится тебе, то отпусти ее, куда она захочет, но не продавай ее за серебро и не обращай ее в рабство, потому что ты смирил ее.

Исход, 21: 20. А если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан;

26. Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз.

27. И если выбьет зуб рабу своему, или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.

20: 16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Второзаконие, 19: 15. Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине, и в каком-нибудь преступлении, и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит: при словах двух свидетелей или при словах трех свидетелей состоится дело.

16. Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении,

17. то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни;

18. судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего,

19. то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя;

Можно ли восстановить по книгам Ветхого Завета содержание свитка судьи Самуила – Первой Конституции Мира? Никто не может ответить на данный вопрос с какой-либо определенностью. Может быть, эта книга еще будет найдена, как не так давно были найдены Свитки Мертвого моря, содержащие записи библейских текстов. И все же мы можем сказать, что конституционный текст Моисея – Самуила не сгорел в огне мировых пожаров последних трех тысячелетий и продолжает диалог с нашими современниками.

Поэтому хочется к пронзительно-верному, но слишком задорному булгаковскому «рукописи не горят» добавить достигающие библейского совершенства строки Иосифа Бродского:

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острое и усеченный волос –
Бог сохраняет все: особенно – слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.
В них бьется рваный пульс
в них слышен костный хруст,
и заступ в них стучит. Ровны и глуховаты,
затем что жизнь – одна, они из смертных уст
звучат отчетливей, чем из надмирной ваты.*

Моральные законы или правовая мораль – то есть правовые нормы, соответствующие высшей морали, исполняемые добровольно и «воспринимаемые сердцем», являются высшим проявлением философии права, достигнутым в самом ее начале при Моисее, при этом они все еще так далеки от реального

осуществления в жизни. «Здесь мы находим окончательный вызов Моисея человечеству, тогда и сейчас. Мы призваны услышать и принять, и искать в наших сердцах... Реальные мужчины и женщины, все мы знаем из нашего личного опыта как невероятно трудно идти по пути, который указывают Бог и Моисей... который остается правдолюбом, отказывающимся признать наше стремление к излишнему комфорту и самолюбванию... и требующим, чтобы мы сами делали правильный выбор».²⁷ Речь идет о самостоятельном выборе сердцем между добром и злом в рамках правовой морали, к чему, скорее всего, человечество будет идти еще не одно тысячелетие, обеспечивая долгожительство правовой философии Моисея и память о нем, как первом философе права.

²⁷ Jonathan Kirsch, *Op. cit.*, 365, 366.

Петр Баренбойм,
Сергей Шиян (1961 – 2016)

МОИСЕЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ БОГА

Пусть тот, кто отрицает гений, кто не знает, что это такое, вспомнит Микеланджело.

Ромен Роллан

Скульптурные работы Микеланджело находятся всего в пяти странах мира, причем все главные – в Италии. Их ни на какую выставку, как и роспись Сикстинской капеллы, не вывезешь. Никакая киносъемка не отразит ауру пустой Новой Сакристии Капеллы Медичи во Флоренции и пространства около статуи Моисея в римской церкви Сан Пиетро ин Винколи. Знаменитый кинорежиссер Микеланджело Антониони пытался в 15-минутном очень личном фильме показать магнетизм статуи Моисея и пространства около нее и, вздохнув, ушел, поглажив колено статуи. А интерес к Микеланджело только нарастает. На фоне все большего количества людей со всего света, увидевших Капеллу и Давида во Флоренции, Сикстину и Моисея в Риме, увеличивается и число исследователей, прикасающихся к его творчеству. Только на английском языке к 1970 году опубликовано 4300 книг и статей. Приведший эту статистику Уильям Уоллес написал, что за последующие три декады таких публикаций

появились многие сотни. XX век завершился, а XXI век продолжился непрерывным ростом «индустрии исследований Микеланджело», по выражению Уоллеса¹.

Божественный. Гениальный. Титан. Никто из современников Микеланджело не достиг такой степени признания в истории, если говорить и о научном, и о массовом знании. Ни Лоренцо Великолепный в политике, ни Плотин (основатель неоплатонизма), ни Фичино или Полициано (которых он якобы иллюстрировал) в философии. У философов похожее громкое имя во всемирной истории есть только у Платона, Аристотеля, может быть, Конфуция и Канта. Практически ни у кого, кроме Леонардо, – в искусстве. Из современников Микеланджело в научном и массовом историческом узнавании к нему приближаются флорентиец Макиавелли и лондонец Томас Мор. Но только приближаются. Еще Лютер.

Как он этого достиг? Секретом полировки мрамора? Нет! Силой мысли, их новаторством и необычностью! И не «текстуальностью» своих мыслей, а визуализацией бушевавших в нем идей и чувств, воплотившихся в его произведениях, а также визуализацией, как бы дополнением, библейских сюжетов, «оживлением Библии», где статуя Моисея и фрески Сикстинской Капеллы – на первом месте.

Многие думают, что скульптор создает для них статую как украшение, декоративный элемент бытия (что зачастую правда), но иногда забывают, что великий скульптор творит для себя, выражает себя, свои мысли и идеи. «Знайте же, что искусство есть средство, с помощью которого человек – одинокий человек – может достичь полноты... Знайте же, что мастер творит для себя – только для себя самого... Мастер, в сущности, может

¹ *Michelangelo: Selected Readings*, edited by William E. Wallace, New York, 1999, p. VIII.

воздействовать на широкую публику лишь посредством своей личности...».²

Поэтому интерпретация смысла великого произведения должна идти от всех возможных смыслов, которые вложил в это произведение его создатель.

1. Библия, Фрейд и правила интерпретации великих произведений

Зигмунд Фрейд неоднократно в Риме приходил к статуе Моисея в соборе Сан Пиетро ин Винколи (Церковь Святого Петра в цепях), как будто совершал паломничество, а затем описал свое восприятие в небольшой работе «Моисей» Микеланджело», изданной им сначала анонимно в 1914 году.

Фрейд в своей книжке, как он сам пишет, применяет методы психоанализа великого таинства восприятия зрителем произведения искусства, перед которым тот порой буквально цепенеет и не может отойти, а при возможности приходит снова и снова. Между зрителем и скульптурой порой возникает незримая взаимосвязь, некое духовное поле высокого напряжения. Сам Фрейд так пишет об этом:

«Хочу сразу же оговориться, что я не большой знаток искусства, скорее дилетант. Часто я замечал, что содержание художественного произведения притягивает меня сильнее, чем его формальные и технические качества, которым сам художник придает первостепенное значение. Для оценки многочисленных средств и некоторых воздействий искусства мне, собственно, недостает правильного понимания. Я должен сказать это, чтобы обеспечить себе снисходительность читателя в оценке предпринятого в данной работе опыта анализа. И все

² Райнер Мария Рильке. «Флорентийский дневник». М., 2001, сс. 29–30, 102.

же произведения искусства оказывают на меня сильное воздействие, в особенности литература и скульптура, в меньшей степени живопись. Я склонен, когда это уместно, долго пребывать перед ними и намерен понимать их по-своему, то есть постигать, почему они в первую очередь впечатлили меня. Там, где мне это не удастся, например в музыке, я почти не способен испытывать наслаждение. Рационалистическая или, быть может, аналитическая склонность во мне противится тому, чтобы я был захвачен художественным произведением и не создавал, почему я захвачен и что меня захватило...

При этом я обратил внимание на кажущийся парадоксальным факт, что именно некоторые из величайших, потрясающих творений и остаются темными для нашего сознания. Они вызывают восхищение, перед ними чувствуешь себя поверженным и при этом не ведаешь, в чем же состоит их притягательная сила. Я не настолько осведомлен в данной области, чтобы знать, заметил ли кто-нибудь, кроме меня, эту особенность и не утверждалось ли ранее каким-либо специалистом по эстетике, что именно эта беспомощность нашего сознания и обуславливает наивысшую степень воздействия творений искусства на человека. Я с трудом допускаю необходимость такого условия. И не потому, что у знатоков или любителей искусства могло не найтись соответствующих слов, чтобы восславить такое произведение искусства. У них таких слов более чем достаточно. Но, как правило, перед таким шедевром мастерства каждый из них говорит что-то свое, и, уж конечно, никто из них не поможет простому смертному постичь тайну этого шедевра. По моему глубокому убеждению, в наибольшей степени нас захватывает лишь замысел художника, насколько ему удалось воплотить его в произведении и насколько он может быть понят нами. И понят не только рациональным путем; мы

должны вновь почувствовать те аффекты художника, особое состояние его психики, то, что стимулировало его к творческому акту и вновь воспроизводится в нас. Но разве нельзя разгадать замысел художника, облечь его в слова, как, например, другие факты душевной жизни? Может быть, великие творения искусства и не нуждаются в специальном анализе? И все же произведение должно допускать такой анализ, коль скоро оно является воздействующим на нас выражением намерений и душевных движений художника. А чтобы понять замысел, необходимо в первую очередь выявить смысл и содержание того, что изображается в произведении искусства, то есть истолковать его. Таким образом, я допускаю, что такое произведение нуждается в анализе, и лишь после этого становится понятным, почему я испытываю столь сильное впечатление. Я также надеюсь, что аналитическая работа не ослабит нашего впечатления, получаемого от творения искусства...»

Великий кинорежиссер Микеланджело Антониони, взорвавший кинематограф 20-го века своим фильмом *Blow Up*, в возрасте 92 лет записал свое паломничество к статуе Моисея на пленку в 15-минутном документальном фильме *Lo sguardo di Michelangelo* (2014). Он гладил мрамор статуи своей левой непарализованной рукой, как бы пытаясь не то впитать ее духовную энергетику, не то что-то сказать своим прикосновением статуе или ее творцу. (Говорить тогда он не мог уже 20 лет после упомянутого инсульта). В этой творческой пантомиме как бы подчеркнута невозможность словесного выражения восторга, трепета, сопричастности, испытываемых человеком перед великим произведением Микеланджело. Эта короткометражка стала знаменитой и мы советуем читателю посмотреть ее в Интернете, чтобы иметь возможность разглядеть мрамор статуи с расстояния в несколько сантиметров, а главное — даже на рас-

стоянии прикоснуться и самому, с помощью Антониони, к духовной мощи этого необыкновенного произведения.

Хотя мы помещаем свои иллюстрации в этой книге, все же приведем и несколько описаний статуи. Современник и биограф Микеланджело Кондиви писал: «Моисей, князь и предводитель иудеев, сидит в позе задумавшегося мудреца, в правой руке он держит скрижали, а левой подпирает подбородок, как и всякий усталый, полный забот человек». Это описание не соответствует изображённой Микеланджело фигуре, так как левая рука подбородок не подпирает.

Другой биограф и тоже современник Джорджио Вазари пишет:

Он закончил мраморного Моисея высотой в пять локтей, и со статуей этой не может по красоте сравниться ни одна из современных работ: он сидит в величественнейшей позе, опираясь локтем на скрижали, которые придерживает одной рукой, другой же он держит ниспадающую прядями длинную бороду, выполненную из мрамора так, что волоски, представляющие собою трудность в скульптуре, тончайшим образом изображены пушистыми, мягкими и расчёсанными, будто совершилось невозможное и резец стал кистью. И помимо красоты лица, имеющего поистине вид настоящего святого и грознейшего владыки, хочется, когда на негомотришь, скрыть покрывалом это лицо, столь сияющее и столь лучезарное для всякого, кто на него смотрит; так прекрасно передал Микеланджело в мраморе всю божественность, вложенную Господом в его святейший лик; не говоря уж о том, как прорезана и отделана одежда, ложающаяся красивейшими складками, и до какой красоты и до какого совершенства доведены руки с мышцами и кисти рук с их костями и жилами и точно так же ноги, колени и стопы в особой обуви, что Моисей теперь может быть назван другом Бога, еще с большим основанием, чем

раньше, поскольку Бог позволил руке Микеланджело возродить его тело для обозрения людям. Евреи группами до сих пор приходят каждую субботу и рассматривают статую как творение божества, а не человека.

Обратим пока мельком внимание на то, что Вазари уверенно говорит о библейском моменте, когда лицо Моисея после встречи с Богом сияло и его «хотелось скрыть покрывалом».

Еще описание Фрейда:

Микеланджело изобразил Моисея сидящим, с устремленным вперед туловищем, обращенной влево головой и мощной бородой. Правая его нога твердо стоит на земле, левую ногу он держит так, что она лишь пальцами соприкасается с землей, правой рукой он придерживает скривали и часть бороды, а левая рука покоится на коленях.

Но рука Моисея, как легко убедится читатель, взглянув на иллюстрации, «на коленях не покоится». Кондивви, который описал левую руку, как подпирающую подбородок, был учеником Микеланджело в период с 1945 по 1954 годы, то есть имел возможность видеть уже уставленную в церкви статую. Фрейд провел перед ней многие часы, складывающиеся в не одни сутки...

Статуя Моисея первоначально предполагалась для установки на высоте примерно 4 метра (а с учетом собственной высоты скульптуры ее голова находилась бы на высоте около 6 метров) в скульптурном ансамбле из 40 статуй мраморного мавзолея папы Юлия Второго, который именно для этого начал строительство нового собора Святого Петра на территории нынешнего государства Ватикан. После различных изменений первоначального замысла гробница Юлия установлена в 1545 году в церкви Святого Петра в цепях на холме недалеко от Колизея, а прах самого папы, умершего в 1513, скромно захоронен в ватиканском соборе Святого Петра.

В гробнице Моисей уже является центральной статуей, установленной на высоте около полуметра.

Нам хотелось бы использовать анализ Зигмунда Фрейда, не только потому, что он самый знаменитый из всех исследовавших эту статую, но, в первую очередь, потому, что он является просвещенным любителем и его пример поощряет попытки проникновения в суть искусства каждого человека, которого глубоко затрагивают произведения живописи и скульптуры. Достижения анализа Фрейда и даже его ошибки позволяют лучше понять процесс взаимодействия человека с искусством на примере творения Микеланджело. Кроме того, почти всеобщее заблуждение в интерпретации скульптуры Моисея при определении отраженного в ней библейского момента, которое преобладало 100 лет назад во времена Фрейда, господствует и сейчас, и серьезно мешает пониманию грандиозности замысла Микеланджело.

Сначала попробуем здесь сформулировать некую, как нам кажется, общепринятую методологию анализа любого великого произведения. Хотя может быть здесь правильной подход Германа Мелвилла: «Есть предметы, разобраться в которых можно, только принявшись за дело с методической беспорядочностью». Так Фрейд и поступил в своем взволнованном анализе. Он пишет:

Всякий раз, читая о статуе Моисея такие слова, как: «Это вершина современной скульптуры» (Герман Гримм), я испытываю радость. Ведь более сильного впечатления я не испытывал ни от одного другого произведения. Как часто поднимался я по крутой лестнице с неброской улицы Кавур к безлюдной площади, на которой затерялась заброшенная церковь, сколько раз пытался выдержать презрительно-гневный взгляд героя! Украдкой выскальзывал я иногда из полутьмы внутреннего помещения, чувствуя себя частью того сброда, на который устремлен его взгляд, сброда, который

не может отстоять свои убеждения, не желая ждать и доверять, и который возликовал, лишь вновь обретя иллюзию золотого тельца».

Но ведь очевидно, что взгляд Моисея ни с нынешней (около 3 метров), ни с планируемой при создании статуи высоты (6 метров), ни даже, если бы она стояла без возвышения (2 метра 35 сантиметров), не смотрит вниз на зрителя, а устремлен куда-то выше уровня головы статуи. А по Библии пляшущие у тельца иудеи находились ниже уровня Моисея, спускавшегося с горы Синай.

Отметим это обстоятельство и, так как мы обычно предпочитаем подниматься к Моисею не резко по крутой и длинной лестнице с улицы Кавур, а спокойно по более полого идущим улицам, начинающимся дальше от Фора Имперiale, попытаемся предложить возможные условия исследования смыслов этой скульптуры.

Здесь, по нашему мнению, могут быть применены четыре правила.

Назовем первое правило «Правилom Микеланджело».

Второе правило требует понимания личных целей, задач и устремлений автора произведения, которые он вложил или пытался вложить в свое творение.

Третье правило предписывает анализ общепринятого на момент создания произведения исторического или религиозного содержания рассматриваемого сюжета.

Четвертое правило указывает на необходимость иконографии такого же сюжета в доступных мастеру (500 лет назад не было фотоальбомов, Интернета, а также возможности быстро и неограниченно путешествовать) произведениях других признаваемых им (важно в случае Микеланджело) мастеров его и предшествующего времени.

Начнем с третьего правила об общепринятом на момент создания скульптуры Моисея содержании библейских сюжетов. Моисею в Библии посвящены сотни

страниц, поэтому для правильного определения библейского момента изображенного статуей у нас есть Скрижали Завета – две каменные таблицы с записью законов и... рога на голове. Это сразу сужает масштаб поиска. Таблицы были получены Моисеем от Бога на горе Синай, принесены вниз и разбиты при виде отступничества евреев, которые плясали вокруг изображения золотого тельца как своего бога. После расправы над зачинщиками Моисей снова поднялся на гору и принес оттуда вторую пару таблиц, которые уже поместили в специальную шкатулку и поклонялись им как символу божества.

Рога у Моисея появились из-за неправильного перевода на латинский Ветхого Завета, где говорится о свечении от головы Моисея после второго возвращения со второй парой таблиц. Это первый из известных световых нимбов вокруг головы святого в иудейско-христианской религии. Появился же этот нимб после того, как Моисею было позволено взглянуть сзади на прошедшего мимо него Бога.

Исход 33:

18 Моисей сказал: «Покажи мне славу Твою».

19 И сказал Господь Моисею: «Я проведу перед тобой всю славу Мою и провозглашу имя Господа пред тобою, и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею».

20 И потом сказал Он: «Лица Моего нельзя тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых».

21 И сказал Господь: «Вот место у Меня – стань на этой скале;

22 когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

23 и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо тебе».

Книга «Исход» 34:

29 Когда сходил Моисей с горы Синай, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами оттого, что Бог говорил с ним.

30 И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лицо его сияет, и боялись подойти к нему.

31 И призвал их Моисей, и пришли к нему Аарон и все начальники общества, и разговаривал Моисей с ними.

32 После этого приблизились все сыны Израилевы, и он заповедал им все, что говорил ему Господь на горе Синай.

33 И когда Моисей перестал разговаривать с ними, то положил на лицо свое покрывало.

34 Когда же входил Моисей пред лицо Господа, чтобы говорить с Ним, тогда снимал покрывало, доколе не выходил; а выйдя, пересказывал сынам Израилевым все, что заповедано было.

35 И видели сыны Израилевы, что сияет лицо Моисея, и Моисей опять полагал покрывало на лицо свое, доколе не входил говорить с Ним.

В греческой и, соответственно, русской Библии этой ошибки никогда не было и не было никаких рогов. Но Микеланджело и все католики жили тогда по Вульгате – латинской Библии, в которой ошибка еще не была исправлена. Кстати, если бы статуя Моисея была бы установлена на высоте 4 метра, как первоначально было задумано, то рогов снизу не было бы видно. Наш простой анализ на основе третьего правила интерпретации показывает, что библейский момент, изображенный Микеланджело, относится к периоду после получения вторых каменных таблиц и до помещения их во временный переносной шатровый храм. Именно об этом писал Вазари в вышеприведенной цитате из прижизненной биографии Микеланджело.

Теперь применим четвертое правило об изображении похожих сюжетов мастерами, признаваемыми Микеланджело, того же и предшествующего времени.

«27 октября 1480 года Боттичелли, вместе с другими флорентийскими художниками, Доменико Гирландайо и Козимо Росселли, приехал в Рим, куда они были приглашены для участия в проекте по примирению между Лоренцо Медичи Великолепным, фактическим правителем Флорентийской республики и папой Сикстом IV. Весной 1481 года флорентийцы приступили к работе в Сикстинской Капелле вместе с Пьетро Перуджино, который начал работу ранее. Темой росписи стала параллель между историями Моисея и Иисуса Христа, как символ преемственности между Ветхим и Новым Заветами. Боттичелли, при участии помощников, украсил стены капеллы тремя фресками. Кроме того, он, по поручению папы, осуществлял общее руководство работами и в некотором роде определил идеологию всего цикла росписей.

На переднем плане фрески Козимо Россели Моисей приносит скрижали в лагерь евреев. На заднем плане изображён алтарь с золотым тельцом и толпой вокруг него. Моисей, придя в ярость, разбивает скрижали³.

Левая сторона этой же фрески Россели отражает и последовавший далее эпизод вручения библейскому народу вторых скрижалей. Это показывают сияющие рога головы Моисея, появившееся после получения вторых скрижалей. То есть на одной и той же фреске подчеркивается разделение: при разбивании первых таблиц и до этого рогов нет, после получения вторых таблиц они появляются. На всех фресках Боттичелли и других художников, расписавших стены Сикстинской Капеллы, наличие или отсутствие рогов соблюдается точно также: до и после получения вторых таблиц.

³ Википедия

Микеланджело провел 4 года в Сикстине, расписывая потолок, и поэтому хорошо мог рассмотреть фрески и наличие рогов, не говоря о том, что он хорошо знал Ветхий Завет. Сам Микеланджело, готовящийся к изготовлению статуи Моисея, этого героя Ветхого Завета в собственных фресках на потолке не изобразил, хотя там есть ветхозаветная сцена «Медного змия», происшедшая при Моисее.

Итак применение третьего и четвертого правила дали ясные подходы для последующего анализа. К сожалению, к анализу скульптуры Моисея они почти никем не применялись, что можно посмотреть «по Фрейду», который пишет:

Однако почему я называю эту статую загадочной? Ведь ни у кого не возникает ни малейшего сомнения, что изображенный — это Моисей, законоположник иудеев, держащий в руке скрижали со священными заповедями. Сомнения начинаются дальше. Еще совсем недавно (в 1912 г.) писатель Макс Зауерландт отметил: «Ни о каком другом произведении мирового искусства не было высказано таких противоречивых мнений, как об этом Моисее с головой Пана. Даже несложный анализ фигуры вызывает крайние точки зрения...» На основании сопоставления различных исследований, опубликованных пять лет тому назад, я изложу, какие сомнения вызывает анализ фигуры Моисея. Нетрудно будет показать, что за ними скрывается самое существенное для понимания этого произведения...

Если не совпадают описания, то не стоит удивляться, что различные точки зрения представлены и в толковании отдельных деталей фигуры. Мне кажется, что никому не удастся более точно охарактеризовать выражение лица Моисея, чем это сделал Тоде, увидевший в нем «сочетание гнева, боли и презрения», «гнева в угрожающе сдвинутых бровях, боли, затаенной во взгляде,

презрения в выпяченной вперед нижней губе и опущенных вниз уголках рта». Другие исследователи, по-видимому, смотрят на статую другими глазами. ...Любке считает: «Напрасно искать следы высокого интеллекта в чертах его лица, ничего, кроме чудовищного гнева и всепронизывающей энергии, не запечатлелось на высоком его челе». Еще более крайняя точка зрения в толковании выражения лица Моисея представлена у Гийома (1875 г.), который не находит в нем следов возбуждения, а видит «лишь гордую простоту, одухотворенное достоинство, энергию веры. Взгляд Моисея устремлен в будущее, он как бы видит наперед долгий путь, которым суждено пройти его народу, незаблещенность дарованных им законов». У Мюнцта взгляд Моисея также «высоко устремлен над родом человеческим; он направлен на таинства, ведомые лишь ему одному». У Штейнманна, напротив, Моисей «не застывший в мраморе законоположник, не грозный противник греха, вооруженный праведным гневом Иеговы (бога Яхве), а неподвластный законам времени, царственно-величавый жрец, который, с отблеском вечности на челе, пророчествуя и благословляя, навсегда прощается со своим народом»...

Но вот возникает еще один вопрос, с легкостью подчиняющий себе всю неопределенность предшествующих трактовок. Хотел ли Микеланджело воплотить в герое «вневременные характер и настроение», или, наоборот, он стремился изобразить Моисея в определенный, очень важный момент его жизни? Большинство авторов склоняется к последнему...

Як. Буркхардт: «Моисей изображен, по-видимому, в тот момент, когда он видит свой пляшущий вокруг золотого тельца народ и хочет вскочить с места. В облике его ощущается готовность к стремительному движению, которое, учитывая его физическую мощь, любого может повергнуть в трепет».

В. Любке: «Внутреннее движение с такой неустойчивой силой пронизывает все его существо, как будто его сверкающий гневом взгляд только что остановился на толпе богоотступников. Потрясенный, правой рукой он схватился за свою великолепную, волнами ниспадающую вниз бороду, как будто этим движением хочет хотя бы еще на мгновение сохранить самообладание, чтобы потом еще более неустойчиво обрушить на неверных свой праведный гнев»...

Некоторые авторы, хотя прямо и не вводят сцену с золотым тельцом в спектр своего анализа, однако сходятся с этой точкой зрения в том существенном пункте, что Моисей действительно готов вскочить и перейти к действию...

Хит Уилсон пишет: «Внимание его чем-то возбуждено, он готов вскочить, но еще колеблется. Взгляд его, сочетающий в себе негодование и презрение, еще может выражать сострадание»...

Сходную мысль мы находим у Фритца Кнаппа, однако в его трактовке мы не обнаружим высказанных сомнений по поводу исходной ситуации, к тому же он более конкретно анализирует движение скрижалей. «Его (Моисея), который только что оставался наедине с самим Богом, внезапно отвлекли земные звуки. Он слышит шум; крики и песнопения пляшущего хора вырывают его из состояния погруженности в себя. Взглядом, поворотом головы он обращен в сторону, откуда доносится шум. Ужас, гнев, фурии диких страстей пронзают в этот момент его гигантскую фигуру. Скрижали начинают скользить вниз, они упадут наземь и разобьются в тот момент, когда Моисей неустойчивым движением поднимется с места, чтобы гневно бросить в предательскую толпу громоподобные слова... Мы видим его в момент наивысшего напряжения всех его сил...»

Не будем отрицать, попытки толкования Юсти

и Кнаппа чрезвычайно привлекательны. В первую очередь это обусловлено тем обстоятельством, что они не ограничиваются описанием общего впечатления от фигуры Моисея, а содержат оценку отдельных деталей, которые обычно не попадают в поле зрения исследователей, захваченных и ошеломленных целостным воздействием скульптуры. Решительный поворот головы при застывшей в прежней позе фигуре, обращенный в сторону взгляд позволяют предположить, что там находится нечто такое, что приковывает к себе взгляд сидящего. Положение приподнятой над землей ноги может быть истолковано только желанием моментально подняться, а чрезвычайно странное место, где очутились скрижали, которые настолько священны, что не должны располагаться в пространстве, как любые другие аксессуары, наводит на мысль, что вследствие возбужденного состояния Моисея они должны соскользнуть вниз и упасть на землю. Таким образом, становится ясным, что статуя Моисея изображает поворотный момент его жизни, который невозможно не заметить...»

Итак, этот Моисей не сорвется с места, он должен застыть в позе спокойного величия, как и другие фигуры, как и планируемая, хотя и не изваянная, фигура самого Папы. Но в этом случае Моисей, которого мы видим, не может быть охваченным гневом мужчиной, который, спускаясь с Синая и видя богоотступничество своего народа, разбивает священные скрижали. И в самом деле, я вспоминаю о том разочаровании, когда я, посещая ранее церковь Святого Петра ин Винколе, садился возле статуи и напряженно ждал, когда фигура стремительно взмоет вверх, швырнет скрижали наземь и разразится неустойчивой яростью. Однако ничего подобного ни разу не случилось; наоборот, казалось, фигура еще более окаменела; от Моисея исходила такая мощная волна священного покоя, что я невольно начинал чувствовать — это

изображение останется незабываемым, этот Моисей так и застынет в веках в своем праведном гневе.

Мы с удовлетворением отмечаем, что многие часы, проведенные Фрейдом около статуи, дали свои результаты и позволили почти преодолеть распространенную среди специалистов его времени точку зрения. Возможно, его созерцание статуи было более продолжительным и интенсивным, чем у некоторых специалистов, которым нужно было осматривать и описывать и другие достопримечательности Рима. (Как писал Илья Эренбург, произведения искусства раскрываются от жара наших глаз).

Вот только не было тогда хороших фотографий лица скульптуры и маленький Фрейд не мог рассмотреть взгляд статуи, устремленный вверх больше чем на метр выше его роста. Поэтому он остался в стереотипе гневного и презрительного взгляда. (Невольной заслугой Фрейда в интерпретации скульптуры Моисея является то, что идущие по следам своего патриарха психоаналитики, анализирующие уже его фобии – «комплекс Моисея», кажется, первыми и в психоаналитическом журнале выдвинули близкую к правде версию, что Моисей изображен в момент, когда после получения вторых таблиц, он единственный из людей физически увидел Бога, как это описано в Ветхом Завете)⁴.

Не применив (как и почти все цитируемые им специалисты) третье и четвертое правило интерпретации, не дочитав, забыв, не придав значение последующему после разбивания таблиц развитию библейских событий, Фрейд начал откровенно фантазировать, приписывая Микеланджело изменение содержания Ветхого Завета.

⁴ Macmillan, Malcolm; Swales, Pete (2003), *Observations from the refuse-heap: Freud, Michelangelo's Moses, and psychoanalysis*, American Imago, Johns Hopkins University Press, 60 (1): p. 41–104.

Якобы скульптор решил улучшить Библию и показал Моисея, передумавшего разбивать таблицы. То есть Фрейд сам в другой своей работе посвященной библейскому Моисею⁵, переписал Библию, придумав, что Моисей был египтянином, который был убит, а вместо него через десятилетия выступил другой человек под этим же именем и т.д.

Фрейд считал себя самого «Моисеем», переписывающим мировую библейскую историю и уважительно предоставил такую же роль Микеланджело, который явно в ней не нуждается. Мастер «писал и дополнял» библейский текст, когда он визуализировал его в своих творениях. Этим он внес важные новые трактовки в понимания содержания различных моментов, а главное, – концепций Библии. «Теолог Микеланджело» гордо называется книга тонкого знатока Ренессанса и известного богослова монсеньора Тимоти Вердона⁶. Грозовой дух Микеланджело Буонаротти почти пять веков напоминает и диктует библейские истины папам и кардиналам с его фресок в Сикстинской Капелле, где проходят их конклавы.

Отсюда и важнейшее правило создания и прочтения творений на религиозную тематику – «Правило Микеланджело»!

2. Правило Микеланджело – «закон возведения смысла к высшему взгляду»

Вторую часть этого подзаголовка мы взяли из писаний признанного католиками и православными знаменитого греческого философа Святого Григория Нисского (335 – 394), развивавшего идеи христианского платонизма. Его нередко сравнивают по значению с од-

⁵ Зигмунд Фрейд, «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия», М., 2009.

⁶ Timothy Verdon, *Michelangelo Teologo*, Milano, 2005.

ним из столпов христианства блаженным Августином. Для него воспитание христианина «закключалось в одном беспрестанном... усилении... приблизиться, насколько это возможно для человека, к совершенству»⁷. При этом сам философ считал, что «жизнь Моисея достигла самого крайнего предела совершенства»⁸.

Сам Микеланджело в диалогах об искусстве от 1538 года, записанных португальцем Франциско де Холандо, сформулировал обязательность для художника при создании творений на религиозные сюжеты быть проникнутым духом отражаемого религиозного момента. Буквально он сказал следующее:

«Никто не вправе изображать чистоту Мадонны и святых, кроме самых наилучших художников, которых можно найти... Даже в Ветхом Завете Бог выражает желание, чтобы те, кто всего лишь будут заниматься оформлением росписи и орнамента Ковчега Завета (ларца для хранения записей полученных заветов), должны быть не только великими и искусными мастерами, но были бы вдохновлены его божественной добротой и мудростью. Бог указал Моисею, чтобы сам наполнил их своим духом и мудростью, чтобы они могли вложить в свою работу все, что сам Бог хотел бы вложить. И если Бог желал, чтобы Ковчег Завета был так хорошо оформлен, насколько больше труда и обдумывания Он ожидает от изображения собственного лица и от изображения его Сына, и изображение самообладания, и красоты чудесной Девы Марии... Никому неизвестно, как возвыситься в этом знании, кроме ума, который понимает,

⁷ Библиографический словарь.

⁸ «Творения святого Григория Нисского». Часть 1. М.: Типография В. Готье, 1861. – «О жизни Моисея Законодателя», с. 223-379. («Творения святых отцов» в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии, Том 37.

что такое хорошая работа и как он может ее сделать. Дистанция и различие, которые существуют между низким и высоким пониманием живописи (под живописью он понимал в том числе и скульптуру – П. Б.), являются серьезной проблемой»⁹. А далее он говорит об изобразительном искусстве как об «имитации работы бессмертного Бога»(!)¹⁰ Вот так он воспринимал себя и своего Моисея! Без понимания этого любая серьезная интерпретация творчества Микеланджело невозможна.

Эти условия относятся не только к созданию самих произведений, но и для их адекватной интерпретации. Мы не можем требовать от современных ценителей искусства той боговдохновенности, о которой говорит Микеланджело. Но стремление понять эту боговдохновенность в авторе произведения, является обязательным условием любой публичной и профессиональной интерпретации.

Таково наше понимание «правила Микеланджело», в первую очередь, конечно, для интерпретации обсуждаемой скульптуры Моисея. Как это сделать практически в наш нерелигиозный и далеко отдаленный от скульптора век? Как представить, прикоснуться к содержанию его «боговдохновенности»?

Так удачно получилось, что момент встречи Моисея с Богом при передаче второй пары каменных таблиц вдохновенно осмыслен видным богословом и философом святым Григорием Нисским в книге «О жизни Моисея Законодателя». Микеланджело мог мыслить так же.

Просим читателя набраться терпения (оно будет вознаграждено) и вчитаться в нижерасположенную пространную цитату, показывающую, какую бурю мыслей и

⁹ Francisco de Holanda, *Dialogues with Michelangelo*, London, 2006, pp. 113, 115.

¹⁰ Francisco de Holanda, *Op. cit.*, p. 120.

чувств вызвал этот библейский эпизод у епископа Григория Нисского.

Итак и место у Бога, и камень на том месте, и помещение в камне, которое именуется расселиною, и вшествие туда Моисея, и наложение руки Божией на устье, и прохождение мимо, и воззвание, и после сего видение задних, – основательнее будет рассматривать по закону возведения смысла к высшему взгляду. Посему что же изображается сим? Как готовые к падению тела, как скоро приобретут некое стремление катиться по наклонности, хотя после первого движения и никто не будет понуждать их вновь, сами собою сильнейшим порывом несутся вниз, пока путь их покат и клонится к низу, притом не встречается ничего такого, что противным движением пресекало бы их стремление: так вопреки сему душа, отрешившаяся от земного пристрастия, делается несущаяся горе и скорою в этом движении ввысь, воспаряя от дольнего в высоту. И как свыше ничто не пресекает ее стремления (естество добра к себе привлекает возводящих к нему взоры): то конечно непрестанно становится она выше и выше себя самой, по вожделению небесного, как говорит Апостол, простираясь «вперед» (Флп 3. 13), и будет всегда совершать парение к высшему. Ибо по причине уже приобретенного, вожделевая не оставляет недостигнутою еще выше усматриваемую высоту, непрерывно продолжает стремление к горнему, тем самым, в чем преуспела, непрестанно обновляя усилие к полету. Ибо одна только деятельность, обращенная к добродетели, питает силы трудом, не ослабляя, но увеличивая делом напряжение к нему. Посему говорим, что Моисей, всегда бывший великим, нимало не останавливается в восхождении, не полагает себе никакого предела в стремлении к горнему: но однажды вступив на лестницу, на которой, как говорит Иаков, «утверждается Бог» (Быт 28. 13), непрестанно восходит на высшую и

высшую ступень, и не престаёт возвышаться; потому что и на высоте находит всегда ступень, которая выше достигнутой им. Отрекается он от ложного родства с египетскою царевною; делается отомстителем за Еврея; переселяется жить в пустыню, которой не возмущала жизнь человеческая; пасет в себе стадо кротких животных, видит сияние света; по снятии обуви необременительным делает восхождение к свету; избирается для освобождения родственного и единоплеменного народа; видит тонущего врага, покрываемого волнами; располагается станом под облаком; утоляет жажду камнем; на небе возделывает хлеб; потом воздеянием рук побораёт иноплеменника; слышит глас трубы; входит во мрак; проникает во святилище нерукотворенной скинии; изучает тайны божественного священства: уничтожает идола, умилоствует Божество; возобновляет закон, сокрушенный грехом Иудеев, сияет славою, и превознесенный на такие высоты, пламенеет ещё вожделением, ненасытимо ищет большего, и что всегда имел во власти, ещё того жаждет; и как не причастившийся доколе, домогается улучшить это, прося Бога, чтобы явил ему Себя, не в такой только мере, в какой вместить он может, но каков Бог Сам в Себе. Мне кажется, что чувствовать это свойственно душе, которая исполнена каким-то пламенеющим любовью расположением к прекрасному по естеству, и которую от видимой ею красоты надежда влечет всегда к красоте высшей, непрестанно приобретаемым всегда возжигаая в ней вожделение сокровенного. Почему сильный любитель красоты, непрестанно видимое им принимая за изображение вожделеваемого, желает насытиться видением отличительных черт первообраза. Сие-то и выражает это дерзновенное и преступающее пределы вожделения прошение насладиться красотою, не при помощи каких-либо зеркал, или в образах, но лицом к лицу. Божественный глас даёт просимое, в самом отка-

зе не многими речениями показывая какую-то неизмеримую глубину понятий. Ибо щедродаровитость Божия соизволила исполнить желание Моисея; но не обещала ему какого либо успокоения и пресыщения в этом желании. Бог не показал бы Себя своему служителю, если бы видимое было таково, что могло бы успокоить вожделение взирающего. В том и состоит истинное видение Бога, что у взирающего на Него никогда не прекращается это вожделение. Бог говорит: «человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33. 20). И сие слово показывает не то, будто бы зрение лица Божия для взирающих делается виною смерти (как возможно лицу жизни стать когда либо виною смерти для приближающихся?); но, поскольку, хотя Божество по естеству животворящее, однако же собственно отличительным признаком Божественного естества служит то, что Оно выше всего отличаемого по признакам; то полагающий, что Бог есть нечто познаваемое, уклонившись от сущего к тому, что признано существующим в способном вместить сие представление, не имеет в себе жизни. Ибо подлинно сущее есть истинная жизнь: а сие не доступно ведению. Посему, если животворящее естество превышает ведение, то постигаемое, без сомнения, не есть жизнь: а что не жизнь, то не имеет свойства соделаться сообщающим жизнь. Посему не исполняется желаемое Моисеем в том, в чем вожделение пребывает невыполнимым. Ибо сказанным научается он, что Божество, по естеству Своему, неопределимо, невключимо ни в какой предел. А если бы Божество могло быть представлено в каком-либо пределе; то по всей необходимости вместе с пределом было бы представляемо и то, что за ним, потому что заключенное в пределы, без сомнения, чем нибудь оканчивается; как пределом для живущих на суше – воздух, и для живущих в воде – вода. Посему, как рыба во всех своих пределах объемлется водою, а птица – воздухом,

среда воды для плавающего, а среда воздуха для летающего, есть крайняя поверхность предела, объемлющая собою и птицу и рыбу, за которою следует или вода или воздух: так, если Божество представляемо будет в пределе, необходимо Ему быть объемлемым чем-либо инородным по естеству, а объемлющему, как свидетельствует последовательность речи, во много крат превосходить содержимое. Но признано, что Божество по естеству прекрасно; а что разнородно с прекрасным, то конечно есть нечто иное, а не прекрасное, и что вне прекрасного, то заключается в естестве зла. А доказано, что объемлющее во много крат больше объемлемого... Итак заключающий Божество в какой-либо предел допускает возможность над прекрасным возобладать противоположному. Но это нелепо. Посему да не разумеется какое либо постижение невидимого естества. Непостижимому же не свойственно быть объемлемым. Напротив того всякое вожделение прекрасного, привлекаемое к оному восхождению, всегда возрастает вместе с желанным шествием к прекрасному. И сие-то значит в подлинном смысле видеть Бога, никогда не находить сытости своему вожделению. Но кто видит, как только можно ему видеть, тому надлежит непрестанно возгораться вожделением увидеть еще больше. И таким образом никакой предел не пресечет приращения в восхождении к Богу, потому что и прекрасному не отыскивается никакого предела, и никаким пресыщением не пресекается усиливающееся вожделение прекрасного...

Но какое это место, разумеемое Богом? Какой это камень? И что опять за вместимость в камне? Какая это рука Божия, закрывающая устье пещеры в камне? Какое это Божие мимохождение? что такое задняя Божия, видение чего обещает Бог дать Моисею, просившему зрения лицом к лицу? Без сомнения, всему этому, и в отдельности взятому, надлежит быть чем-то

великим и достойным великодаровитости Дающего, чтобы обетование сие можно было признать более величественным и превысшим всякого, бывшего уже великому служителю, богоявления. Посему, как же из сказанного уразумевает кто ту высоту, на которой и Моисей после стольких восхождений желает еще восходить; и Сам, «любящим Бога..., все содействует ко благу» (Рим. 8. 28), под Своим путеводительством облегчает восхождение? «Вот место у Меня» говорит Бог (Исх. 33. 21). С объясненным во взгляде сем прежде согласно, может быть, такое понятие. Указав место, Бог не ограничивает указуемого количеством (ибо для неколичественного нет меры), – но умолчанием обочертании относительно к мере руководит слушателя к беспредельному и неизмеримому. Посему слово, кажется мне, выражает таковую некую мысль: поскольку у тебя постоянно вожделение простирается «вперед» не имеешь сытости в продолжение своего течения, не знаешь никакого удовлетворения добром, но всегда желание твое стремиться к большему: то у Меня такое есть место, что проходящему оно никогда невозможно прекратить свое течение. Но сие течение в другом смысле есть стояние. Ибо говорит Бог: «стань на этой скале» (Исх. 33. 21). Всего же чуднее это, почему одно и тоже есть и стояние и движение. Кто восходит, тот, конечно, не стоит; и кто стоит, тот не восходит. А здесь самое стояние делается восхождением. Это значит, что, чем кто в большей мере пребывает твердым и непреложным, тем успешнее совершает течение добродетели. А кто непостоянен и посползновен в своих помыслах, не стоит твердо в добре, но влается и скитается, как говорит Апостол (Еф. 4. 14), колеблемый и сокрушаемый предположениями и сомнениями о существующем, – тот никогда не взойдет на высоту добродетели; подобно тому, как идущие на возвышение по песку, хотя, но видимому, и переходят

ногами большое пространство, трудятся без пользы; потому что ступни скользят всегда по песку в низ; так что, хотя и производится движение, но в движении не происходит никакого поступления вперед. Если же кто, как говорит псалмопение, извлекиши ноги из глубокой тины, утвердил их «на камне» (Пс. 39: 3), – камень же есть Христос, всесовершенная добродетель, то чем он тверже водружен в добре и «непоступен» по совету Павлову (1 Кор. 15: 58), тем удобнее совершает течение, как бы некими крыльями, пользуясь сим стоянием, и твердостью в добре окрыляя сердце к шествию горе.

Посему Показавший Моисею место возбуждает к течению поприщем, а обещая стояние на камне, показывает ему способ божественного течения. Вместителище же в камне, которое в Писании именуется «расселиною», прекрасно протолковал собственными своими словами божественный Апостол, говоря, что разорившим земную скинию соблюдается в уповании храма нерукотворенная небесная (2 Кор. 5: 1). Ибо действительно, кто, как говорит Апостол, «течение» совершил на этом широком и просторном поприще, которое в божественном Писании наименовано местом, и «веру» сохранил (2 Тим. 4: 7), или как говорится загадочно, утвердил ноги свои «на камне»: того рука Подвигоположника украсит венцем правды...

Посему утверждаем, что ту же мысль имеют и причисляющие сюда вшествие Моисеево в камень. Поскольку у Павла под камнем разумеется Христос; все же упование благ, как веруем, во Христе, в Котором, как познали мы, сокровища благ; то пребывающий в каком либо благе, конечно во Христе, содержащем в Себе всякое благо...

Да и Господь, вещавший тогда Моисею, став исполнителем собственного своего закона; подобным сему образом излагает ученикам, раскрывая явный смысл сказанного загадочно. «Кто хочет идти за Мною», а не

предо Мною, говорит Он (Лк 9: 23). И умоляющему о вечной жизни предлагает тоже самое. Ибо говорит: «приди, и следуй за Мной» (Мк 10: 21). Но идущий в след видит задняя. Посему Моисей, нетерпеливо желающий видеть Бога, научается теперь, как можно увидеть Бога; а именно, что идти в след Бога, куда ни поведет Он, значит взирать на Бога, потому что мимохождение Божие означает вождение идущего в след. Ибо незнающему пути невозможно безопасно совершить его иначе, как следуя за путеводителем. Посему путеводитель тем самым, что предшествует идущему в след, показывает ему путь. А идущий в след тогда не совращается с прямого пути, когда непрестанно видит задняя вождя. Ибо кто в движении уклоняется в сторону, или направляет взор, чтобы видеть ведущего в лице, тот пролагает себе иной путь, а не указуемый вождем. Почему говорит Бог руководимому: «а лице Мое не будет видимо [тебе]» (Исх. 33: 23), то есть, не становись лицом к лицу пред ведущим: потому что шествие твое непременно будет в противоположную сторону: доброе не в лице смотрит доброму, но следует за ним. Представляемое в противоположности лицом к лицу противостоит доброму. Ибо порок смотрит вопреки добродетели: добродетель же не представляется лицом к лицу противостоящею добродетели. Посему Моисей смотрит не в лице Богу, но видит «задняя» Его. А кто смотрит в лице, тот не будет жив, как свидетельствует Божественный глас: «человек не может увидеть» лице Господне, и «остаться ...живым» (Исх. 33: 20). Видишь, сколько важно научиться, как ходить в след Богу, а именно, после высоких оных восхождений, после страшных и славных богоявлений, к концу только жизни едва удаивается сей благодати научившийся стать позади Бога. Кто так ходит в след Бога, тот уже не встречает никакого столкновения с пороком. Итак и место у Бога, и камень на том месте, и помещение

в камне, которое именуется расселиною, и вшествие туда Моисея, и наложение руки Божией на устье, и прохождение мимо, и воззвание, и после сего видение задних, – основательнее будет рассматривать по закону возведения смысла к высшему взгляду...

Мы сейчас знаем, что не могло быть во взгляде Моисея «гнева и презрения», о которых писал Фрейд и много других авторов. Микеланджело, по Григорию Нисскому, изображал «стояние делающееся восхождением». По композиции статуи он изображал еще более трудное: сидение «делающееся восхождением». То, что Моисей сидит, «сидение» еще больше подчеркивает благословенное умиротворение его при напряженной внутренней динамике, необыкновенную силу обуревающих его чувств, проявляющихся не в движении и напряжении мышц, а его глазах, его взгляде, в повороте головы вслед прошедшему Богу. По «закону восхождения к высшему смыслу».

Спектр его чувств во взгляде статуи Моисея, например, хорошо описала итальянская художница и вице-президент Флорентийского общества Лолита Тимофеева: изумление, неверие в происходящее, онемение, растерянность, смущение, спутанность сознания, откровение. (Впрочем, читатель по нашим иллюстрациям может и сам задуматься над этим вопросом).

Для философов Флорентийской Платоновской Академии, пытавшихся объединить идеи Платона и неоплатоников с христианской доктриной, Григорий Нисский должен был являться важнейшим источником, греческий язык они знали, его сочинения могли ими обсуждаться в присутствии юного Микеланджело. В любом случае, он как глубоко религиозный человек переживал библейский эпизод единственного позволенного взгляда человека на Бога примерно так же, как и епископ Григорий Нисский. Моисей и другие творения Микеландже-

ло показывают его собственную мощную мыслительную энергию¹¹.

Известным специалистом по Возрождению после чтения рукописи одного из авторов о восточном влиянии на творчество Микеланджело был задан неожиданный вопрос: какими источниками подтверждается присутствие Микеланджело на заседаниях Флорентийской Платоновской Академии в период 1489 – 1492 его жизни во дворце Лоренцо Медичи Великолепного? Этот вопрос требует рассмотрения, поскольку наш тезис о том, что не заканчивавший никаких учебных заведений Микеланджело был одним из самых высокообразованных людей эпохи Возрождения, основывается, в том числе, и на его зрительско-слушательском участии в юношеские годы в дискуссиях философов Платоновской Академии.

С одной стороны, общение с философами – не вызывающий сомнения факт, описанный со слов Микеланджело его прижизненными биографами Вазари и Кондиви. Ромен Роллан пишет: «Лоренцо Великолепный заинтересовался Микеланджело, поместил его во дворец, сажал обедать за один стол со своими сыновьями. Здесь, в самом сердце итальянского Возрождения, мальчика окружают коллекции антиков, он слушает поэтические произведения, присутствует на философских диспутах великих платоников – Марсилио Фичино, Бенивьени, Андже́ло Полициано. Они увлекли его».¹²

¹¹ Интересно, что русскоязычный читатель имеет привилегию сопереживания попыткам проникнуть во внутренний мир мастера, предпринятый писателем Карелом Шульцем (1899 – 1943) в книге «Камень и боль», поскольку этот роман – вероятно лучший в чешской литературе – уже 50 лет как хорошо переведен на русский язык (на английский только частично, на итальянский недавно).

¹² Ромен Роллан «Жизнь Микеланджело», Собрание сочинений, том 2, М., 1954, с. 59.

С другой стороны, жанр платоновских академий со времен самого Платона основывался не на формальных заседаниях типа современного ученого совета, а на беседах во время прогулок по роще и любых других местах, где встречались философы, в том числе на обедах и пирах. Флорентийская Платоновская академия ко времени появления юного Микеланджело (1489 – 1492) в ее кругах насчитывала уже более тридцати лет и функционировала при Козимо Медичи Старшем, его сыне Пиетро, а наиболее известна своим последним периодом – при Лоренцо Медичи Великолепном. За это время «заседания» академии проходили в разных домах и на разных загородных виллах, а также на прогулках в медицейских и других садах.

Название статьи в русской Википедии «Платоновская академия в Карреджи» ошибочно и не совпадает с названиями аналогичных статей на всех остальных языках Википедии, так как вилла в Карреджи, подаренная Козимо признанному лидеру академии Марсилио Фичино, была просто местом жительства этого философа, местом общего торжественного праздника каждого 7 ноября – дня рождения Платона, где «члены» академии часто собирались, но отнюдь этим не ограничивались, обмениваясь мыслями везде, где они встречались.

Встречи же в Карреджи происходили в основном летом¹³, тогда как дискуссии платоников шли круглый год. Особенно это относится к годам жизни Микеланджело в доме Медичи, поскольку Лоренцо уже болел и был обременен серьезными государственными делами, требовавшими его присутствия в городе. Центром же академии, как отметил Буркхардт, был именно Лоренцо¹⁴. Философы, кроме Фичино, как и молодой Микелан-

¹³ John T. Spike *Young Michelangelo*, New York, 2010, p. 37.

¹⁴ Jacob Burchardt, *The Civilization of the Renaissance in Italy*,

джело, практически постоянно жили в доме Лоренцо и ежедневно встречались с ним за обеденным столом и при прогулках по медицейским садам. Напряженный обмен мнениями между ними никогда не прекращался и юноша был свидетелем этих дискуссий. «За столом Лоренцо давал советы юному Микеланджело, при этом перебрасывался эпитаграммами с Пульчи, обсуждая проблему единства в множестве с Марсилио Фичино»¹⁵.

Возможно юноше приходилось лично слышать такие мысли Пико дела Мирандола, как: «Философы читают в небе законы судеб, знаки событий, порядок вселенной... кто чужд философии не человек... Ведь тот, кто не философствует, тот не живет в ладу с душевной добродетелью... Мне кажется к тому же, что тот, кто не хочет философствовать, тот не хочет быть счастливым»¹⁶. Интенсивность устного общения окружающих его знаменитых философов давала Микеланджело больше, чем чтение книг. Леонид Баткин пишет: «Итальянские гуманисты возродили античный диалог, который наряду с эпистолой, стал их любимым жанром... Суждения Кастильони, Фичино, Пико дела Мирандолы подводят к существу диалога. Гуманистический диалог – столкновение разных умов, разных истин, несходных культурных позиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру... А что такое вообще Ренессанс, как не диалог...»¹⁷. Происходило такое устное общение, как писал знаменитый флорентийский гуманист Леонардо Бруни, «при первой возможности». Так что, ежедневно приглашая Микеланджело на обед в Палаццо

London, 2004, p. 146.

¹⁵ G.F. Young, *The Medici*, New York, 1930, p. 218.

¹⁶ Л. М. Баткин, «Итальянский гуманистический диалог XV века», сборник «Из истории культуры средних веков и возрождения», М., 1976, сс. 194, 195, 198.

¹⁷ Там же, сс. 175, 184, 192.

Медичи, где он и жил, его приглашали и на заседание Флорентийской Платоновской академии. И это в течение более трех лет! «Лоренцо равнял Микельанджело с Полициано, Фичино и Бертольдо... В платоновской философии Микельанджело, должно быть, привлекало учение об идеях. В этом идеалистическом воззрении он мог искать созвучность своим мыслям о задачах искусства – создавать яркие, типические, идеально-человеческие образы, долженствующие служить как бы «идеей», нормой для людского рода. Но и здесь Микельанджело подчинял философские мысли далекого прошлого своим гуманистическим идеалам... Гуманистические идеалы Микельанджело были очень широки. Они были способны охватить все ценное, что было у его предшественников...»¹⁸.

Слушать мысли других было важнейшей формой обучения того времени, когда книги были громоздки и дороги, а книгопечатание только набирало силу. Харриет Рубин, например, пишет об источниках знаний Данте за 200 лет до Микеланджело: «Большую часть его образования в изгнании происходило не из чтения, но из слушания. Проповеди и лекции были повсеместными, как и дискуссии, в которых можно было участвовать»¹⁹.

Для правильной интерпретации Микеланджело необходимо признавать его самостоятельным и независимым мыслителем.

Рафаэль заочно учился у Микеланджело, но в Риме начала XVI века они уже встретились как соперники. При поддержке Браманте он даже пытался «отнять» роспись Сикстинской капеллы. Рафаэлю принадлежит жесткая, но, видимо, верная фраза о Микеланджело: «Одинок как палач». Соперничество между ними за зака-

¹⁸ А. Дживелегов «Микельанджело», М. 1988, с. 29, 31, 32.

¹⁹ Harriet Rubin, *Dante in Love*, New York, 2004, p. 103.

зы от Ватикана продолжалось и при папе Юлии II и папе Льве X (последний был из рода Медичи и много раз сидел с юным скульптором за одним столом). В 1508–1511 годах Рафаэль написал знаменитую фреску «Философия» (известна как «Афинская школа»). На переднем плане он изобразил Микеланджело в образе Гераклита, известного как основателя диалектики.

Современник Буонаротти флорентийский поэт Франческо Берни писал в 1533 году, что Микеланджело сравним с Платоном, но выражает мысль не словами, а визуальными произведениями (cose – «вещами, предметами»). Он так же, как и Кондиви, сообщал о каких-то философских текстах Микеланджело, причем явно не о стихах. До нас не дошли никакие прозаические заметки мастера на философские темы, но, возможно, они существовали.

Искусствовед и переводчик Абрам Эфрос пишет о «философских стихах», что «у Микеланджело вовсе не взятая из общих рук готовая и неизменная система взглядов, а живой процесс страстного и пытливого осмысления действительности, взаимоотношений с людьми и с миром»²⁰. Чтобы осознать Микеланджело как философа, соответствующего вышеприведенным оценкам, нужно просто допустить, что философское произведение он мог без всяких устных и письменных пояснений и дальнейших объяснений создать в виде скульптуры.

Альбрехт Дюрер, любивший все пояснять и вести дневники, создал гравюру «Меланхолия» размером меньше А4 без всяких разъяснений, и ей до сих пор посвящены многие толкующие ее философский смысл монографии (одна из них – самого великого Эрвина Панофского). Точно так же и статую Моисея следует

²⁰ Микеланджело Буонаротти. «Стихотворения. Письма». СПб, 1999, с. 240.

рассмотреть как отдельное самостоятельное произведение, наполненное серьезным библейским и философским смыслом, заложенным в нее титаном Возрождения. Достижения флорентийских неоплатоников трудно ставить под сомнение, так как при организационной поддержке Козимо Медичи Старшего (1389–1464) именно они вернули идеи Платона из периферии древнегреческой истории в центр европейской мысли, сохранив для будущих поколений светский идеализм, независимый от религиозного сознания. Интеллектуальное становление и развитие Микеланджело проходило в окружении неоплатоников и не могло не оказать на него серьезного влияния. Например, стоя у его скульптуры Моисея нужно хорошо подумать, не вложил ли он в ее смыслы дополнительно любимый мотив Фичино: «Платон – это Моисей, говорящий по-гречески».

Нам пора вернуться к незатронутому еще второму правилу интерпретации великих произведений: анализ возможных личных целей и задач, закладываемых автором в свое творение. Оно в статуе Моисея только частично перекрывается уже рассмотренным «Правилom Микеланджело». Библейский эпизод, когда человеку было дозволено посмотреть на Бога, много значил лично для Микеланджело, который вел с Богом постоянный прямой внутренний, поэтический и творческий диалог, многократно изображая Бога, в том числе, словами Григория Нисского, «заднее» в фреске на потолке Сикстины. Моисей, почти как равный говоривший с Богом, был ему особенно близок потому, что он, вероятно, сам считал себя таким же. В этом смысле в скульптуре Моисея он изобразил и себя.

Вмешательство обстоятельств жизни или, еще лучше сказать, Бога придает признанным произведениям еще больше «божественности». Повторим здесь еще раз слова Вазари:

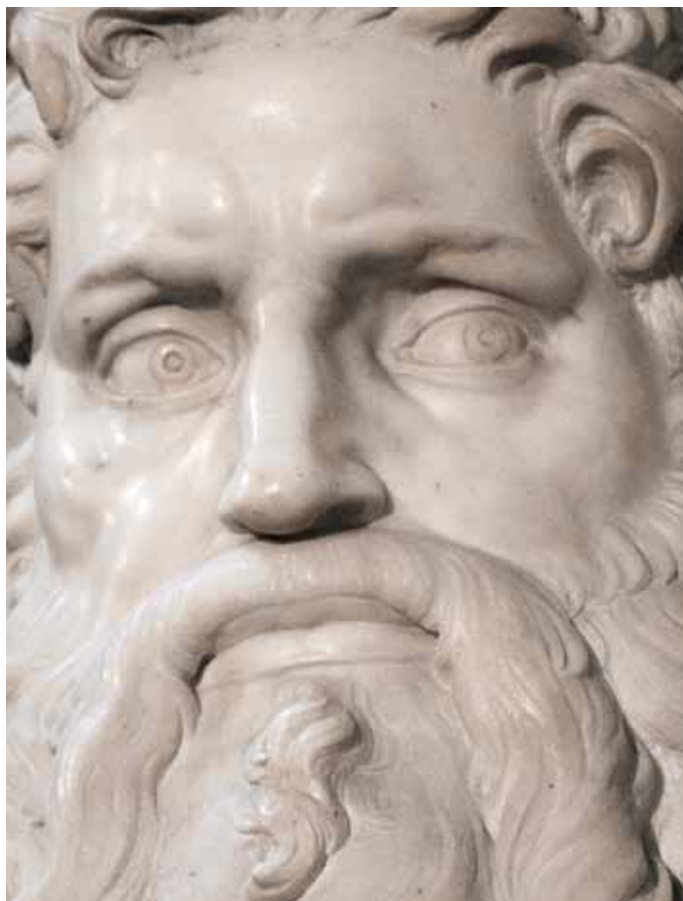
Это лицо, столь сияющее и столь лучезарное для всякого, кто на него смотрит; так прекрасно передал Микеланджело в мраморе всю божественность, вложенную Господом в его святейший лик. ..., что Моисей теперь может быть назван другом Бога, еще с большим основанием, чем раньше, поскольку Бог позволил руке Микеланджело возродить его тело для обозрения людям.

Бог в этом случае как бы становится соавтором гробницы Юлия и ее участником. Ведь статуя Моисея сейчас является главной в гробнице Юлия по сравнению с первоначальным замыслом, где она была одной из десятков других. Возвышаясь на уровне 4 метров, она была бы во многом утрачена для зрителя, в первую очередь, лицо статуи и взгляд Моисея на Бога. А память Юлия Второго от такого изменения не пострадала, ведь его и помнят только потому, что он увековечен великим Микеланджело.

Кондиви пишет (вполне возможно под диктовку самого Микеланджело), что «статуя Моисея является самым лучшим памятником в Риме, а, возможно, и во всем Мире». Кто-нибудь осмелится сказать, что это нескромное утверждение. Но скромность не является применимой категорией к людям, у которых Бог является соавтором и собеседником. Диалог с Богом или самим собой о главных вопросах жизни, будь такой диалог внешним или внутренним, в любом случае относится к важнейшим моментам, переживаемых человеком и человечеством. Это момент созидания, а не разрушения. Микеланджело сумел запечатлеть такой момент в камне, заставляя зрителя задумываться, сопереживать или, как минимум, испытать чувство возвращающегося потом не раз внутреннего беспокойства... Вопреки путеводителям, в том числе в самой церкви Сан Пиетро ин Винколе, где до сих пор продолжают писать о вскакивающем, чтобы разбить таблицы, Моисее.

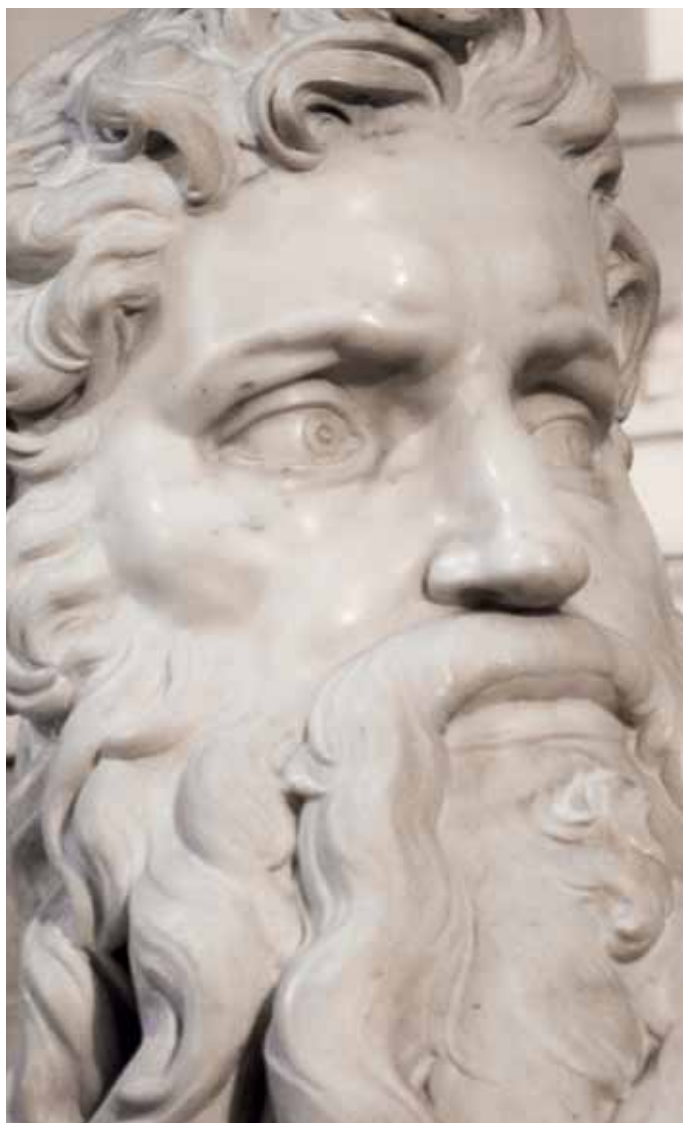

*Петр Баренбойм, Абдусалам Гусейнов,
Аркадий Недель, Сергей Шиян*

МОИСЕЙ
Первый философ права
Человек, который видел Бога

Ответственный редактор М. Миронова
Корректор С. Поварова
Ретушь, цветокоррекция С. Сухоцкая
Верстка С. Иванов

Подписано в печать 01.10.2017
Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Издательство ЛУМ/LOOM
109387, Москва, ул. Люблинская, 42

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО "Сам Полиграфист"
129090, г. Москва, Протопоповский пер., 6
e-mail: info@onebook.ru

ISBN 978-5-906072-28-3

9 785906 072283

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо.

Исход, 33:20-23

